

**РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ**

На правах рукописи

Хохлов Алексей Александрович

**Реализация функционального потенциала крылатых единиц в газетном
заголовке (на материале российских СМИ 2011-2022 гг.)**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Ломакина Ольга Валентиновна

Москва 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦ В РУСЛЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	14
1.1. Публицистический текст в современной лингвистической парадигме	14
1.1.1. Понятия текст, стиль, дискурс в связи с изучением современных публицистических текстов	14
1.1.2. Медиалингвистика как новый этап исследования публицистических текстов.....	20
1.1.3. Газетный субдискурс: жанровые особенности	28
1.2. Заголовок как объект лингвистического исследования	30
1.2.1. Языковые особенности газетного заголовка. Классификации газетных заголовков.....	34
1.2.2. Заголовок в контексте прагмалингвистики: функциональный потенциал заголовка	39
1.3. Крылатая единица: определение, признаки, функционирование в публицистическом тексте	47
1.3.1. Крылатика: терминологический аппарат	48
1.3.2. Статус крылатых единиц в современной лингвистике, их дифференциальные признаки.....	51
1.3.3. Функциональный потенциал крылатых единиц	55
Выводы по первой главе	61
ГЛАВА 2. РОЛЬ КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦ В СОЗДАНИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ: АНАЛИЗ ИНВАРИАНТОВ И ТРАНСФОРМОВ КАК ЭЛЕМЕНТОВ СОВРЕМЕННЫХ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ	65
2.1. Концептосфера современной публицистики: методология описания и основные способы репрезентации	65
2.1.1. Методология описания концептосферы современной публицистики	65
2.1.2. Основные способы репрезентации универсальных ценностных концептов.....	70

2.2. Крылатые единицы и их трансформации как репрезентанты концептосферы современной публицистики (на примере современных газетных заголовков 2011-2022 гг.)	74
2.3. Характеристика макроконцепта «общество»	76
2.3.1. Репрезентация концепта «общество»	78
2.3.2. Репрезентация концепта «спорт»	102
2.3.3. Репрезентация концептуальной диады «здоровье – болезнь»	118
2.3.4. Репрезентация концептуальной диады «война – мир».....	132
Выводы по второй главе	155
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	157
ЛИТЕРАТУРА.....	160
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	182

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено рассмотрению основных способов реализации функционального потенциала крылатых единиц (КЕ) – «постоянно воспроизводимых в широких кругах изречений, выражений, имен, историческое или литературное происхождение которых известно (доказуемо)» [Шулежкова 2002: 15] – в составе заголовка современных публицистических текстов. Исследуемые КЕ в процессе реализации прагматического потенциала в современном газетном заголовке выполняют функцию актуализаторов ключевых концептов современной языковой картины мира: «общество», «спорт», «здоровье – болезнь», «война – мир», раскрывающих нравственные понятия, посредством которых в языке находят отражение духовные, этические принципы, характерные для русского общества. Данный факт подтверждает мысль о том, что «современный газетный текст вне зависимости от выбранного канала передачи отражает трансформации, относящиеся к социально-политической сфере общества, и является маркёром происходящих в языке изменений» [Ломакина, Хохлов 2022: 73].

К одним из наиболее перспективных направлений современной фразеологии относится изучение фразеологических средств разных разрядов в функциональном аспекте, при реализации которого проявляются особенности употребления в текстах, принадлежащих к различным стилям и жанрам. Рассмотрение в качестве поля функционирования фразеологии в целом и крылатики в частности позволяет говорить о фразеологических ресурсах языка как об одном из наиболее функциональных способов номинации, приводящих к образованию новых фразеологических смыслов при обозначении конкретных ситуаций; в контексте подобного подхода исследование текстов публицистического дискурса, а также выразительных средств, входящих в их состав, представляется важным для лингвистики.

Публицистический дискурс традиционно относят к наиболее информативно насыщенным, что обусловлено целями публицистических текстов. Подобная характеристика обусловлена прагматическим функционалом данного дискурса, что позволяет, по мнению А.С. Макаровой, «наиболее оперативно» реагировать «на все изменения, происходящие в современном мире» [Макарова 2016: 5]. К *публицистическому дискурсу* принято относить язык СМИ, представленный при помощи разных каналов передачи информации: наряду с традиционными – устным и письменным, в последние десятилетия интернет стал активно используемым каналом передачи информации СМИ.

Тексты, относящиеся к публицистическому дискурсу, являются «одной из самых распространённых форм современного бытования языка», в то время как корпус подобных текстов, «ежедневно производимых и передаваемых по каналам СМИ», с каждым днем увеличивается [Добросклонская 2008: 5]. О.В. Ломакина отмечает важность использования КЕ в процессе создания текстов публицистического дискурса, вследствие чего «рассматриваются в качестве стилистических приёмов, что доказывает широту реализации функционального потенциала» [Ломакина 2019: 76]. Кроме того, авторы публицистических текстов различными способами транслируют современную картину мира, представляющую собой «систему взглядов и предписаний, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими по-русски» [Шмелев 2009: 14]. Концептуализация знаний о человеке и мире сосредоточена в социально значимых концептах, актуализация и вербализация которых наблюдается в публицистических текстах, поскольку авторы такого рода текстов «обязательно» касаются «социальных вопросов» или рассматривают «частные проблемы, но непременно с социальных позиций» [Солганик 2001: 76]. В процессе вербализации определенных концептов авторы публицистических текстов нередко используют КЕ не только в качестве сильной позиции текста (заголовков, текстовая доминанта), но и как неотъемлемый экспрессивный

языковой материал, участвующий в создании статьи [Шулежкова 2009; Ломакина 2019; Макарова 2017].

Степень научной разработанности проблемы. Интерес к исследованию реализации функционала фразеологических средств встречается в работах конца XX – начала XXI вв. [Арутюнян 2015; Большакова 2009; Диброва 1979; Вакуров 1994; Карамова 2015; Шулежкова 2002 и др.], а описание функционирования фразеологических средств в текстах различной направленности встречаются в современных исследованиях [Горячева 2011; Макарова 2016; Каменев 2012; Ломакина 2016 и др.]. Однако рассмотрение функционирования КЕ в качестве заголовка в газетных текстах представлено менее обширно. Тем не менее, исследование функционального потенциала фразеологических единиц, в частности КЕ, является сегодня одним из наиболее перспективных направлений.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью исследования основных способов реализации функционального потенциала КЕ в составе современного газетного заголовка российской прессы посредством репрезентации ключевых концептов русской языковой картины мира, отражающих систему ценностей и морально-этические ориентиры носителей языка. Подобный анализ, как представляется, позволяет выявить специфику употребления данных КЕ в рассматриваемых заголовках, а также изучить функциональные свойства КЕ в контексте современного публицистического дискурса.

Теоретическую основу исследования составили труды по:

- фразеологии [Верещагин 1982; Виноградов 1997; Ларин 1977; Мелерович, Мокиенко 2008; Телия 1999; Шанский 1996 и др.];
- крылатологии [Бабкин 1982; Берков 2008; Гвоздарёв 1977; Дядечко 2006; Клюкина 2004; Ломакина 2015; Ломакина, Мокиенко 2019; Макарова 2016; Меликян 2004; Назарян 1987; Шулежкова 2002 и др.];

– стилистике [Добросклонская 2008; Дускаева 2020; Клушина 2010; Костомаров 1994; Прохоров 2000; Рацибурская 2010; Солганик 1997; Трофимова 2010; Чернявская 2006 и др.]

– языку средств массовой информации [Анненкова 2011; Баева 2000; Вомперский 1966; Дедюкова 2009; Дускаева 2020; Добросклонская 2008; Кузнецова 2010; Клушина 2008; Костомаров 1971; Моисеенко 2015; Солганик 2007; Трофимова и др.];

– когнитивной лингвистике [Алефиренко 2011; Беляевская 2007; Болдырев 2021; Кубрякова 2012; Попова 2007 и др.].

Целью исследования является выявление особенностей реализации функционального потенциала КЕ в современном газетном заголовке российской публицистики с учетом их структурно-семантических преобразований в контексте вербализации ключевых концептов русской ментальности.

Для достижения указанной цели решаются следующие **задачи**:

- 1) определить характерные особенности современного публицистического дискурса;
- 2) проанализировать возможности заголовка печатных изданий в качестве наиболее значимой единицы газетного текста;
- 3) определить содержание и объём понятия *крылатая единица*, отразить обусловленность выбора данного термина;
- 4) описать способы реализации функционального потенциала КЕ в газетном заголовке;
- 5) рассмотреть методологию описания концептосферы современной публицистики (на примере рассмотрения концептов «общество», «спорт», «здоровье – болезнь», диады «война – мир»);
- б) выявить понятийную структуру концептов «общество», «спорт», «здоровье – болезнь», диады «война – мир», установив их центр и периферию;

7) охарактеризовать механизмы их реализации функционального потенциала КЕ с учётом трансформации в процессе вербализации указанных концептов.

Необходимостью решения обозначенных задач обусловлен выбор комплексной методики исследования, формируемый посредством как традиционных методов и приёмов, включающих описательно-аналитический метод, метод компонентного анализа, прием сплошной выборки, систематизации и классификации анализируемого материала, так и утвердившиеся в последние десятилетия когнитивный и лингвоаксиологический методы.

Выдвигаемая **гипотеза** заключается в следующем: реализация функционального потенциала КЕ, актуализируемая посредством наиболее частотно употребляемых КЕ-трансформов (по сравнению с инвариантами), в современных газетных текстах способствует вербализации базисных концептов русской ментальности.

Объектом исследования являются КЕ русского языка, используемые в составе современного газетного заголовка определённого периода.

Предметом исследования являются способы реализации функционального потенциала КЕ, посредством которых происходит вербализация базовых элементов концептосферы русского языка в газетном заголовке.

Материалом исследования послужила авторская картотека заголовков (около 9000), включающих различные КЕ-трансформы и КЕ-инварианты, извлечённые приёмом сплошной выборки из текстов отечественных печатных газетных изданий (36) как федерального, так и регионального уровня: «Коммерсантъ», «Известия», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Российская газета», «Огонёк», «Советский спорт», «Труд», «Дилетант», «Аргументы Недели», «Парламентская газета», «Литературная газета», «Военно-промышленный курьер», «Эксперт», «Коммунист», «Факт», «Советская Россия», «Дагестанская правда», «Наш Красноярский край», «Новое Заволжье», «Заполярная правда»,

«Юридическая газета», «Новая газета», «Крымская газета», «Северная вахта», «Курганские известия», «Независимая газета», «Гудок», «Протестант», «Наша Газета», «Маяк», «Мир предложений», «Рузаевские новости», «Вестник», «Экспресс газета», «Рязанские ведомости». Рассмотренные заголовки охватывают временной промежуток с 2011 по 2022 гг. Представленные газеты являются авторитетными качественными изданиями, информация большей части которых ориентирована на широкий круг читателей. В данном исследовании рассмотрено 102 заголовка, включающих КЕ.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Прагматические возможности газетного заголовка современной публицистики раскрываются посредством использования языковых средств, среди которых наиболее употребляемыми являются КЕ, способствующие реализации коммуникативных задач автора публицистического текста.

2. В заголовках текстов современной российской публицистики более распространенными являются КЕ-трансформы, в отличие от КЕ-инвариантов. Наиболее распространенными являются субституция и комплексное преобразование, включающее одновременно несколько приемов трансформации.

3. В современной российской публицистике репрезентантами концептов «общество», «спорт», «здоровье – болезнь», «война – мир» являются КЕ, среди которых наиболее используемыми являются трансформы, позволяющие актуализировать план содержания и / или план выражения КЕ.

4. Наибольший трансформационный потенциал в русской публицистике проявляется в КЕ, источником которых являются классическая литература и синтетические виды искусства (*Война нервов; Вставай, страна огромная!; Лет до ста расти нам без старости; Больше поэтов хороших и разных*).

Достоверность и обоснованность результатов исследования подтверждается анализом обширной теоретической базы по теме исследования, отбором материала, проанализированного в практической части исследования, а также апробацией посредством обсуждения на конференциях различного уровня и публикации в рецензируемых научных журналах и изданиях.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в первом опыте комплексного исследования механизмов прагматического воздействия КЕ в заголовках современных российских газетных печатных изданий (2011-2022), посредством которого осуществляется вербализация базовых концептов русской языковой картины мира; введен в научный оборот корпус современных газетных заголовков, включающих КЕ.

Теоретическая значимость работы состоит в последовательном рассмотрении концептосферы современного российского общества при помощи авторского алгоритма, определении роли фразеоресурсов при вербализации концептосферы современной публицистики, расширении исследовательской базы печатных версий текстов газет и их заголовков; рассмотрении особенностей газетного заголовка, реализующего функциональный потенциал крылатики, в контексте его коммуникативно-прагматической выстроенности и экспрессивного содержания для эффективного воздействия авторского текста на читателя; рассмотрении особенностей функционирования КЕ, используемых публицистами в современных заголовках печатной прессы.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов в процессе преподавания таких дисциплин, как когнитивная лингвистика, лексикология, фразеология, стилистика; результаты исследования также могут быть использованы при разработке специальных пособий, материал приложения может быть задействован при составлении словаря КЕ-трансформов. Полученные результаты представляют интерес в том числе и для дальнейшего рассмотрения

концептов «общество», «спорт», «здоровье – болезнь», «война – мир», средств их вербализации в текстах различных типов.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования отражены в 9 публикациях:

1. Хохлов, А. А. Репрезентация концепта ОБЩЕСТВО фразеологическими средствами в СМИ / А. А. Хохлов // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). С. 801–805.

2. Хохлов, А. А. Репрезентация диады «война – мир» в современном газетном заголовке (на примере использования крылатых единиц в российской прессе) / А. А. Хохлов // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 426–430.

3. Хохлов, А. А. Репрезентация концепта СПОРТ фразеологическими средствами в СМИ / А. А. Хохлов // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С.183–188.

4. Хохлов, А. А. Репрезентация концепта ПОЛИТИКА фразеологическими средствами в СМИ / А. А. Хохлов // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 690–693.

5. Хохлов, А. А. Тенденции употребления крылатики в составе современных газетных заголовков: серийность, вариативность, лозунговость / А. А. Хохлов // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (291). С. 200-204.

6. Хохлов, А. А. Варьирование крылатых единиц как способ расширения репрезентантов концепта (на материале газетных заголовков 2020–2022 гг.) / Ломакина О.В., Хохлов А.А. // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2022. № 1 (37). С. 72–80.

7. Хохлов, А. А. Использование крылатых единиц-трансформов в заголовках (на примере газеты «Коммерсантъ») / А. А. Хохлов // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы XI Междунар. науч. конф., Челябинск, 7 – 9 апр. 2022

г.: в 2 ч. Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2022. С. 128–131.

8. Хохлов, А. А. Методология описания концептосферы современной российской публицистики / А. А. Хохлов // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3. Филологические науки. Медиакоммуникации. 2022. № 4 (86). С. 132–136.

9. Хохлов, А. А. Функциональный потенциал крылатых единиц в современных газетных заголовках (на примере рассмотрения крылатой единицы *Тамбовский волк тебе товарищ*) / А. А. Хохлов // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе. 2022. Т. 2. № 3 (26). С. 20–24.

В число данных работ входят 6 статей, опубликованных в научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации и Перечнем РУДН имени Патриса Лумумбы. Материалы исследования также отражены в выступлениях с докладами на следующих международных конференциях: XV Международная научно-практическая конференция НОПриЛ «Языки и культуры в современном мире» (26-27 сентября 2020 г., Иваново), Международная научная конференция «Максимовские чтения» (11 марта 2021 г., Москва), Международная научная конференция «Язык и мышление в эпоху глобальных перемен» (2-4 июня 2021 г., Нижний Новгород), Международная научная конференция «Научная парадигма современной русистики» (24 сентября 2021 г., Москва), Международная научно-практическая конференция «V Фирсовские чтения. Современные языки, коммуникация и миграция в условиях глобализации» (20-21 октября 2021 г., Москва), Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 7-9 апреля 2022 г.), Всероссийская научная конференция с международным участием «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы» (9 октября 2020 г., Тамбов),

Всероссийская научная конференция с международным участием «Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования» (20-21 апреля 2023 г., Тамбов).

Объем и структура работы. Структура, содержание и объем диссертационного исследования определяется сформулированной целью и поставленными задачами. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной научно-теоретической литературы, в который входят в том числе словари и справочные издания, списка источников фактического материала и приложения, содержащего проанализированный в диссертации список трансформированных КЕ русского языка, реализующих функциональный потенциал в процессе вербализации ценностных компонентов концептов «общество», «спорт», «здоровье – болезнь», «война – мир» в российских печатных газетных изданиях. Общий объем текста составляет 189 страниц, из которых 181 страница составляет основное содержание работы, а 8 страниц – приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦ В РУСЛЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. Публицистический текст в современной лингвистической парадигме

1.1.1. Понятия текст, стиль, дискурс в связи с изучением современных публицистических текстов

Изучение особенностей текстов публицистики входят в состав наиболее актуальных исследовательских направлений современной лингвистики. Данная область изучения носит, по мнению Е.И. Шейгал, «ярко выраженный междисциплинарный характер», поскольку в ней «интегрируются достижения социолингвистики, лингвистики текста, когнитивной лингвистики, нарративного анализа, стилистики и риторики» [Шейгал 2000: 14]. В контексте изучения текстов публицистического стиля в целом и газетного текста в частности Т.Г. Добросклонская говорит о закономерности повышенного внимания исследователей к данному вопросу, поскольку именно газетные тексты, являясь «старейшим средством массовой информации, в котором складывались и формировались основные стилистические приемы и средства, характерные для языка массовой коммуникации в целом», представляют собой «наиболее доступный и удобный с точки зрения лингвистического описания материал, так как не требуют предварительной записи и последующей расшифровки, как, например, радио- и видеоматериалы» [Добросклонская 2008: 23]. Исследователь отмечает возможность идентификации языка газеты в качестве «базового компонента языка средств массовой информации вообще» [Там же]. Таким образом, современный подход к изучению

публицистического текста подразумевает многоаспектный анализ текстов различной тематической и стилистической направленности.

Изучение текстов любого стиля, в том числе и публицистического, подразумевает рассмотрение и разграничение таких ключевых понятий стилистики и дискуртологии, как *текст*, *стиль* и *дискурс*. Выявление соотношения данных терминов в отечественных и зарубежных исследованиях строится на определении их принадлежности языку (речи), выявлении признаков и свойств рассматриваемых явлений, а также определении объёмов понятий.

Нередко, исследуя соотношение текста, стиля и дискурса, лингвисты предлагают собственную интерпретацию описываемых понятий, указывая на их отличительные характеристики. Так, рассматривая вопрос о соотношении понятий *текст*, *стиль*, *дискурс* в работах зарубежных и отечественных исследователей, М.В. Хохлова определяет дискурс как «совокупность текстов (вербальных и невербальных)», посвященных «определённой теме» и имеющих возможность «функционировать как в устной, так и в письменной форме, в разных жанрах и стилях», при этом функционирование дискурса, по мнению исследователя, обуславливается «прагматическими, социокультурными, психологическими факторами», а его структура представляет собой «тематическое единство», т. е. семантическую связность [Хохлова 2020: 89].

Е.И. Шейгал, характеризуя особенности дискурса, характеризует его как «семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание данной коммуникативной сферы, а также тезаурус прецедентных высказываний и текстов» [Шейгал 2000: 22]. Исследователь также отмечает, что потенциальное измерение, в контексте которого изучается дискурс, включает в том числе «представления о типичных моделях речевого поведения и набор речевых действий и жанров, специфических для данного типа коммуникации» [Там же].

В. Е. Чернявская, объединяя зарубежные и отечественные определения дискурса, разграничивает два его основных типа. Первый тип представляет определенное «коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи», которое осуществляется в «определённом, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [Чернявская 2006: 75]. Под вторым типом исследователь понимает совокупность «тематически отнесённых текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены так или иначе к одной общей теме», при этом содержание дискурса раскрывается «интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов» [там же: 76].

Схожее определение встречаем также у О. В. Коротеевой, по мнению которой дискурс является текстом, погруженным «в ситуацию общения». К важнейшим характеристикам дискурса исследователь относит форму «связного текста, обусловленность экстралингвистическими факторами, событийный аспект и целенаправленное социальное действие» [Коротеева 1999: 19].

Более широкое толкование дискурса встречаем у М.Л. Макарова. Исследователь рассматривает данный термин как родовую категорию «по отношению к понятиям речь, текст, диалог» [Макаров 2003: 90]. Таким образом, в работе подчеркивается общность рассматриваемых понятий.

Л. В. Кривошлыкова трактует дискурс как сложное единство «языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим способом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события», при этом исследователь относит теорию дискурса к наиболее активно изучаемым направлениям в современном языкознании, отмечает «интегрирующую роль категории дискурса» [Кривошлыкова 2010: 42].

При рассмотрении аспектов дискурса в парадигме различных лингвистических подходов Е. В. Шевченко противопоставляет термины *текст* и *дискурс*: «дискурс – это коллективное речевое ориентирующее взаимодействия, в то время как текст обычно принадлежит одному автору»

[Шевченко 2015: 18], считая, что разграничение данных понятий должно исходить из «социальное происхождения» *дискурса*, в то время как *текст* «имеет лингвистическое происхождение» [Там же: 19]. На наш взгляд, взгляд дискурс, хоть и принадлежит коллективному знанию, может представлять собой единство текстов одного автора (дискурс писателя, поэта, журналиста и под.).

Таким образом, дискурс можно рассматривать как тематически связанный текст (совокупность текстов), погруженный в определенное коммуникативное пространство, ориентированный на реализацию конкретных прагмалингвистических задач. Данное определение представляется наиболее приемлемым относительно нашего исследования, ввиду чего оно будет использовано в качестве основного. В контексте рассматриваемой интерпретации нельзя не согласиться с мнением О.В. Орловой, которая, рассматривая соотношения понятия стиля и дискурса, отмечает, что «демаркационная линия между стилем и дискурсом проходит по оси членения коммуникативного пространства: дедуктивно, сверху вниз в первом случае, индуктивно, снизу вверх – во втором; в соответствии с фундаментальной онтологией языка / речи – в первом, в соответствии с вариативностью и поливалентностью эмпирического освоения языка / речи – во втором» [Орлова 2013: 24]. Подобное замечание, по мнению исследователя, справедливо в контексте развития идеи М.Н. Кожинной, научные труды которой легли в основу исследования О.В. Орловой.

Вопрос об изучении категории текста является актуальным для всех гуманитарных наук, использующих данное понятие. Будучи наиболее часто используемым в лингвистических трудах, термин *текст* истолковывается исследователями неоднозначно. Такого рода особенность обуславливается многозначностью исследуемого понятия. Как справедливо отмечает А.М. Базарбаева, текст целесообразно рассматривать как предмет «исследования не только в лингвистике текста, но и в других науках, таких как литература, текстология, история, культура и т.д.», что подразумевает определенную

сложность в процессе его интерпретации, поскольку она зависит от «области его исследования» [Базарбаева 2019: 68]. Таким образом, каждая из лингвистических дисциплин, основываясь на собственных методах, задачах и целях, рассматривает термин *текст* с различных позиций.

Анализ работ конца XX-н. XXI века позволил установить, что текст как особый объект исследования рассматривался в работах различной направленности: по лингвистике [Анурова 2011; Белунова 2000; Левицкий 2006; Ломакина 2019; Макарова 2016; Нелюбова 2003; Романенко 2007; Солганик 1997; Терпугова 2011;], семиотике [Барт 2000; Бахтин 1997; Лотман 1996; Карпухина 2013; Нестеров 2010; Николаева 2013], социологии [Врублевская 2017; Сорокин 1985], кибернетике [Винер 1958; Гиндин 1977; Фомичев 2006], культурологии [Воробьев 1997; Егорочкин 2008; Землянова 1999; Миловидов 2000; Охримова 2002; Несмеянов 2007], теории коммуникации [Белунова 2000; Болотнова 1992; Канашина 2016; Шамилов 2018], педагогике [Авдеева 1997; Марков 2004; Орлова 1990], психолингвистике [Белянин 2000; Выготский 2005; Жинкин 1974; Лурия 1998; Яркин 2005], что демонстрирует широту охвата исследуемого понятия. Отмечая междисциплинарный подход при анализе текста, О.В. Ломакина отмечает, что исследователи в области лингвистики «меняют проблематику и определяют задачи изучения текста», ввиду чего «филология накопила достаточный теоретический концептуарий, который необходимо использовать на практике – при анализе текстов» [Ломакина 2018: 29]. Данную мысль подтверждает точка зрения А.А. Завьялова, который, рассматривая текст в качестве лингвистического объекта и инструмента дидактики перевода, подчеркивает, что у любого текста «в зависимости от конкретных исследовательских задач» появляется потенциальная возможность «порождать множество возможных интерпретаций – герменевтических, литературоведческих ...» [Завьялов 2007: 264].

Рассмотрим более подробно понятие *текст* в рамках лингвистического исследования.

К основным подходам в области исследования текста в качестве методологического принципа изучения относят филологический подход (Л.Г. Бабенко, М.М. Бахтин, И.Р. Гальперин, Ю.В. Казарин, Ю.М. Лотман, Н.А. Николина и др.), рассматривающий текст как сложное, комплексное явление, обладающее формой, структурой и содержанием.

К традиционным в области отечественной лингвистики определениям текста относят определение И.Р. Гальперина, называющего текстом «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, стилистической связи» которые в свою очередь обладают определенной целенаправленностью и прагматической установкой [Гальперин 2004: 18].

Достаточно распространено понимание текста как любого целостного результата речевой деятельности, являющегося речетворческим произведением. Так, соглашаясь с мнением Н. Д. Зарубиной, Н. А. Ипполитовой, Т. А. Ладыженской, А. А. Леонтьева, М. Л. Львова, Ф.К. Уракова понимает под текстом «любое речевое произведение», обладающее вербальной и знаковой зафиксированностью (как в устной, так и в письменной форме) [Уракова 2007: 65].

С учетом расширения канала передачи актуальнее звучит определение Л.Л. Шевченко, которая рассматривает текст как высказывание речи (в устной и письменной форме), характеризующееся рядом факторов: завершенностью (как семантической, так и структурной), авторской модальностью, коммуникативной задачей, прагматическими целями [Шевченко 2005].

В качестве рабочего определения понятия *текст* мы будем использовать следующее: «это произведение речетворческого процесса, высшая синтаксическая и коммуникативная единица, обладающая

завершённости, целостностью, связностью, объективированная в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (текстем), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющая определённую целенаправленность и прагматическую установку [Шацкая 2010: 45]. Под *дискурсом* вслед за Н.Д. Арутюновой будем понимать «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; <...> речь, погружённая в жизнь» [Арутюнова 1990: 136-137].

Разграничивая такие важные понятия, как *текст* и *дискурс*, кратко определим ключевые различия между данными явлениями: 1) дискурс, в отличие от текста, который является исключительно лингвистической категорией, прагматически заряжен; 2) дискурс является категорией процесса, в то время как тексту присуща статичность, что характеризует его как категорию результата; 3) текст рассматривается в качестве абстрактной конструкции, дискурс же является ее актуализацией. Таким образом, ведущим понятием в нашем исследовании применительно к публицистическим текстам является термин дискурс.

1.1.2. Медиалингвистика как новый этап исследования публицистических текстов

Рассмотрение дискурсного подхода в рамках методологии в процессе анализа текстов СМИ подразумевает, прежде всего, дефинирование понятия *медиалингвистика*, получившее широкое распространение в современных работах гуманитарной направленности.

В конце XX – н. XXI века накопленные знания и опыт в области изучения языка СМИ сформировали единое самостоятельное научное направление – медиалингвистику (термин Т.Г. Добросклонской), в центре

которой – *медиа́тэкст*. В контексте данного направления рассматривается системный комплексный подход в процессе изучения языка СМИ. Л.Р. Дускаева выделяет четыре вектора медиалингвистических исследований: 1) грамматический, 2) медиастилистический, 3) критический, 4) дискурсивный [Дускаева 2018: 62].

Дискурсивный (медиалингводискурсивный) вектор исследований направлен на изучение особенностей построения медиатекста и речевого позиционирования участников медиасообщения [Дускаева 2018: 62]. В рамках этого направления происходит последовательное исследование *медиадискурса* в целом. Т. Г. Добросклонская определяет медиадискурс как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2006: 21]. По мнению исследователя, в рамках изучения медиадискурса тексты массовой информации представляют 10 дискретных единиц, способных разграничивать информационные потоки на отдельные фрагменты, которые можно рассматривать с позиций научного анализа [Добросклонская 2006]. Концепция медиадискурса дает возможность отразить наиболее полную картину реализации речевой деятельности в сфере массмедиа; как представляется, данный факт обусловлен связью исследуемой концепции с многочисленными экстралингвистическими факторами, обуславливающие ряд особенностей в процессе формирования медиасообщения, его адресата и обратной связи.

Наиболее полное, с нашей точки зрения, определение медиадискурса дано Л.Р. Дускаевой в словаре-справочнике «Медиалингвистика в терминах и понятиях». Исследователь определяет медиадискурс как объект медиалингвистики, рассматриваемый «в различных структурных проявлениях: от связанных на тех или иных основаниях высказываний до цельных текстов и совокупностей текстов; тип институционального дискурса, объективирующего в медиаречи <...> и PR-деятельности, ориентированные на массовое воздействие через передачу информации»

[Дускаева 2020: 55]. Л.Р. Дускаева подчеркивает, что фундаментальным свойством лингвистической архитектуры медиадискурса следует считать диалогическую модальность, формирующую диалогический «каркас»; данное обстоятельство обусловлено, по мнению исследователя, «выражением присутствия реальных коммуникантов и их речевым реагированием на те или иные стимулы...» [Дускаева 2020: 56]. Подобное определение представляется нам наиболее точным, вследствие чего мы будем придерживаться данного понимания в ходе нашего исследования.

Отличительной особенностью медиадискурса является паритетность восприятия информации автора сообщения и его получателя: интенции адресанта воспринимаются адресатом как свои собственные. Определенное сообщение при задействовании ряда коммуникативно-информационных каналов, ориентируется на социум, которому оно адресовано, оказывая влияние на массовое сознание [Клушина 2008]. Нередко подчеркивается вторичность информации, обусловленная ее обработанностью и отобранностью.

Н. Н. Оломская связывает понятия *медиадискурс* и *медиапространство*, рассматривая последнее в качестве определенной среды, в которой медиадискурс функционирует в медиапространстве, что делает его связанным с данными понятиями [Оломская 2013]. Использование определенных коммуникативно-информационных каналов позволяет выделить разновидности медиадискурса. Исходя из данного принципа, Н. Н. Оломская предлагает следующую классификацию типов медиадискурса: 1) разновидности, определяемые коммуникативными функциями: а) публицистический дискурс; б) рекламный дискурс; в) PR-дискурс. 2) типизация, в основу которой положены каналы реализации: а) теледискурс; б) радиодискурс; в) компьютерный дискурс [Там же].

Уровень информативности текста определяет степень необычности, актуальности сообщаемых фактов, в то время как воздействующий потенциал публицистического дискурса реализуется посредством

достижения экспрессивности текста в процессе использования языковых средств. Учитывая тот факт, что в дальнейшем нас будет интересовать именно публицистический дискурс, рассмотрим его более подробно.

На сегодняшний день публицистический дискурс, как и весь язык СМИ, является объектом изучения как российских, так и зарубежных исследователей (Алимова 2013; Вестфальская 2016; Власов 2014; Желтухина 2003; Коньков 2004; Наумова 2004; Нестерова 2016; Олянич 2003; Сливчикова 2016; Schiffrin 2001 и др.). Данный факт, как представляется, обусловлен способностью текстов публицистического дискурса не только отражать актуальные вопросы общества, но и наиболее явно отражать процессы коммуникативного взаимодействия адресанта и адресата, что позволяет говорить об актуальности публицистического дискурса в контексте современного лингвистического изучения. Рассмотрим различные подходы, используемые лингвистами, при исследовании данного дискурса.

А.А. Кибрик рассматривает данный тип дискурса в качестве разновидности «медийного дискурса» [Кибрик 1997]. Т. Ю. Савватеева определяет публицистический дискурс как «вербальное выражение комплексной духовной деятельности или комплексного мышления, хранящее и передающее информацию, явления культуры, обычаи, традиции народа» [Савватеева 2022: 38]. М.В. Дедюкова понимает под публицистическим дискурсом «результат медийного дискурса, включающий в себя газетные и журнальные статьи политико-экономического и культурного направления» [Дедюкова 2009: 9]. По мнению исследователя, для публицистического дискурса характерны особенности, соединяющие «экспрессию и стандарт, включая в себя (идеологическую) модальность, особый словарь, образ автора, идеологемы, тиражируемые масс медиа, и шкалу ценностей», которая базируется на оппозиции «свое / чужое» [Там же].

При выделении особенностей публицистического дискурса представляется необходимым обратиться к работе О.В. Трофимовой «Публицистический текст. Лингвистический анализ». Ссылаясь на

исследование А.Н. Васильевой, О.В. Трофимова последовательно определяет ряд экстралингвистических факторов публицистического стиля: 1. Сфера речевой деятельности – массовая агитация и пропаганда. 2. Классификация ведущих типов деятельности: а) социальная активность; б) массовое «общественное сознание». 3. Собираательно-обобщенный, социально активизированный тип мышления. 4. Разграничение актуальных коммуникативных задач: а) донесение социально и политически актуальной информации; б) способность формировать социально-оценочную позицию; в) возможность раскрывать общественно- актуальные проблемы. 5. Коллективный адресант, под которым может подразумеваться «представительское лицо». 6. Массовый реципиент, обладающий социальной и психологической типизированностью. 7. Дистантная контактность, реализуемая посредством письменного текста и технических средств. 8. Обладание различной содержательной и формальной подготовленности общения: а) в процессе формирования текста – высокая; б) в процессе восприятия – различная [Трофимова 2010: 153-157].

Функциональные отличия публицистического дискурса выявляются современными исследователями с различных позиций. Как правило, подобные характеристики базируются на модели взаимоотношений адресанта и адресата. Так, Н.И. Клушина, анализируя современный публицистический дискурс, «из двух антропоцентров коммуникации (адресанта и адресата)» ведущую роль отводит «адресанту (автору-публицисту), который свою глобальную стратегию – убеждение – реализует всеми доступными ему языковыми способами, зачастую пренебрегая интересами читателя, его потребностью в получении объективной, взвешенной, адекватной информации». Исходя из этого, исследователь приходит к выводу, что публицистический дискурс «является во многом тоталитарным, манипулятивным, “сплошным”» [Клушина 2010: 30].

Способность отражать актуальные процессы современного общества – одна из наиболее ярких черт современного публицистического дискурса.

Данный факт концентрирует внимание современных исследователей на культурной составляющей исследуемого дискурса. Так, Е.О. Наумова отмечает, что «в современном публицистическом дискурсе находят отражение важнейшие черты постмодернистской культурной парадигмы», что, в свою очередь, «обязывает исследователя рассматривать данный тип дискурса под определенным углом зрения, учитывая не только его собственно лингвостилистические характеристики, но и включенность в общие процессы развития российской и мировой культуры, социальных и политических практик» [Наумова 2004: 3]. Исследователь также подчеркивает способность современного публицистического дискурса не только отражать «новые ценностные установки социума», но и формировать и утверждать «их в общественном сознании» [Там же: 42].

Типовое разграничение публицистического дискурса обусловлено жанрово-функциональными характеристиками медиасреды. Традиционно исследователями жанровая классификация осуществляется следующим образом: 1) информационные жанры: а) хроникальная заметка, б) информационная заметка, в) отчет и др.; 2) аналитические жанры а) аналитическая статья, б) рецензия, в) комментарий и др.); 3) сатирические жанры: а) фельетон, б) памфлет, в) сатирическая реплика и др.; 4) художественно-публицистические жанры: а) очерк, б) зарисовка, в) эссе и др. [Горшков 2006; Желтухина 2003; Кожина 1968; Темникова 2016; Тертычный 2000 и др.].

А.И. Акопов, определяя статью как «жанр публицистики», который посвящен «актуальной социально значимой теме и содержащий полное, всестороннее и глубокое освещение действительности на основе анализа и обобщения широкого круга фактов и явлений», разграничивает несколько её разновидностей: а) передовая; б) проблемная; в) теоретическая; г) информационная; д) публицистический комментарий; е) статья-размышление; ж) статья-расследование [Акопов 1996: 25-40].

Рассматривая медиадискурс в контексте массовой коммуникации, Е.А. Кожемякин отталкивается от жанрово-функциональных особенностей медийного пространства, в контексте которых реализуется дискурс. Таким образом, исследователь выделяет следующие медиадискурсы: новостной, рекламный, промоционный (PR) дискурсы; информационный, аналитический, публицистический дискурсы; идентифицирующий, репрезентирующий, идеологический дискурсы и т.д. Если функциональные (и связанные с ними жанровые) модификации массмедиа являются определяющими для выделения типов медиадискурса, то последние будут в значительной степени отличаться друг от друга по своим формальным и содержательным признакам (параметрам)» [Кожемякин 2010:15]. Предложенная классификация подразумевает распространенную модель изучения публицистического текста как разновидности медиадискурса.

Е.С. Щелкунова публицистический дискурс называет коммуникативным событием, центром «процесса текстообразования», что является отражением признака дискурсивности, отмечая исключительную способность данного дискурса соответствовать «одному из важных параметров дискурсивности, – погружённости в жизнь» [Щелкунова 2004: 123-124]. Аналогичную точку зрения высказывает М.А. Кормилицына и О.Б. Сиротинина: на первый план в публицистических текстах «выходит их связь с жизнью, то есть это тоже дискурсы, поскольку они опираются на жизнь, известные адресату лица, события сегодняшнего дня» [Кормилицына, Сиротинина 2011: 35].

Характеризуя отличительные черты публицистического дискурса, разграничим две существенные группы показателей: языковые (неязыковые) экстралингвистические. Уместной в данном контексте представляется мнение М. Н. Кожиной, согласно которому «экстралингвистический фактор, не являясь собственно языковым, <...> в известном смысле становится объектом исследования» [Кожина 1983: 21].

М.Н. Кожина, отмечая информационную функцию публицистического дискурса, отмечает ее сопряженность с такими чертами, как, абстрагированность, документализм, объективность, фактологичность, фактологическая точность, сдержанность, официальность речи. [Кожина 1983: 188]. Исследователь также отмечает экспрессивность публицистического дискурса, взаимосвязанную с воздействующей функцией: «Форма <...> доказательства способна быть выразительной, т. е. экспрессивной, оказываясь воплощением той же воздействующей функции» [Кожина 1983: 185].

Л.А. Введенская относит к языковым особенностям публицистического дискурса наличие отвлеченных слов с общественно-политическим значением [Введенская 2005: 24], а также экспрессивно окрашенных слов [Введенская 2005: 23]. Об эмоционально-экспрессивной функции публицистического дискурса говорит и М. П. Брандес. В работе исследователь называет данную особенность «открытой оценочностью текста» [Брандес 1983: 151], причем, «сам текст вполне определенно выражает оценочное отношение к излагаемым фактам», – приходит к заключению автор [там же].

И.П. Иванова отмечает еще одну важную особенность публицистического дискурса – цитацию. По словам исследователя, «широкое использование различного рода цитат» способно обострить «диалогичность текста», повысить «момент игры», что приводит к «порождению подтекста» [Иванова 2014: 59].

Таким образом, к отличительным чертам публицистического дискурса можно отнести следующие особенности: а) наличие определенной лексики (отвлеченные, эмоционально окрашенные слова и т.д.); б) экспрессивность; в) цитация; г) функция воздействия – наиболее важная для публицистики, что обуславливает еще одну немаловажную особенность – необходимость употребления оценочных средств выражения.

1.1.3. Газетный субдискурс: жанровые особенности

Особое место в контексте изучения нами публицистического дискурса занимает газетный субдискурс.

Е.А. Костяшина, анализируя дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве, разграничивает «дискурсы высокого порядка», включающие «в свое коммуникативное пространство исходные институциональные дискурсы», которые в свою очередь выступают «по отношению к нему субдискурсами» [Костяшина 2009: 6]. Рассмотренные варианты разграничения сферы публицистического дискурса на различные подтипы позволяет шире рассмотреть особенности его функционирования в современном медиапространстве.

В публицистическом дискурсе можно выделить газетный, журнальный, радиожурналистский, тележурналистский и др. субдискурсы, среди которых особое место занимает интернет-дискурс, определяют предмет его изучения как «полимодалный текст, представляющий собой 2D или 3D проекцию, «текст в тексте», поэтому следует исследовать как вербальное наполнение и визуальный / аудиовизуальный ряд, так и скрытые смыслы» [Ломакина, Нелюбова 2018: 36].

Исследования, в которых рассматривались язык и стиль газеты, образуют отдельное направление лингвистической науки. Наиболее значимыми работами в этой области являются работы А.Н. Васильева, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, М.Ю. Казак, М.Н. Кожиной, В.Г. Костомарова, Г.Я. Солганика, Д.Н. Шмелева и др. Следует отметить, что в настоящее время данный пласт научной литературы постоянно дополняется и расширяется новыми исследованиями. М.Ю. Казак отмечает, что «активно, свободно и порой на равных используются как устоявшиеся, так и абсолютно новые в научном обиходе понятия: газетно-публицистический стиль, язык газеты, язык СМИ, язык массмедиа, медиалингвистика, медиастилистика, которые суммарно можно назвать медиаязыками и медианауками о языке,

функционирующем в массовой коммуникации» [Казак 2012: 6]. В современных работах, посвященных исследованиям массовой коммуникации, частотно понятие *язык газеты*. По мнению М.Ю. Казак, «язык газеты <...> признается конкретным видом и частью языка СМИ (языка массмедиа)», в то время как уже в начале XXI века в отечественной лингвистике складывается концепция языка СМИ «как междисциплинарного научного направления, а сам термин прочно вошел в научный обиход» [Там же: 7].

В.П. Москвин, сопоставляя язык и публицистический стиль, утверждает, что «ядро публицистического стиля» [Москвин 2006: 611] составляет именно язык газеты. Таким образом, язык газеты отождествляется с газетно-публицистическим стилем, а также с языком СМИ, при этом данные понятия традиционно рассматриваются в качестве взаимозаменяемых.

В.И. Коньков, изучая речевую структуру газетного текста, отождествляет понятия *публицистика* и *газетная речь*. Исследователь отмечает, что газетной речи свойственно ярко выраженное личностное начало, ввиду чего «с речевым мастерством профессиональной речи» ее «называют публицистической, стиль – публицистическим, сами газетные материалы – публицистикой. Именно публицистические тексты воспринимаются как образцовые, подлинно газетные тексты» [Коньков 2004: 8]. Г. Я. Солганик отмечает исключительную функциональность газетного субдискурса, обладающего «огромными возможностями и сильнейшим влиянием на другие разновидности литературного языка и на общество в целом» [Солганик 2007: 32].

Ю.А. Никитина, выявляя прагматическую составляющую газетного субдискурса, определяет следующие цели его использования: 1) «проинформировать о событии»; 2) «навязать свой взгляд, тем самым сформировать у читателей, слушателей и зрителей определенное о нем мнение» [Никитина 2020: 75]. Исследователь также отмечает возможность репрезентации различных концептов в газетном дискурсе, особенности

вербализации которых «будут зависеть от тех задач, которые решают СМИ» [Там же].

Таким образом, современный этап развития лингвистического направления в области изучения публицистического дискурса предполагает появление новых рубежей исследования. Особое внимание в контексте современного изучения публицистического дискурса уделяется газетному субдискурсу, который, являясь его разновидностью, способен не только реализовывать наиболее значимые функции, присущие публицистике, но и наиболее ярко отражать форму взаимодействия участников коммуникативного события. Газетный субдискурс, являясь разновидностью публицистического дискурса, вбирает в себя наиболее характерные черты публицистики: отражение авторской установки, воздействие на адресата, нацеленность на достижение коммуникативной задачи и отражение авторских интенций. Также представляется необходимым резюмировать соотношение терминов *текст* и *дискурс* в контексте лингвистической терминологии. Анализ теоретического материала позволяет говорить о том, что используемое нами в работе понятие *дискурс* является наиболее приемлемым, поскольку данный термин, в отличие от термина *текст* находится на пересечении таких дисциплин, как лингвистика, психолингвистика, семиотика и др., являясь междисциплинарным. Данный факт позволяет выявить в процессе сопоставления данных понятий следующие особенности: а) дискурс – более широкое понятие; б) дискурс обладает более сложной организацией; в) дискурс функционирует на границе пересечения речи и текста; г) дискурс представляет родовое понятие, текст – видовое; д) текст является результатом и в то же время элементарной частицей дискурса.

1.2. Заголовок как объект лингвистического исследования

1.2.1. Понятие заголовка. Особенности газетного заголовка

Интерес к заголовку как к объекту лингвистического исследования не ослабевает с 50-х гг. XX в. в связи с исследованием текстом различной жанрово-стилистической направленности. Так, в художественном тексте заглавие носит программный характер (Н.А. Фатеева), в медиатексте заголовок выполняет ряд функций: наряду с информативностью, воздействием на читателя, он должен обладать достоверностью, яркостью, эмоциональностью.

Анализ статей в толковых словарях позволил выявить следующие определения понятия «заголовок»: 1) название небольшого произведения, статьи [ТСРЯ]; 2) название книги, сочинения или части их; заглавие [ТСРЯ]; 3) название какого-либо произведения (литературного, научного, музыкального и т.п.); то же, что: заглавие [НСРЯ]. Приведенные определения позволяют констатировать, что доминирующее значение исследуемой лексики – «название», при этом прослеживается тесная семантическая связь таких понятий, как *заголовок* и *заглавие*. При этом нельзя не согласиться с мнением Е.Ю. Варзаповой, которая вслед за Т.В. Васильевой выделяет различия в интуитивном восприятии данных понятий: «слово "заглавие" ощущается как применимое к большим по объемам произведениям, чем слово "заголовок", а слова "заглавие" и "заголовок", более "возвышенные", нежели "название"» [Варзапова 2020: 44].

Несмотря на стремительное развитие телевидения, радио, интернета, печатные СМИ по-прежнему являются каналом массовой коммуникации, что позволяет говорить о заголовке печатных изданий как об одном из наиболее актуальных направлений исследования медиапространства. Данное утверждение справедливо не только в рамках отечественного лингвистического исследования, но и в контексте работ зарубежных авторов.

Нидерландский лингвист Т. А. ван Дейк, один из основателей теории текста, автор фундаментальных работ в области медиадискурса, в работе

«Новости как дискурс» утверждает, что заголовки выражают «наиболее важную с точки зрения автора информацию текста, дают характеристику ситуации». Данный функционал заголовка, по мнению исследователя, позволяет ориентировать читателя на «предложенную схему чтения и интерпретации текста» [Van Dijk 1988: 226]. Автор указывает прагматические направления изучения заголовка как некую важную способность интерпретировать ситуацию действительности, а также оказывать воздействие на читателя, ориентированное на коммуникативную задачу автора текста.

Обзор научной литературы по данной проблеме позволяет констатировать, что заголовок изучается с позиции различных направлений филологических дисциплин. Говоря о газетном заголовке, следует отметить, что в современных исследованиях он все чаще рассматривается в качестве сложного феномена, анализируемого в определенных ракурсах: 1) формальном – изучение структуры [Доценко 2009; Ишмекеева 2006; Ляпина 2002; Кубанова 2007; Москавец 2016; Лютая 2008; Широбокова 2011; Шумилова 2011], 2) уровневом – описание лексических [Глаголева 2014; Комлева 2013; Лю Цзе 2006], фразеологических [Зеленов 2009; Ломакина 2019], грамматических особенностей [Никабадзе 1995], 3) концептуальном – определение функционально-прагматического потенциала [Алиева 1992; Верещинская 2013; Долгирева 2002; Исаева 2017; Сандрикова 2005].

Изучая газетный заголовок по вышеуказанным направлениям, исследователи предлагают определения данного феномена. Отметим, что на сегодняшний день в исследовательских работах разной направленности можно найти различные определения газетного заголовка, что свидетельствует о сложности и многоплановости рассматриваемого феномена.

Обратимся к определениям газетного заголовка, представленным в научных трудах отечественных и зарубежных исследователей.

М.Ю. Доценко рассматривает газетный заголовок как предложение, которое выполняет «функцию установления контакта с читателем» [Доценко 2003: 46], приравнивая заголовочные конструкции к предложениям, тем самым обращая внимание на их коммуникативную функцию и определяя структурные особенности.

Е.А. Сабина характеризует газетный заголовок как особую номинативную единицу, которая «в определенном контексте может принимать форму предложения, указывая на элементы содержания статьи или ориентируя читателя в тексте, однако сама по себе данная единица к категории предложения не относится» [Сабина 2017: 22]. Автор исследования подчеркивает, что заголовок не является синтаксической категорией, но относится к единицам лингвистики текста.

Анализируя заголовок как единицу медийного дискурса, обладающую автономностью и информативностью, Е.Н. Комаров подчеркивает, что заголовок является ключевым элементом «системы макротекста СМИ и массово-информационного дискурса в целом», которые во многом определяют успешность коммуникативного акта [Комаров 2003]. Исследователь также отмечает, что заголовок обладает высоким уровнем перцептивности коммуникативной достаточности, а также способностью «реализовать коммуникативный акт при отказе реципиента от обращения к собственно сообщению (телу статьи) ...», что дает возможность «говорить о заголовке как о “квазисообщении”, характеризующемся повышенной информационной насыщенностью, интертекстуальностью <...> от собственно сообщения» [Там же: 59]. Рассматривая заголовок в корпусе газеты текста, А. Ш. Шарипов выделяет информацию, определяя заголовок как особую лингвистическую единицу, которая призвана «в броской и краткой форме информировать читателя о содержании статьи, облегчая тем самым его восприятие и понимание» [Шарипов 2015: 147].

Таким образом, можно констатировать, что заголовок, являясь

средством осуществления коммуникации и обладая наибольшим информационным содержанием, способствует выражению авторских интенций, позволяя ему выразить собственную оценку рассматриваемой ситуации. Заголовок, представляя собой свернутый текст, ориентирован на предварительное ознакомление читателя с содержанием статьи, что позволяет журналисту координировать читательское восприятие и понимание описываемых событий. Принимая во внимание вышеизложенные характеристики заголовка, отметим, что заголовок как предмет лингвистических исследований представляет сложный и многоплановый компонент, рассматриваемый различными учеными из разных областей, что подтверждает актуальность его исследования.

1.2.1. Языковые особенности газетного заголовка. Классификации газетных заголовков

Изучению лексико-фразеологических и грамматических особенностей газетного заголовка посвящены работы В.Н. Вакурова, В.П. Вомперского, И.П. Зыряновой, Б. Ф. Кривенко, Э.А. Лазаревой, О.В. Ломакиной, А.С. Макаровой, Н. Г. Михайловской и др. [Вакуров 1994; Вомперский 1966; Зырянова 2010; Лазарева 2004; Ломакина 2020; Ломакина, Макарова 2020; Макарова 2017; Михайловская 1970].

В процессе реализации различных установок газетного заголовка ключевую роль играет лексическая составляющая. Так, категория оценочности может быть реализована посредством лексических средств и стилистических приемов, при этом стандартизированные формы трансформируются в экспресемы, что помогает реализовывать экспрессивную и оценочную функции, что влечет за собой появление дополнительных коннотаций. Нередко используются средства усиления оценочной лексики именно в многозначных заголовках. Б.Ф. Кривенко отмечает особую роль прямого и переносного значений в реализации

функций газетного заголовка: «...благодаря совмещению прямого и переносного значений заголовков приобретает глубину и экспрессию. Подобную трансформацию можно назвать семантической (смысловой)» [Кривенко 1993: 46]. Такого рода преобразования возможны в процессе реализации языковой игры, что нередко наблюдается при использовании различных фразеологических средств.

Фразеологические единицы (ФЕ) – одно из наиболее образных средств в современной газетной речи, в т.ч. в составе заголовка, вне тематической характеристики: они встречаются в текстах, посвященных политике, экономике, спорту, природе и т. д.

По мнению В.Н. Вакурова, «специально созданный автором контекст» заголовка позволяет читателю не только «восстановить фразеологический образ», но вместе с тем и усилить «стершуюся метафоричность и эмоциональность» используемой ФЕ [Вакуров 1994: 44].

Б. Ф. Кривенко, рассматривая лексико-фразеологические особенности газетного заголовка, говорит о трансформациях различных ФЕ в составе заголовка, вследствие чего их логичнее называть квазифразеологизмами, поскольку «перед нами не устойчивое сочетание в его традиционном понимании, а лишь подобное ему словесное объединение, которое, впрочем, со временем может стать «натуральным» фразеологизмом» [Кривенко 1993: 45]. Подобный подход, по мнению исследователя, объясняется тем, что «как узуальные, так и квазифразеологизмы в целях усиления выразительности и эмоционального воздействия могут подвергаться разного рода трансформациям» [Там же], при этом в газетных заголовках одним из наиболее распространенных способов изменения ФЕ является «лексическая трансформация». Вместе с тем исследователь констатирует, что «газетная практика выработала уже определенные приемы подобного видоизменения устойчивых сочетаний» [Там же].

Анализ заголовков газетных статей позволил Н. Г. Михайловской сделать вывод, что в роли заголовков могут выступать различные ФЕ, причем

в заголовки, кроме пословиц, поговорок, названий известных произведений художественной литературы, могут включаться и КЕ – «названия книг, фильмов, цитаты из песен и песенок, ставших известными в какой-то сравнительно небольшой период времени» [Михайловская 1970: 55]. Особенность КЕ, используемых в роли газетного заголовка, по мнению Н. Г. Михайловской, заключается в их метафоричности (явлением распространенным, но не регулярным), которая «бывает и вторичной, ибо то или другое сочетание в качестве названия книги зачастую также употребляется не в прямом значении»; при этом определение прямого или переносного значения заголовка такого типа «может быть установлено только после прочтения статьи, <...> однако нужно учитывать, что эта соотнесенность бывает и чисто условной» [Там же].

В исследовании феномена заголовка особое внимание уделяется синтаксическому подходу, поскольку вопрос о синтаксическом статусе заголовка, его структуре является крайне важным в понимании его структурной принадлежности: следует ли относить его к предложениям либо к особым синтаксическим конструкциям.

Рассматривая классификации структурных моделей заголовка, обратимся к одной из работ в данной области «Поэтика заглавий» С.Д. Кржижановского, классификацию которого можно применить и к газетному заголовку. Автор исследования предлагает следующую классификацию заглавий: 1) строго следующие форме логического суждения; 2) удвоенные заглавия; 3) полузаглавия (беспредикатные и бессубъектные) [Кржижановский 1931: 6-10].

В.П. Вомперский в исследовании «К изучению синтаксической структуры газетного заголовка», рассматривая вопрос о структурной составляющей заголовка, приводит три наиболее характерные для него структуры: 1) «усложненные структуры номинативного заголовка; 2) заголовки – двусоставные предложения», 3) заголовки – вопросительные,

побудительные или восклицательные предложения» [Вомперский 1966: 84-85].

Схожую точку зрения можно встретить в ряде других исследований. Так, в более раннем исследовании А.М. Пешковский утверждает, что заголовок можно считать номинативным предложением [Пешковский 2001], Е. М. Галкина-Федорук, указывает на то, что глагольный и именные заглавия следует считать предложениями, поскольку их основная задача – сообщение о содержании [Галкина-Федорук 1956]. В.М. Рогинский в работе «Синтаксические модели заголовков и их использование в разных стилях речи» отмечает, что предложениями являются вообще все заголовки, вне зависимости от их структуры [Рогинский 1965]. М.Ю. Доценко рассматривает газетный заголовок как предложение, основная функция которого заключается в установлении «контакта с читателем» [Доценко 2009: 46].

Иная точка зрения представлена в известном исследовании А.С. Попова «Синтаксическая структура современных газетных заглавий и её развитие» (1966), в котором автор утверждает, что газетные заголовки представляют собой коммуникативные единицы речи, однако предложениями не являются: «выражение заглавием содержания статьи, не превращает речевые отрезки, используемые для озаглавливания, в предложения». Вместе с тем, говоря о характере информативной функции заголовка, исследователь отмечает, что «не безразлично, имеет ли данный речевой отрезок форму предложения или нет» [Попов 1966: 97]. Аналогичная точка зрения представлена и в более ранних работах: в исследованиях Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова отмечается, что по своей структуре заголовков следует относить к слову или словосочетанию [Фортунатов 1956, Шахматов 2001].

В современных научных трудах также можно найти отражение данного подхода к структуре заголовка. Так, Е.А. Сабина подчеркивает, что

заголовок не является синтаксической категорией, но относится к единицам лингвистики текста [Сабина 2017].

В.И. Шаховский, анализируя синтаксическую структуру английского заголовка, утверждает, что основу ее могут составлять следующие типы предложений: 1) сложные; 2) повествовательные; 3) вопросительные; 4) номинативные; 5) эллиптические; 6) с опущением артиклей; 7) глагольные (с использованием инфинитивных, причастных и герундиальных конструкций); 8) вопросы, используемые в форме утверждений; 9. с использованием прямой речи [Шаховский 2013].

Способность заголовка выражать смысловые элементы обозначаемого им текста легла в основу типологии газетных заглавий. Э.А. Лазарева предлагает две классификации заголовков. Первая классификация построена на количестве элементов смысловой схемы публикации, отраженных в заголовке; по данной классификации выделяются однонаправленные и комплексные заголовки. Вторая классификация основана на разделении заглавий по принципу отраженности в них того или иного элемента текста: выделяются полноинформативные и неполноинформативные (пунктирные) заголовки [Лазарева 2004].

С.А. Чельшев рассматривает потенциал речевого воздействия газетного заголовка. Основываясь на стилистической составляющей заголовка, автор предлагает следующую классификацию: 1) ритмизированные и рифмованные заголовки; 2) содержащие фразеологические единицы; 3) метаграфемические заголовки; 4) включающие неологизмы и выражения; 5) информационно-троповые заголовки; 6) информационные заголовки [Чельшев 2014: 188-189]. В рамках данного исследования мы рассматриваем заголовки, включающие ФЕ / КЕ, однако нередко они содержат неологизмы, тропы и др., что позволяет говорить об эклектичности как черте современного газетного заголовка. В отличие от учтённых примеров, взятых С.А. Чельшевым для данной работы.

И.П. Зырянова в исследовании отмечает дуалистическую природу структурной особенности заголовка, рассматривая последний как обязательную структурно-композиционную категорию текста, «при изучении которого выделяется два подхода. В рамках первого подхода заголовок – самостоятельная языковая структура, находящаяся вне текста, предваряющая его и стоящая над ним. В рамках второго заголовок – полноправный компонент текста, входящий в него и связанный с другими компонентами целостного произведения» [Зырянова 2010: 10].

Проанализировав вышеперечисленные исследования, можно констатировать, что изучение синтаксической структуры заголовка, а также разных способов его классификации весьма актуально. Заметим, что при анализе научной литературы прослеживаются две противоположные позиции относительно структурной принадлежности заголовка: с одной стороны, он рассматривается в качестве номинативной структуры, с другой – как единица синтаксиса, обладающая свойством предикативности. Синтаксическая структура заголовка обладает способностью трансформироваться, в связи с чем принято выделять продуктивные и непродуктивные синтаксические модели. Заголовки продуктивной модели обладают определенной синтаксической структурой, которую используют в процессе оформления заголовков медиатекстов, в то время как непродуктивная модель является малоупотребительной либо не употребительной вовсе.

1.2.2. Заголовок в контексте прагмалингвистики: функциональный потенциал заголовка

Появление прагмалингвистики как раздела науки о языке принято относить к 70-м гг. XX в. Однако вопрос о соотношении таких понятий, как *прагматика* и *прагмалингвистика*, вплоть до сегодняшнего дня остается открытым: ряд исследователей рассматривают прагмалингвистику в качестве

лингвистического раздела прагматики, в задачу которого входит описание не только знаков, но и их комбинации в процессе коммуникации [Althaus 1970]. Параллельно существует другой подход к данной проблеме: прагмалингвистику, наряду с фонетикой, семантикой и синтаксисом, относят к «прагматическим компонентам теории языка» [Bartsch 1973]. Согласно третьему подходу, прагмалингвистика является «приматом прагматического компонента языкознания» [Oller 1972]. Неоднозначность в понимании данного предмета обуславливается сложностью процесса формирования прагматики как науки.

В контексте изучения прагматического потенциала кажется уместным привести точку зрения одного из крупнейших лингвистов в области германского и общего языкознания Г.В. Колшанского. Рассматривая соотношение субъективных и объективных факторов в языке, исследователь подчеркивает, что живую речь нельзя рассматривать лишь в контексте передачи информации, абсорбируя ее от всех признаков, которые свойственны субъекту в процессе коммуникации; «...эмоции, всевозможные оценки, включаемые в содержание речи, ориентированной на конкретного партнера, и придает языку ту окраску, которая в целом называется прагматикой» [Колшанский 1975].

Говоря о сущности прагмалингвистики, приведем точку зрения И.П. Сусова, понимающего под прагмалингвистикой область лингвистических исследований, в которой рассматривается функционирование языка между людьми как средства социального действия, а также взаимодействия в условиях конкретных ситуаций общения, основой которого является специальная система правил постулатов и стратегий. Исходя из этого, автор утверждает, что прагмалингвистику можно считать грамматикой речевого поведения человека в обществе [Сусов 1983: 15].

М.Н. Кожина отмечает, что объектом изучения прагмалингвистики являются «вопросы речевого общения и поведения говорящих (взаимоотношения адресанта и адресата)» в различных ситуациях

коммуникации с целью достижения определенного результата; вместе с тем в область изучения данной дисциплины входят «проблемы средств воздействия на адресата, типы речевого реагирования на стимул, вопросы успешности речевых актов, интерпретации, а также форм речевого общения (диалог, беседа, спор), перформативных высказываний (типа клянусь), социально-этикетной стороны речи и др.» [Кожина 2003: 30]. Автор подчеркивает тесную связь данной дисциплины со стилистикой ввиду большого количества общих вопросов, рассматриваемых каждой дисциплиной «под своим углом зрения» [Там же].

Прагматическую составляющую заголовка подробно описывает В.Ю. Варзапова, по мнению которой прагматику заголовка можно охарактеризовать «взаимодействием адресанта (автора) и адресата (читателя)» [Варзапова 2020: 60], при этом автор, отправляя созданное им сообщение адресату, «занимает первоначальную позицию в коммуникативном акте. Адресант определяет денотат сообщения (пропозицию), придавая своему высказыванию определенное языковое оформление. Денотат помещается в позицию заголовка, при помощи которого происходит интерпретация действительности в соответствии коммуникативными целями автора, в чем и проявляется его присутствие в заголовке. Осуществляя акт передачи информации таким образом, адресант осуществляет коммуникативную связь с адресатом. В данной связи реализуется известная лингвистическая модель коммуникации: адресант – сообщение-код – сообщение – адресат [Там же].

Отметим, что в научных трудах в контексте прагматики текста выделяют также газетную прагматику. Так, В.Л. Наер в исследовании «Прагматические аспекты языка газеты» подчеркивает, что принципиальных отличий газетной прагматики от прагматики языка вообще в действительности нет. Газетной прагматике присущи одновременно характеристики прагматики как компонента внешней системы языка и отличающая язык газеты способность передавать отношение тексту не

только со стороны адресата (чья роль заключается в интерпретации текста), но и адресанта тоже (коммуникативная роль которого заключается в создании текста). Автор отмечает роль адресанта, чье присутствие, на первый взгляд, обезличено при создании газетного текста. Данная установка реализуется адресантом, в результате чего достигается требуемый эффект. Результатом данного эффекта должна стать определенная реакция читателя, которая для публициста является конечной целью коммуникации; результат будет достигнут лишь в том случае, если реакция адресата будет именно такой, какой её сознательно запрограммировал автор, на что и направлены все используемые средства для ее реализации [Наер 1983].

Эффективность восприятия газетного заголовка как печатных, так и интернет-изданий напрямую связана с предваряющим текст заголовком, который дает возможность потенциальному читателю заранее сфокусировать внимание на интересующей его информации в общем информационном потоке.

Наше исследование включает рассмотрение заголовка с позиции прагмалингвистики. Данное направление основано на том, что заголовок, являясь сильной позицией текста, выступает в роли средства общения, т.е. установления коммуникации, о чем свидетельствует немалое количество как отечественных, так и зарубежных исследователей [Агапова 2011; Варзапова, Вахтель 2005; Долгирева 2002; Исаева 2017; Космачева 2011; Ломакина 2019; Лютая 2008; Шарипов 2015 и др.]. Из наиболее актуальных работ, в которых заголовки рассматриваются с позиций прагмалингвистики, следует выделить работу А.Э. Долгиревой «Газетный заголовок в прагмалингвистическом аспекте» (2002). Исследователь рассматривает газетный заголовок в качестве предтекста, описывает его основные функции, а также выявляет факторы воздействия газетного заголовка на читателя, утверждая, что прагматический аспект в изучении заголовка позволяет «наиболее адекватно» отразить его сущность, поскольку основная цель газетного заголовка заключается, по мнению исследователя, в воздействии на адресата [Долгирева 2002].

Нередко коммуникативная значимость сосредоточенной в заголовке информации является критерием для прагматической классификации заголовков. Так, классификация, представленная в работе Е.Н. Комарова «Ценностные ориентиры в заголовках французских и российских средств массовой информации», построена на интенциональной установке адресанта, а также коммуникативной значимости информации, актуализирующейся в заголовке. Данная классификация разделяет заголовки на 3 обширные группы: 1) фактуальные – используются при актуализации информации, эксплицитной по своей природе. Прагматическая информация в подобных заголовках доводится до адресата объективно и беспристрастно; 2) персуазивные. Использование данного типа заголовка уместно при выражении адресантом оценочности описываемых событий. Как правило, в подобных заголовках наблюдается оценочная лексика, а также грамматические формы выражения языковой модальности; 3) директивные – содержат побуждение реципиента к различного рода мыслям и действиям [Комаров 2003].

Исследователи отмечают, что на сегодняшний день в роли наиболее востребованных функций заголовка выступает актуализация смыслов, а также привлечение внимания читателя, оказание на него эмоционального воздействия. Оригинальность автора в процессе построения заголовка позволяет ему донести до читателя свою позицию, а также обозначить скрытые смыслы. В качестве основного коммуникативного значения газетного заголовка выступает его способность как единицы текста воздействовать на реципиента. О наличии в заголовке признаков речевой коммуникации свидетельствуют многие работы исследователей. Так, С.В. Ляпун подчеркивает, что заголовок, являясь «элементом стилистически сильной позиции» может актуализироваться как «целостная речевая единица» [Ляпун 1999: 28]. Автор также отмечает: характерный признак газетного заголовка, который отличает его от заглавий, использующихся в художественных произведениях, – это его автосемантическое

функционирование. В отличие от газетных заголовков, в заглавиях художественных произведений центральное место занимают семантические связи заглавия с текстом. Таким образом, газетный заголовок можно рассматривать как коммуникативное сообщение, прагматическая установка которого заключается в адекватной трансляции мыслей автора.

Анализ приведенных исследований позволяет говорить о газетном заголовке как о единице речевой коммуникации. Основу коммуникативной ситуации составляют условия общения. В то же время в качестве ключевых компонентов коммуникативной ситуации выступают время и место сообщения, а также адресат и их цели [Вахтель 2008]. Применяя данную модель к нашему исследованию, заметим, что в качестве адресанта (отправителя сообщения) выступает автор коммуникативного сообщения (газетного текста), а адресатом является получатель данного сообщения – потенциальный читатель; в роли сообщения выступает газетный заголовок. Основам изучения заголовков с позиции коммуникативно-прагматического подхода посвящено множество работ как отечественных, так и зарубежных учёных.

Н.М. Вахтель отмечает, что «высказывание, помещенное в позицию газетного заголовка, приобретает статус нормативной единицы речевого социального поведения» [Вахтель 2004: 82]. Таким образом, высказывание, помещенное в заголовочную позицию, следует считать речевым актом, поскольку оно уже наделено интенцией автора, ориентировано на коммуникацию, вследствие чего является «реальным звеном в цепи массовой коммуникации» [Там же]. Автор отмечает, что при формировании заголовка журналист прибегает к одному из двух разновидностей речевых актов: «акты-констативы» (используются для формулировки транслируемой информации) и «акты мнения» (отражение позиции автора относительно пропозиционального содержания высказывания). А.Э. Долгирева ассоциирует заголовок с коммуникативным актом, в процессе которого автор заглавия (адресант) устанавливает с читателем (адресатом),

ориентированный на определенный референт (сообщение), задействуя определенные языковые средства (код) [Долгирева 2002]. В.Ю. Прокофьева в статье «Новостной заголовок в цифровом пространстве СМИ: прагмалингвистические возможности» [Прокофьева 2019] анализируя новостные заголовки интернет-СМИ, также отмечает их коммуникативную составляющую, что позволяет говорить о данных заголовках как о речевых актах.

Соотнесенность заголовка с речевым актом позволяет рассмотреть его функциональный потенциал с точки зрения установления коммуникации. Однако прежде представляется необходимым более подробно остановиться на субъектах речевого высказывания. Как уже упоминалось ранее, лингвистическая модель коммуникации включает в себя адресанта и адресата. Адресант является автором темы заголовка, формулирует его проблему и идею. В связи с этим определяется степень прагматического потенциала заголовка, которая находится в прямой зависимости от языковых средств, используемых при оформлении заголовка. Исходя из этого, осуществляется реализация коммуникативных установок автора заголовка в отношении читателя: привлечение внимания к опубликованному материалу, ориентация на определенную оценку описываемых фактов или событий, побуждение к определенным действиям. Принимая во внимание тот факт, что наиболее часто адресант публикует материал от лица того или иного медиаиздания, отметим, что он в то же время обладает характерным набором личностных качеств, собственной картины мира.

Адресат заголовка располагает схожим набором свойств и качеств, однако коммуникативная цель у него иная: получая закодированную в заголовке информацию от адресанта, читателю необходимо ее извлечь и правильно интерпретировать. Таким образом, достижение коммуникативной цели (перлокутивного эффекта) зависит от степени понимания речевого намерения, интенции автора определенным образом воздействовать на

потенциального читателя, а также изменить его эмоциональное, эстетическое, интеллектуальное состояние.

Для достижения вышеуказанных целей автору заголовка необходимо в той или иной мере задействовать его функциональный потенциал. Исследования в области функциональной значимости заголовков на сегодняшний день представляются наиболее актуальными. Авторы подобных работ, рассматривая заголовок как элемент медийного дискурса, в качестве основных функций выделяют следующие: номинативная, информативная, рекламная. Впервые данную классификацию в своей работе отразил А.С. Попов [Попов 1966].

Несколько другой подход отражен в классификации функций заголовков, предложенной Г.Г. Хазагеровым. Автор разделяет функции заголовков на две группы: 1) автономные (свойственные заголовку как самостоятельному сообщению); 2) обусловленные (характеризуют заголовок как компонент текста). Исследователь отмечает, что независимо от типа функционирования заголовка главная его задача состоит в привлечении и концентрации внимания адресата [Хазагеров 1984].

Классификация, предложенная В.А. Лукиным, предусматривает различие интертекстуальной и внутритекстовой функции заголовка, последняя из которых базируется «на его формально-семантической автономности, а также относительной самопонятности» [Лукин 1999: 93-94].

Заголовок, являясь неотъемлемой частью языка газеты, рассматривается учеными в том числе и с позиций медиалингвистики. При данном подходе он анализируется в качестве разновидности медиатекста, обладающей всеми свойственными ему параметрами. Ю.В. Верещинская выделяет следующие типы заголовков: описательные, информативные и сентенционные, номинативно-информативная, воздействующая, рекламная и графически-выделительная. Автор указывает на то, что в зависимости от разновидности медиатекста одна из перечисленных функций занимает ключевую позицию [Верещинская 2009].

Т.Ф. Каримова, рассматривая заголовок как единицу коммуникации, в качестве главной его функции называет контактоустанавливающую. Прочие функции (дезориентирующая, обобщающая, конкретизирующая функции), по мнению автора, служат для обозначения его многослойности и полифункциональности [Каримова 1985].

А. Ю. Исаева в своем исследовании, рассматривая полифункциональность заголовков Интернет-версий газет, предлагает следующую классификацию: 1) номинативная; 2) информативная; 3) прагматическая; 4) графически-выделительная. Автор отмечает, что наличие большого количества средств выразительности в газетных заголовках Интернет-изданий позволяют констатировать, что на передний план выдвигается именно прагматическая функция. В связи с этим заголовок Интернет-версий является объектом рассмотрения в контексте коммуникативно-прагматического аспекта [Исаева 2017].

Анализ работ, посвящённых рассмотрению и классификации функций заголовков, позволяет констатировать наличие связи у каждой из предложенных исследователями функций с тем или иным участником или элементом речевой коммуникации. В связи с этим заголовок может рассматриваться не только в связи с его коммуникативной задачей автора, направленной на потенциального читателя, но и в связи с отношениями, которые возникают у него с озаглавливаемым текстом. Подводя промежуточный итог, отметим, что заголовок, в процессе реализации своего прагматического потенциала является участником четырех типов взаимосвязанных отношений: 1) заголовок – адресант; 2) заголовок – адресат; 3) заголовок – медиатекст; 4) заголовок – медиадискурс.

1.3. Крылатая единица: определение, признаки, функционирование в публицистическом тексте

1.3.1. Крылатика: терминологический аппарат

Изучение функционального потенциала КЕ является одним из наиболее актуальных направлений современной лингвистики, что подтверждается наличием большого количества научных работ к. XX – первых десятилетий XXI в. [Алексеева 2001; Долгополов 2004; Зыкова 1997; Михайлова 2003; Каменев 2012; Карпеченкова 2013; Ломакина 2016; Макарова 2016; Сохинова 2004; Теплякова 2012; Финк 2016; Чуриков 2011; Шулежкова 1995 и др.]. Подобный интерес вызван такими особенностями крылатого фонда национального языка, как полифункциональность, способность к варьированию, непрерывная пополняемость, что влечет за собой востребованность и широкое функционирование в текстах различных жанров. Интерес к КЕ С. Г. Шулежкова обнаруживает «не только в высочайшей активности давно известных крылатых слов и выражений, но и в появлении массы новых КЕ», вследствие чего «словарный бум конца XX – начала XXI в. коснулся и КЕ» [Шулежкова 2009: 63]. Действительно, каждый год знаменует переход в крылатый фонд языка ряд потенциальных КЕ [Ломакина 2020]. Однако стоит отметить, что зарубежные фразеологи фактически не уделяют внимания КЕ из-за отсутствия дифференциации между разными классами ФЕ [Макарова 2016].

А.С. Макарова в программной статье «Современная крылатология: становление терминологического аппарата» подчеркивает, что «формирование корпуса КЕ, являющегося составной частью фразеологического фонда с точки зрения широкого понимания фразеологии, рассматривается как период развития национальной и интернациональной культуры» [Макарова 2018: 232]. Исследователь также отмечает, что сегодня в лингвистике находит применение «антропоцентрический подход, благодаря которому было установлено, что прагматикон языковой личности включает интертекстемы, в котором наряду с цитатами используются и КВ <крылатые выражения>» [Там же: 233]. В работе также опровергается

утвердившееся ранее мнение, что «употребление оборотов с «печатью авторства» свойственно лишь образованным людям», поскольку КВ можно считать «косвенными, непосредственными свидетелями времени, изменений в жизни общества и отражают социальное самосознание языкового коллектива, мироощущение и эпоху» [Там же]. Автор утверждает, что в настоящее время, «наряду с актуализацией таких терминов, как пословица, поговорка, цитата, скрытая цитата, аллюзия, реминисценция, используемых для понятия КВ или КС, ученые в своих работах оперируют следующими терминами: *КВ, крылема, крылатема, крылатизм, энтоним, интертекстема, текстовые и языковые реминисценции, прецедентные тексты и прецедентные феномены, логоэпистема* и пр.» [Там же: 234].

Полемика, начавшаяся во второй половине XX в., о статусе КЕ как языковых единиц находит отражение и в настоящее время, поскольку данный вопрос остается неоднозначным. Также следует отметить, что КВ являются важной составляющей языковой системы, так как их функционирование обусловлено грамматическими законами и основными принципами языка, ввиду чего корпус КЕ является предметом изучения отечественных фразеологов, свидетельством чему является активный процесс терминотворчества. Отечественная лингвистика разрабатывает как сам термин, как и науку крылатологию в целом с позиции анализа и описания изучаемых устойчивых языковых единиц и их параметризации [Там же].

Принимая во внимание тот факт, что сформированность крылатологии в качестве отдельной лингвистической дисциплины относят к концу XX века, «когда была издана монография С.Г. Шулежковой "Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие"» [Ломакина 2015: 26], отметим достаточно длительную неопределенность в вопросе о статусе единицы крылатологии, ввиду чего наблюдалось отсутствие термина, способного дать исчерпывающее определение данной языковой реалии. Примечателен и тот факт, что для номинации самого направления на сегодняшний день существует ряд терминов: 1) *крылатология* (С.Г. Шулежкова); 2) *крылатика*

(В. М. Мокиенко); 3) *крылатистика* (А. В. Королькова); 4) *эптология* (Л. П. Дядечко). В первое десятилетие XXI века наблюдается все более частое использование термина *крылатика* в качестве самостоятельного раздела науки о КЕ языка. С.Г. Шулежкова отмечает, что лингвистика «...обращается к “крылатике” лишь недавно, стимулируемая мощным влиянием теоретической и прикладной фразеологии...» [Шулежкова 2002: 288]. Анализ работ последних лет позволяет говорить о термине В. М. Мокиенко как об общепринятом, что, на наш взгляд, является основанием для использования термина *крылатика* в нашей работе в качестве основного.

Современная лингвистика располагает различными терминами, характеризующими основную единицу крылатологии: 1) *крылатые слова* [Королев, Швайкина 2020; Кузнецова 2016; Мокиенко 2021], 2) *интертекстемы* [Зубакова 2016; Казак, Махова 2015; Плужникова 2012; Позднякова 2017; Семенец 2004; Сидоренко 1999], 3) *крылатые выражения* [Виноградов 1977; Бухарбаева 2020; Ломакина 2015], 4) *крылатые единицы* [Долгополов 2004; Макарова 2012; Шулежкова 2012], *крылатые афоризмы* [Иванов, Иванова 2008; Кравцова 2019], 5) *прецедентные тексты* [Букина 2019; Слышкин 1999; Караулов 1987], 6) *эптонимы* [Вальтер 2011; Гайдин 2017; Дядечко 2006], 7) *текстовые реминисценции* [Болтовская 2018; Данилевич 2018; Супрун 1995], 8) *логоэпистемы* [Бурвикова, Костомаров 1996; Татарина 2005; Устинов 2013].

Вслед за С.Г. Шулежковой будем использовать термин *крылатая единица*, поскольку он носит родовой характер, что позволяет обозначить такие понятия, как крылатые слова и крылатые выражения, а также отразить отличительные признаки состава КЕ языка. Трактую данный термин, исследователь подчеркивает его разноплановость, в контексте чего представляется логичным «для всех постоянно воспроизводимых в широких кругах изречений, выражений, имен, историческое или литературное происхождение которых известно (доказуемо), использовать термин *крылатые единицы*» [Шулежкова 2002: 15].

Как известно, соотнесенность с источником является характерной чертой бóльшей части фразеологических единиц языка, но только КЕ одновременно сочетают в себе все ключевые признаки ФЕ и принадлежность к фразеологическому фонду языка, ввиду чего вышеобозначенный термин в данном исследовании представляется логичным использовать в качестве рабочего. Такой подход, на наш взгляд, позволит наиболее объективно рассмотреть особенности функционирования данного раздела фразеологии в составе современного русского языка.

Обусловленность выбора термина КЕ вызвана в том числе и тем фактом, что под данным термином подразумевается крылатика, различная по природе, статусу и форме. Наличие различий в толковании данного явления позволяет говорить о необходимости дальнейшего развития рассматриваемого лингвистического направления не только в отечественной, но и в мировой лингвистике.

1.3.2. Статус крылатых единиц в современной лингвистике, их дифференциальные признаки

Проблема статуса КЕ, а также их места в контексте фразеологической системы современного русского языка на сегодняшний день остается актуальной. Наиболее полными и подробными в отношении вопроса об отнесении КЕ к фразеологическому фонду языка являются работы Л. П. Дядечко, О.В. Ломакиной, А.С. Макаровой, В.М. Мокиенко, В. Ю. Меликяна, С. Г. Шулежковой и др. [Дядечко 2006; Ломакина, Мокиенко 2019; Макарова 2018; Меликян 2004; Шулежкова 1995, 2002] Первой работой по исследованию фонда КЕ русского языка стала монография С. Г. Шулежковой «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие» (2002). В исследовании подчеркивается, что крылатые выражения (КВ) составляют 90 %, а крылатые слова (КС), которые включают «“коннотативные собственные имена”», не более десятой части фонда крылатых единиц национального

языка» [Шулежкова 2002: 24], в связи с чем вопрос о языковом статусе КЕ представляется наиболее сложным. Исследователь приходит к выводу о том, что КВ «представляют собой стройную систему языковых единиц» [Там же 28], в то время как наиболее ярко выраженной чертой данных единиц является семантический «довесок», отражающийся в генетической памяти носителей языка; отличие же КЕ от безымянной ФЕ заключается в его связях с источником, поскольку, по словам автора, «отличие крылатого выражения от безымянного фразеологизма при прочих совпадающих признаках состоит лишь в его связях с источником» [Там же: 20]. Рассматривая КЕ в качестве наиболее перспективного направления исследования в области фразеологии, С.Г. Шулежкова определяет ряд ключевых особенностей данных единиц, характеризующихся «казалось бы, несовместимыми признаками – индивидуального творчества и общественного признания» [Шулежкова 2009: 62].

А.С. Макарова, разграничивая существующие в современной лингвистике термины, отмечает, что «в российском языкознании учение о крылатых единицах / крылемах / крылатемах / крылатизмах / эптонимах, имеющее более чем вековую историю исследования, продолжается в активном изучении такой области фразеологии, как “крылатология” / “крылатика”/ “крылатистика” / “эптология”» [Макарова 2018: 235]. Исследователь также отмечает особый интерес к корпусу крылатых выражений со стороны отечественных фразеологов, что подтверждается активным процессом «терминотворчества». Обозначенные термины, по мнению А.С. Макаровой, «глубоко и серьезно разрабатываются в отечественной лингвистике как с точки зрения анализа и описания изучаемых устойчивых языковых единиц, так и в аспекте их параметризации» [Там же: 234-235]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что КЕ занимают особое место в языковой системе, являясь его неотъемлемой частью, так как построены по грамматическим законам и основным принципам языка.

Процесс формирования фонда КЕ – явление постоянное, отражающее незамкнутость крылатики. Традиционно учёными в качестве основных источников пополнения крылатики в последние годы рассматриваются в том числе и синтетические виды искусства [Шулежкова 2002: 168]. О.В. Ломакина и В.М. Мокиенко, рассматривая функционирование крылатики в современном культурном контексте, к такого рода источникам происхождения КЕ относят в том числе «песни, кинофильмы, телепередачи и др.» [Ломакина, Мокиенко 2019: 262]. К.В. Каменев, рассматривая музыкально-вербальные жанры искусства в качестве источника КЕ в русском и английском языках, отмечает, что крылатыми часто становятся чередующиеся с рефреном куплеты массовых советских песен; потенция к крылатизации отмечается также у фрагментов припевов, самих рефренов и ключевых фраз [Каменев 2012: 12]. Исследователь отмечает значимость композиционных факторов в процессе крылатизации, в то время как варьирование образовавшихся КЕ, по мнению автора, зачастую зависит «от жанрово-тематической отнесённости песни-источника» [Там же].

Как утверждает Е.Д. Горячева, в качестве критерия процесса "отграничения" КЕ от других единиц текста выступают три категориальных признака: «...1) паспортизация конкретным текстуальным источником, т.е. в разной степени осознаваемое носителями языка авторство таких единиц; 2) стереотипизированность и воспроизводимость в готовом виде (не исключая активной вариативности); 3) интертекстуальность, т.е. способность служить строевыми элементами текста (или его фрагментов), маркируя его семиотически (на уровне концептов и символов) или стилистически...» [Горячева 2011: 165]. Следует отметить, что у В.М. Мокиенко набор категориальных признаков КЕ более широкий: «...это сочетание слов, обладающее относительной устойчивостью, воспроизводимостью в готовом виде, экспрессивностью и целостным значением...» [Мокиенко 1975: 26].

КЕ являются единой стройной системой языковых единиц, все элементы которой обладают определенным набором дифференциальных признаков – связью с источником, в роли которого может выступать: а) автор КЕ; б) литературный, мифологический, фольклорный или исторический персонаж; в) произведение искусства или литературы и т.д.; генетической памятью; раздельнооформленностью (наличие не менее двух компонентов словного характера, грамматически связанных между собою в соответствии с нормами используемого языка); воспроизводимостью (способность не создаваться в процессе общения, а воспроизводиться в качестве готовых целостных единиц); устойчивостью, свойственной как компонентному составу, так и грамматической структуре (допускающей вариативность); ярко выраженным национальным характером; наличием экспрессивности; устойчивостью семантики, закреплённой за данной единицей в языковом узусе [Горячева 2011, Шулежкова 2002, Ломакина 2015].

Информация, сообщающая о происхождении выражения, обусловлена «генетической памятью носителей языка»; сохранение такой информации характерно, как утверждает исследователь, «для всех КЕ (и КС, и КВ)» [Там же]. С.Г. Шулежкова подчеркивает, что выражение становится крылатым только в том случае, если оно обладает дополнительными дифференциальными признаками, такими как «воспроизводимость; устойчивость компонентного состава и грамматической структуры (не исключающей вариантности)» [Шулежкова 2009: 64]. Таким образом, говоря об отличительных чертах КЕ, следует уделять особое внимание в том числе и источнику её происхождения, информацию о котором включает генетическая память носителей языка.

Таким образом, в качестве необходимого критерия включения КЕ в состав фразеологического фонда языка выступают общеупотребительность данных единиц, функционирование в словарном составе языка в составе наиболее значимых элементов, придающих речи эмоциональность и

экспрессивность, а также оценочная функция, которая свойственна большинству фразеологизмов.

1.3.3. Функциональный потенциал крылатых единиц

К одним из основных направлений современной фразеологии можно отнести описание функционального потенциала фразеоресурсов в различных контекстах, что соответствует одной из задач прагмалингвистики – изучению реализации языковых единиц в различных коммуникативных ситуациях. Изучению особенностей функционирования крылатики посвящены работы Т.Г. Варченко, О.В. Ломакиной, А.С. Макаровой, В.М. Мокиенко, Л.А. Рачковской, С. Г. Шулежковой и др. [Варченко, Рачковская 2013; Ломакина, Мокиенко 2019; Макарова 2016, 2018; Макарова, Шулежкова 2016].

Развитие крылатики и, как следствие, способность к реализации функционального потенциала КЕ в современном медиапространстве Т.Г. Варченко и Л.А. Рачковская связывают в том числе и с распространением технических средств коммуникации, которые «стали материальными средствами существования "массовой культуры", каналами ее распространения», ввиду чего КЕ «все более становятся достоянием образованных людей, и лидирующее положение среди источников крылатых выражений занимают средства массовой коммуникации и массовая культура» [Варченко, Рачковская 2013: 35].

Использование в заголовках прецедентных текстов, в том числе и КЕ, по мнению О.В. Ломакиной, подразумевает определенную последовательность речевого акта: «читатель владеет неким прецедентным минимумом (по аналогии с паремиологическим минимумом), благодаря пресуппозиции происходит понимание значения единицы, а различные актуализаторы (прежде всего, субституты) служат средством привлечения читателя и вовлечения его в круг обсуждаемых проблем» [Ломакина 2019: 77].

С.Г. Шулежкова отмечает особую значимость КЕ для носителей языка: употребление КЕ сопровождается «своеобразным семантическим «довеском», содержащим память не только об авторе КЕ, но и о произведении, «из которого она вычленилась», а также историческом событии, «послужившем основой для её возникновения», при этом «в памяти носителей языка хранятся» в том числе и «концентрированные знания о мифических или исторических персонажах» [Шулежкова 2009: 64]. По мнению Г.В. Баевой, КЕ способны придавать тексту авторитетность, что обуславливает частотность их употребления в различных текстах публицистической направленности [Баева 2000].

Одной из наиболее характерных черт КЕ является функционирование в контексте современного медиапространства. Отметим, что современные подходы журналистов к языку публицистических текстов позволяют решить ряд важных задач газетного текста: эмоциональное воздействие на читателя, оценка определенных событий и фактов, создание у читателей ощущения объективности. Все это зачастую достигается посредством языковых средств, среди которых можно отметить различные фразеоресурсы языка: идиомы, пословицы, КЕ. Важность отбора языковых средств определяется их возможностью влиять «на процессы распространения и восприятия информации» [Скнарев 2020: 258].

Фразеоресурсы различных разрядов активно используются в газетных статьях для придания текстам экспрессии, образности, оценочности, придания характеристики субъекту, а «рассмотрение закономерностей использования крылатых выражений как части фразеологического фонда языка именно в СМИ способствует более полной характеристике особенностей развития массовой коммуникации в современную эпоху» [Макарова 2017: 41]. Используемые КЕ, обладающие интертекстуальным характером, позволяют автору «сообщить о своих культурно-семиотических ориентирах, а в ряде случаев и о прагматических установках» [Черняк 2010: 286], поэтому можно говорить о варьировании различных классов

фразеологических единиц, в том числе крылатики, как способе изменения их концептуального содержания.

О.В. Ломакина при анализе типологии функций КЕ делает вывод об отсутствии «единообразия при описании функциональных разновидностей КВ» [Ломакина 2015: 82]. А. Теплякова выделяет 1) облигаторные (общие): номинативную и интертекстуальную функцию; 2) факультативные (частные) функции: экспрессивную (эмоциональную), афористическую, аргументативную, императивную (призывную), кумулятивную (заголовочную), юмористическую функцию [Теплякова 2012: 149-151].

А.С. Макарова отмечает, что в процессе создания публицистического текста автор, стремясь «сделать современный газетный текст прагматически более интенсивным», зачастую прибегает к "вторичному" использованию языковых средств [Макарова 2016]. Широкое использование КЕ в современной публицистике позволяет говорить и об эстетической роли фразеологических средств, которая определяется, с точки зрения И.Б. Голуб, «умением автора отобрать нужный материал и ввести его в текст»; данное обстоятельство, по мнению автора исследования, позволяет говорить об общем обогащении речи и служит «"противоядием" против речевых штампов» [Голуб 2010: 120]. Схожая точка зрения наблюдается в работе О.В. Ломакиной, утверждающей, что среди всех фразеологических средств, употребляемых в современном заголовке, к наиболее востребованным справедливо относить именно КЕ [Ломакина 2019]. Представленные мнения корректны, поскольку КЕ, по мнению С.Г. Шулежковой, «принадлежат по преимуществу к экспрессивным языковым единицам, а "жажда экспрессии", свойственная и средствам массовой коммуникации, и устному общению, вызывает к жизни все новые и новые языковые единицы» [Шулежкова 2001: 17]. Это позволяет говорить об оригинальности использования автором подобной разновидности фразеологических средств в процессе построения заголовка, что позволяет ему донести до потенциальной аудитории свою

позицию, актуализировать скрытые смыслы; подобный функционал КЕ нередко позволяет оказать сильное эмоциональное воздействие на читателя.

Как отмечает О.В. Ломакина, в ходе лингвистических исследований удалось подтвердить наличие у современных авторов публицистического текста шорт-листа КЕ, выступающего в роли «самого употребительного разряда фразеологических ресурсов языка, которые активно используются при выборе заголовков», что позволяет говорить о серийном использовании ряда КЕ «в инвариантном и/или трансформированном виде» в текстах, которые могут различаться в том числе и тематической направленностью» [Ломакина 2020: 61]. Исследователь также связывает серийность при создании заголовков с «реализацией трансформационного потенциала КЕ, получением ими категории пословичности и вхождением в концентр – перечень наиболее употребительных единиц, служащих раскрытию интенции автора и отражающих его систему ценностей» [Там же]. Учитывая данное обстоятельство, отметим особую роль серийности употребления, которая является на сегодняшний день одной из характерных особенностей КЕ, обуславливающей широкое распространение отдельных единиц в составе публицистических текстов (в том числе и заголовков) различной тематической направленности.

Серийность образуется в результате наиболее частого употребления определенных КЕ в составе заголовков, которые способствуют наиболее полно отразить не только авторскую оценку, но и его систему ценностей вообще [Ломакина 2019]. Заголовок, являясь сильной позицией текста, влияет не только на восприятие всего текста в целом, но и на первую реакцию читателя; отметим, что в данном случае автор, составляя тот или иной заголовок, рассчитывает на заложенную им в тексте заголовка читательскую реакцию. В этом смысле КЕ, задействованные в процессе создания и функционирования заголовка, являются, по мнению А.С. Макаровой, наиболее функциональным «языковым и текстообразующим средством и обладает большей воздействующей силой для реализации рационального и

эмоционального в тексте, чем любая другая языковая единица» [Макарова 2017: 255]. При этом серийность в процессе создания заголовков не всегда обусловлена только лишь тематической направленностью статей; нередко определяющим фактором является способность крылатики к трансформации, варьированности, образованию новых оттенков значений, ориентированных на достижение коммуникативных задач автора статьи.

В ходе анализа, проводимого в рамках нашей работы, было установлено, что определенные КЕ, многократно тиражируясь, приобретают серийность, что обуславливается частотными однотипными преобразованиями [Хохлов 2021: 202]. Подобного рода использование КЕ позволяет их относить к наиболее употребительным фразеологическим средствам, составляющих фразеологический минимум публицистов [Ломакина 2020: 62]. Серийность подразумевает частотное употребление определенной КЕ в публицистических текстах различной тематики, вне зависимости от политических или мировоззренческих предпочтений автора текста. Употребляясь в инвариантном и / или трансформированном виде, они выступают актуализаторами контекста статьи.

Рассматривая функционирование КЕ в составе современного газетного заголовка, отметим, что, наряду с серийностью, современные авторы часто прибегают к использованию в роли заголовка КЕ-лозунгов, употребляемых в том числе в трансформированном виде.

Как и другие фразеоресурсы языка, крылатика используется как в инвариантном, так и трансформированном виде. При этом, как утверждает Г.Н. Большакова, каждая трансформация КЕ способна реализовать индивидуальные авторские смыслы [Большакова 2009].

Рассматриваемая нами способы репрезентации базисных концептов в современных газетных заголовках осуществляется за счет трансформации КЕ. Нередко исходные выражения, попадая в состав заголовка, претерпевают комплексную трансформацию, которая выражается в переосмыслении КЕ и/или изменения ее структурной и компонентной составляющей.

Справедливой представляется точка зрения О. П. Семенец, утверждающей, что актуализированные КЕ не только способствуют привлечению внимания потенциального читателя, но и «формируют многошаговость их восприятия» [Семенец 2002: 190].

По наблюдениям О.В. Ломакиной, в процентном соотношении в функции заголовка газетных статей 2014-2018 гг. преобладают именно крылатые единицы – около 60% [Ломакина 2019: 38]. Желание автора статьи привлечь внимание к опубликованному материалу, необходимость репостов и большого количества скачиваний выдвигает на первый план прагматическую функцию заголовка, обусловленную использованием в том числе и КЕ [Там же: 38–39]. Подобного рода прагматическая направленность использования КЕ чаще всего обусловлена тематически, что обусловлено не только варьированием КЕ, но и способностью наиболее точно отразить тематическое содержание заголовка.

Современное изучение крылатики как раздела фразеологии включает рассмотрение типологии варьирования КЕ. В нашей работе мы опираемся на типологию трансформации ФЕ, представленную А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко в предисловии к словарю «Фразеологизмы в русской речи» (1997). В соответствии с этой классификацией можно выделить несколько групп вариантов: 1) формальное варьирование (согласно О.В. Ломакиной, «не нарушает целостность ФЕ, не изменяет существенно ее значение» [Ломакина 2006: 20]), к которому относятся фонетические и морфемные варианты; 2) семантические преобразования, включающие «семантико-стилистические преобразования, не затрагивающие лексико-грамматическую структуру ФЕ» [Мелерович, Мокиенко 1997: 17], 3) структурно-семантические – смысловые преобразования, приводящие к изменению «лексического состава и / или грамматической формы ФЕ» [Мелерович, Мокиенко 1997: 23]. Среди структурно-семантических преобразований разграничивают два основных типа: а) преобразования, не оказывающие влияния на целостность

семантического тождества ФЕ; б) преобразования, приводящие к возникновению индивидуально-авторских (оказиональных) ФЕ или слов.

Результаты современных лингвистических исследований в области изучения крылатологии позволяют констатировать, что на сегодняшний день журналистами широко используются КЕ, особенно в процессе создания заголовков. Ассоциативная связь с источником и с автором, воспроизводимость, незамкнутость и другие характерные свойства крылатики объясняют ее широкое распространение в газетных текстах. КЕ, являясь частью заголовка, реализуют весь свой функциональный потенциал – от предварительного ознакомления читателя с содержанием статьи до выражения авторской оценки описываемым событиям, это достигается путем актуализации различных признаков КЕ, что в конечном итоге приводит в том числе и к серийности их употребления. Немаловажную роль в данном случае играет также способность КЕ к варьированию, что объясняется природой ФЕ, выражающейся в стабильности как компонентного состава, так и значения выражения. Особенность исследования функционирования КЕ состоит в том, что результаты многоаспектного анализа, примененного при рассмотрении текстов публицистического дискурса, в число которых входят газетные заголовки, позволяют дополнить имеющиеся в науке сведения об особенностях употребления крылатики.

Выводы по первой главе

Проведенный обзор литературы по теме диссертации позволил сделать ряд выводов об особенностях современного публицистического дискурса, в контексте которого газетный заголовок рассматривается в качестве значимой прагматической единицы, а также о функциональности крылатики как наиболее используемой части фразеоресурсов российской фразеологии.

В настоящее время изучение публицистического дискурса предполагает появление новых рубежей исследования. Дискурс можно

рассматривать в качестве тематически связанного текста (совокупности текстов), находящемся в определенном коммуникативном пространстве, цель которого заключается в реализации конкретных прагмалингвистических задач.

При разграничении терминов *текст* и *дискурс* следует учитывать принципиальные различия между данными понятиями: дискурс – исключительно лингвистическая категория, обладает прагматической заряженностью; дискурс – категорией процесса, для текста характерна статичность; текст – абстрактная конструкция, дискурс – ее актуализация.

Говоря об отличительных чертах публицистического дискурса, необходимо обозначить его особенности, заключающиеся в определенной лексике (словах, содержащих эмоциональную окраску и т.д.); экспрессивности; цитации; функции воздействия, обуславливающую необходимость применения оценочных средств выражения.

Анализ теоретического материала позволяет констатировать, что отдельное место в изучении публицистического дискурса отводится газетному субдискурсу, способному не только реализовать значимые функции, характерные для публицистики, но и наиболее ярко отразить форму взаимодействия участников коммуникации. Как представляется, наиболее приемлемым в нашей работе является термин *дискурс*, поскольку данное понятие относится к междисциплинарным.

Полифункциональность является важной характеристикой заголовков печатных изданий российских газет.

К наиболее характерным функциям газетного заголовка печатных изданий на сегодняшний день относятся: номинативная, информативная, прагматическая, а также графически-выделительная. Учитывая вышеизложенные характеристики, отметим, что заголовок, рассматриваемый с позиций лингвистических исследований, является сложным и многоплановым компонентом, анализируемый исследователями из разных областей; данный факт подтверждает актуальность его исследования.

Анализ научной литературы позволил проследить две противоположные точки зрения, касающиеся структурной принадлежности заголовка: 1) заголовок – номинативная структура; 2) заголовок – единица синтаксиса, которая обладает свойством предикативности. Отметим, что реализация прагматического потенциала заголовка демонстрирует его участие в четырех типах взаимосвязанных отношений: 1) между заголовком и адресантом; 2) между заголовком и адресатом; 3) между заголовком и медиатекстом; 4) между заголовком и медиадискурсом.

Крылатология относится к молодым наукам, перед которой стоит ряд задач, касающихся не только квалификации КЕ, но и рассмотрения их функционального потенциала, что включает в себя в том числе и принципы их описания. Проблема определения статуса КЕ и их месте во фразеологической системе языка на сегодняшний день является одной из наиболее актуальных. Возрастает правомерность признания языкового статуса КЕ, формулируются принципы их лексикографического описания, а также появляются новые справочные издания (словари, энциклопедии), отображающие их анализ. Исследование крылатики в контексте публицистического дискурса подразумевает объективную оценку собственно языкового статуса КЕ, что позволяет их отграничивать от других единиц текста.

Понятие *крылатая единица*, введенное С.Г. Шулежковой, будет использовано в нашем исследовании в качестве рабочего термина, так как оно носит родовой характер, что дает возможность разграничить такие понятия, как крылатые слова и крылатые выражения, а также отразить отличительные признаки состава КЕ.

КЕ, находясь в составе заголовка, реализуют свой функциональный потенциал: от предварительного ознакомления читателя с содержанием статьи до выражения авторской позиции, касающейся описываемых событий. Данный функционал реализуется посредством актуализации различных признаков КЕ, что приводит в том числе и к серийности

употребления данных фразеологических единиц. Особую роль играет также способность КЕ к варьированию, что обусловлено природой ФЕ, которая выражается в устойчивости компонентного состава и значения выражения.

ГЛАВА 2. РОЛЬ КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦ В СОЗДАНИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ: АНАЛИЗ ИНВАРИАНТОВ И ТРАНСФОРМОВ КАК ЭЛЕМЕНТОВ СОВРЕМЕННЫХ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

2.1. Концептосфера современной публицистики: методология описания и основные способы репрезентации

2.1.1. Методология описания концептосферы современной публицистики

В когнитивной лингвистике термин когниция (от лат *cognitio* – познание) рассматривается в качестве ключевого понятия дисциплины, включающего знание и мышление в языковом воплощении. Когнитологи рассматривают язык как когнитивный инструмент – систему знаков, определяющих такие процессы, как репрезентация и транслирование информации. Исследование языка в качестве определяющего элемента в процессе репрезентации ментальных моделей в сознании привело к выявлению главного вопроса когнитивной лингвистики, который заключается в исследовании отношений в цепочке «разум – язык – репрезентация – концептуализация – категоризация – восприятие», при этом центральное место занимает описание механизмов восприятия естественного языка, а также построение модели его интерпретации [Питина 2013: 36]. Совокупность вышеизложенных понятий, находящихся в тесной связи, формирует определенный механизм, «обуславливающий функционирование познавательной деятельности, в котором наиболее важными процессами являются категоризация и концептуализация» [Кадачиева, Алиева 2015: 64].

Описание концептов является одним из современных направлений когнитивной лингвистики. Концепты позволяют сформировать представление человека об окружающей его действительности, обладают

«ценностными характеристиками для конкретной языковой личности и коллективного сознания в целом», отражают «национальную и социокультурную специфику видения мира носителем языка» [Пенягина 2020: 156]. В.М. Шаклеин подчеркивает, что концепт как объект исследования «имеет определенное практическое значение» [Шаклеин 2023: 119], ввиду чего «сопоставительный характер анализа концептов» представляется «оправданным и имеет исследовательские перспективы» [Там же]. Большой объем научных работ, посвященных исследованию концепта, даёт основание утверждать, что данное направление является на сегодняшний день одним из наиболее актуальных [Болдырев 2021; Карасик, Слышкин 2001; Кубрякова 1996; Попова, Стернин 1999. 2001; Прохоров 2009, Токарев 2009]. Говоря о концепте, нельзя не согласиться с мнением Ю. Е. Прохорова, который утверждает, что «концепт может быть представлен в языковом сознании и в языковой картине мира, в художественной картине мира и в отдельном литературном жанре; концептом может быть и понятие, и некая каузальность, и некая эмоция, и так далее» [Прохоров 2009: 9].

Отметим, что в современной лингвистике различают отдельные типы концептов – лингвокультурные и культурные. Лингвокультурные концепты, являясь главным предметом изучения лингвоконцептологии и лингвокультурологии, различны по своей масштабности; наиболее важные концепты, необходимые для выстраивания коллективной языковой картины мира, относятся к гиперконцептам; подобные концепты, как правило, образуют концептосферы, которые, по определению Д.С. Лихачева, являются потенциями, открываемыми в словарном запасе не только отдельного человека, но и всего языка в целом [Лихачев 1993].

Под культурным концептом принято понимать основополагающий конструкт, способный выразить ценностную, понятийную и образную составляющие явления или понятия, которые могут быть уникальным для конкретного народа, либо универсальными, и в таком случае они приобретают всенародную значимость для отражения различных сторон

жизни и бытования представителей всех этносов мира; универсальные явления и понятия подвергаются различной интерпретации, в основе которой лежит индивидуальная когнитивная система мира каждого отдельного этноса. Основываясь на данной дифференциации концептов, определяемой значимостью отражаемого ими явления, Г. В. Токарев выделяет два основных типа их содержания. Первый тип, по мнению исследователя, включает конструкты действительности, выражающие абсолютную ценность для всего человечества. Такие конструкты могут выражаться понятиями, обыденного характера, имеющим отношение к научной природе или стереотипам. Автор отмечает, что учеными насчитывается «...до 70 культурных универсалий», среди которых выделяются такие, как «язык, искусство, мифология, <...> правительство, война...» [Токарев 2009: 15].

Говоря о наиболее четкой методологии современного изучения и описания концептов, согласимся с точкой зрения О.М. Смирновой, утверждающей, что подобная методология выработана лишь «в рамках когнитивной лингвистики – нового этапа изучения сложных отношений языка и мышления», начало которого положено нейрофизиологами, врачами, а также психологами [Смирнова 2009: 249]. Цель развития данного направления, по мнению исследователя, заключается в изучении языковых систем знаний, «то есть языковые формы их передачи, организации, хранения, извлечения из памяти, языковые формы воздействия на знания и с помощью знаний и т.д.» [Там же]. Автор приходит к выводу, что когнитивной лингвистике присуще изучение языковых форм с позиций отражения определенного видения мира отдельной персоны и различных вариантов концептуализации объективной реальности в языке, а также общих принципов категоризации и механизмов «обработки информации с точки зрения того, как в них отражается весь познавательный опыт человека, а также влияние окружающей среды» [Там же].

Современные исследования, посвященные анализу заголовков печатных СМИ, актуализирующих ключевые концепты посредством КЕ,

позволяют детально рассмотреть способы вербальной репрезентации анализируемых концептов, а также представить его многоаспектную характеристику. Данная характеристика, которая включает рассмотрение макроструктуры концепта (на основе выявленных когнитивных признаков в отношении образного, информационного содержания и интерпретационного поля концепта), категориальной структуры концепта, эксплицируемой в качестве отношений когнитивных классификационных признаков. Подобное рассмотрение концепта позволяет выявить ядро концепта, его «приядерную» зону, а также периферию концепта.

В нашем исследовании использовалась авторский алгоритм описания концептосферы: отбор и анализ заголовков с КЕ, а также описание концептосферы были проведены в несколько этапов. Охарактеризуем этапы.

Первый этап – отбор заголовков, включающих различные КЕ-трансформы и КЕ-инварианты, из текстов отечественных печатных газетных изданий (36) как федерального, так и регионального уровня 2000-2022 гг., в результате чего была сформирована картотека, насчитывающая около 9000 единиц.

Второй этап – двойная паспортизация материала КЕ по лексикографическим источникам: «Большому словарю крылатых слов и выражений русского языка» – БСКСВРЯ [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2005] и «Словарю крылатых слов и выражений» [Серов 2004], в результате чего выявлено 400 КЕ-инвариантов.

Третий этап – выделение и номинация концептов, составляющих концептосферу современной газетной публицистики, которая включает наиболее репрезентированные крылатикой концепты: «общество», «политика», «спорт», концептуальные дихотомии «война-мир», «здоровье-болезнь», с учётом семантики КЕ-инвариантов и вариантов; наиболее характерных для данного концепта КЕ с учётом «говорящих» компонентов (например, концепт «здоровье» объективируется КЕ *В здоровом теле здоровый дух* (БСКСВРЯ 1: 169); *Если хочешь быть здоров, закаляйся*

(БСКСВРЯ 1: 169), *От всех болезней нам полезней / Солнце, воздух и вода* (Серов: 431) [Ломакина, Хохлов 2022: 75]).

Четвёртый этап – формирование шорт-листа заголовков, включающих КЕ-инварианты и варианты из наиболее частотных, образующих серии КЕ, участвующих в репрезентации концептосферы современной газетной публицистики.

Пятый этап – дополнение картотеки примерами 2022 г. с учётом выявленных ранее концептов.

Шестой этап – характеристика выбранных концептов, определение роли КЕ-инвариантов и вариантов (определение вида употребления, типа варианта), описание более 100 наиболее репрезентативных заголовков.

В процессе анализа способов репрезентации исследуемых концептов порядок всех анализируемых заголовков, содержащих трансформированные КЕ, был унифицирован по следующей схеме:

1. Заголовки, включающие КЕ-библейзмы (*Содом и Гоморра; Не хлебом единым жив человек; Первые станут последними, а последние станут первыми*).

2. Заголовки, включающие КЕ из произведений художественной литературы (*А судьи кто?; Человек – это звучит гордо; Там русский дух, там Русью пахнет*).

3. Заголовки, включающие КЕ, являющиеся высказываниями известных личностей (*Победителей не судят; Когда говорят пушки, музы молчат; Промедление смерти подобно*).

4. Заголовки, включающие КЕ, относящиеся к лозунгам (*На свободу – с чистой совестью; Наш ответ Чемберлену; От всех болезней нам полезней / Солнце, воздух и вода*).

5. Заголовки, включающие КЕ из синтетических видов искусства (*Доживем до понедельника; От заката до рассвета; В Багдаде всё спокойно*).

б. Заголовки, включающие потенциальные КЕ (*Ваш звонок очень важен для нас; Казнить нельзя помиловать; Не все то золото, что блестит*).

Отдельно рассматривались случаи серийного употребления КЕ.

При сборе материала мы выбирали такие КЕ, где в качестве актуализаторов выступают либо все компоненты КЕ одновременно, либо только некоторые; также в качестве актуализаторов могут выступать компоненты, одноименные исследуемым концептам, а также их дериваты: *Если хочешь быть здоров, закаляйся; **Война** нервов; Там **русский** дух, там **Русью** пахнет; Великолепная пятерка и **вратарь***. Таким образом, методология описания современной концептосферы позволяет сформировать понимание об универсальном и специфичном в концептуализации окружающей действительности, а также разграничить ядерное и периферийное значение. Являясь неотъемлемой составляющей языковой картины мира человека, формирование национальной концептосферы дает возможность рассматривать как наиболее важные с точки зрения определенного временного континуума концепты, так и второстепенные. Такого рода разграничение способствует выявлению национальной специфики концептуализации идентичных явлений в сознании людей, являющихся носителями разных языков. Процесс репрезентации универсальных ценностных концептов подразумевает употребление КЕ, являющихся наиболее распространенным фразеологическим средством в современных СМИ. Изучение данных вопросов в рамках современной когнитивной лингвистики является одной из наиболее актуальных исследовательских задач.

2.1.2. Основные способы репрезентации универсальных ценностных концептов

Концептология, относящаяся к новым направлениям исследования в области лингвистики, рассматривается в качестве ментально-познавательного процесса, состоящего в восприятии и осознании индивидуумом информации из внешнего мира в определенной форме - концепте. Таким образом, концепт можно отнести к языковым средствам, способным раскрыть лингвокультурные особенности языковых явлений [Кубрякова 1996: 90], [Fillmore 1976: 20]. Отличительная особенность концептов состоит в способности соединять одновременно индивидуальные суждения и общепризнанные стандартные значения, что подразумевает рассмотрение возможного понятийного содержания исследуемого объекта или языкового феномена.

Языковая среда, находясь в постоянном движении и изменении, создает новые условия восприятия и анализа информации. Человек, приспосабливаясь к среде, вносит в нее ряд определенных изменений, в то время как среда, трансформируясь сама, вносит коррективы в существование человека. Ю. Г. Евтушок подчеркивает, что концепты, подобно языку, составляют важную часть этой среды, что обуславливает их способность отражать изменения всех сторон жизни социального окружения [Евтушок 2004: 9].

Процесс репрезентации универсальных культурных концептов наблюдается в современных публицистических текстах. Подобная репрезентация наиболее часто осуществляется посредством употребления журналистами ФЕ различных разрядов. Публицистическим текстам, в составе которых реализуется функциональный потенциал ФЕ, посвящено множество работ (О. В. Ломакина, А. С. Макарова, В. М. Мокиенко, Л. М. Рязановский и другие), что говорит об актуальности данной области языка. Примечательно, что ФЕ в подобных текстах претерпевают различные трансформации – как структурные, так и семантические. Наиболее ярко это проявляется в газетных текстах. В. Н. Вакуров, ссылаясь на одного из первых исследователей языка газеты Г. О. Винокура, отмечает высокий уровень

фразеологизированности газетного языка, что объясняется его неотъемлемым свойством – стандартностью, клишированностью большинства выражений, являющихся типично газетными [Вакуров 1994: 43]. Одной из наиболее употребляемой в газетных текстах разновидностей фразеологических единиц являются КЕ.

Центральное место среди концептов занимают универсальные культурные концепты, которые составляют основу картины мира, влияют на формирование всего мировосприятия. Именно к этой группе можно отнести концепты «общество», «политика», «спорт», а также концептуальные диады «война – мир», «здоровье – болезнь», выбранные для анализа в данном исследовании. Формирование концепта происходит вокруг определенного понятия (ядра концепта), вследствие чего в результате развития у него наблюдается проявление новых концептуальных признаков и значений. Исследователи-когнитологи отмечают, что структура концепта содержит ядерную и периферийную зоны. Так, Л.Г. Бабенко подразумевает под концептом «...многокомпонентные поля знаний, представлений, ассоциаций, имеющих ядро и периферию», при этом ядерную часть занимают универсальные знания [Бабенко 2000: 81; Бабенко 2004: 106]. В.А. Маслова, визуализируя данное понятие, предлагает представить структуру концепта в виде круга, центр которого составляет основное содержание (ядро), а периферию – всё привнесенное как национальной культурой, так и личным опытом [Маслова 2004: 42].

Необходимость рассмотрения данных концептов определяется той степенью вовлеченности авторов рассмотренных заголовков, а также их потенциальных читателей во внетекстовую ситуацию, в которой у адресанта появляется необходимость достичь желаемого эффекта (отражение авторских интенций, формирование у читателя мнения по рассматриваемому вопросу). Заметим также, что представленные концепты затрагивают ключевые стороны жизни современного общества, о чем свидетельствует все

возрастающий с каждым днем объем заголовков, тематика которых связана с исследуемыми концептами.

Следует отметить, что в качестве основного инструмента выражения скрытого коммуникативного смысла журналисты используют в качестве экстралингвистической пресуппозиции знания в области литературы, политики и т.д. Так, у авторов заголовков статей появляется возможность, апеллируя к пресуппозитивным знаниям потенциального читателя, регулировать уровень передачи информации: от эксплицитного к имплицитному. Таким образом, на первый план выходит наличие у адресата прецедентного минимума.

Учитывая, что действительность подвергается категоризации (концептуализации) со стороны языка, в процессе которой язык выступает в качестве опосредующего элемента между реальностью и человеческим сознанием, определяющую роль в процессе разграничения ключевых концептов в языковой картине мира сыграли социально-политические факторы. Кроме того, на выявление ключевых концептов также оказало влияние пристальное внимание журналистов к общественно-политической ситуации в мире: участие России в СВО, военные конфликты на Ближнем Востоке, появление опасных форм новых вирусов, рост инфекционной заболеваемости, отстранение российских спортсменов от участия в различных соревнованиях, и т.д. Данный факт позволяет выявить влияние экстралингвистических факторов на исследуемые концепты, определяющие тематику современных печатных СМИ. Таким образом, все исследуемые концепты представляются взаимосвязанными, среди которых наиболее глобальными являются концепт «общество» и диада «война-мир», менее глобальными – диада «здоровье-болезнь», концепт «спорт».

Анализ заголовков печатных СМИ, актуализирующих исследуемые концепты посредством КЕ, позволяет более детально рассмотреть способы вербальной репрезентации данного концепта, а также представить его многоаспектную характеристику. Данная характеристика, которая включает

рассмотрение макроструктуры концепта (на основе выявленных когнитивных признаков в отношении образного, информационного содержания и интерпретационного поля концепта), категориальной структуры концепта, эксплицируемой в качестве отношений когнитивных классификационных признаков. Подобное рассмотрение концепта позволяет выявить ядро концепта, его «приядерную» зону, а также периферию концепта.

Специфика использования КЕ в периодической печати в процессе вербализации центральных концептов подразумевает многообразие функций, реализуемых устойчивыми единицами – от экспрессивно-оценочной до семантического преобразования всего контекста. Подобные преобразования позволяют говорить об актуализации исследуемого концепта компонентами, изначально не связанными с обозначенным концептом. Также нередки случаи проявления семантической связи данного концепта с прочими социально значимыми концептами, что выражается в их вербализации посредством КЕ. Как утверждают представители Воронежской научной школы З. Д. Попова и И. А. Стернин, репрезентация концепта в языке осуществляется за счет лексем, фразеологизмов, словосочетаний, предложений, текстов и совокупностью текстов. Анализ языковых средств выражения концепта позволяет получить представление о его содержании в языковой картине мира носителей языка [Попова, Стернин 1999: 8, 10-11].

2.2. Крылатые единицы и их трансформации как репрезентанты концептосферы современной публицистики (на примере современных газетных заголовков 2011-2022 гг.)

Основной функцией заголовка является формирование у адресата первичного образа события. Использование трансформов КЕ в процессе создания заголовка, как показало исследование, способствует не только репрезентации содержания текста, но и передачи авторской позиции –

«основной, сильной позиции в тексте» [Ломакина 2019], контекста современной действительности.

Нередко используемые преобразования КЕ в составе заголовка ведут к изменению ее семантики, в результате чего КЕ в определенном контексте приобретает дополнительный семантический оттенок, при этом чаще всего авторы заголовков прибегают к субституции одного или нескольких компонентов. Нередко в подобных случаях замещающие компоненты подбираются по принципу антонимии. Л.А. Новиков характеризуя явление антонимии в языке, определяет ее как одну из разновидностей «системных отношений», которая находит свое выражение в соотносительной противоположности его компонентов [Новиков 2001: 29]. Также исследователь подчеркивает, что антонимию необходимо определять «...как наиболее общее и характерное для всех носителей языка противопоставление слов», которые обладают противоположным значением [Там же: 36].

Наиболее часто трансформация КЕ в составе заголовка представляет собой комплексное преобразование, включающее изменения как на семантическом, так и на лексическом уровне. Нередко данный процесс сопровождается изменением не только компонентного состава КЕ, но и её синтаксическими преобразованиями. Прецедентные тексты, по мнению О.В. Ломакиной, «...становятся не только частью «топа» фразеосредств (фразеологического минимума журналистов), но полноправными крылатыми единицами» [Ломакина 2019: 76]. Трансформированные КЕ в публицистическом тексте играют немаловажную роль в плане выражения социальной оценочности, позволяя автору усилить экспрессивность текста, привлечь внимание читателей, выразить свою оценку описываемым событиям. Наиболее используемый способ трансформации КЕ в современных газетных заголовках – субституция [Макарова 2017: 566], которая, как правило, обусловлена контекстуально [Хохлов 2020: 184].

А. С. Макарова отмечает, что к наиболее характерным особенностям современного медийного контента можно отнести особую культурную

коннотацию, идентификация которой является обязанностью адресата [Макарова 2019: 274], поскольку он, будучи непосредственным свидетелем времени, участвует в формировании и трансформации языкового вкуса эпохи. Как утверждает О.В. Ломакина, суть языковых единиц, к которым можно отнести в том числе и крылатые единицы (КЕ), заключается в «их главной характеристике – прямой зависимости от источника, их воспроизводимости и узнаваемости в готовом виде» [Ломакина 2019: 256]. Исследователь также отмечает роль КЕ в формировании современного публицистического дискурса, что позволяет рассматривать данные выражения «в качестве стилистических приёмов, что доказывает широту реализации функционального потенциала», что способствует в том числе и «созданию яркого заголовка газетного текста» [Ломакина 2019: 78].

2.3. Характеристика макроконцепта «общество»

Современная языковая картина мира включает социально значимые понятия. Одним из наиболее репрезентируемых концептов, актуализирующих данные понятия, является концепт «общество». Проанализируем обозначенный концепт в контексте современной русской языковой картине мира, выявим его содержания и основные способов репрезентации в медиапространстве, основываясь на рассмотрении ключевых КЕ-репрезентантов данного концепта.

Исследование концепта «общество» начнём с дефиниционного анализа: рассмотрим словарные дефиниции его ключевой лексемы-репрезентанта, данные в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС), поскольку чаще всего семантика ключевого слова отражает основную концептуальную информацию. Согласно представленному лексикографическому описанию, *общество* представляет собой: «1. Совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-

историческими условиями материальной жизни. 2. Круг людей, объединенных общностью чего-л. (происхождения, положения, интересов и т. п.). 3. Группа людей, проводящих вместе время; компания. 4. Объединение людей, ставящих себе какие-л. общие задачи; организация. 5. *Устар.* Крестьянская община» [МАС 2: 577].

Представленные словарные дефиниции дают возможность показать, что ядро концепта составляют такие значения, как 'совокупность людей', 'группа людей, объединенных общностью задач'.

Н. И. Курганова характеризуя концепт «общество», определяет его как «один из важнейших социальных концептов любой культуры» [Курганова 2020: 29], а функционирование «в конкретных геополитических и экономических условиях» дает ему возможность сочетать в себе «информацию о сумме всех взаимодействий в определённой среде, а также о ценностных ориентациях культуры» [Там же: 35]. Приведём уточнённое определение понятия *общество*: «определённый образ жизни, который задаётся социальной и профессиональной активностью граждан, направленной на гармонизацию отношений между разными социальными группами и культурами, на благоустройство города и среды, на обеспечение безопасности граждан, как дорожной, так и экологической» [Курганова 2020: 35].

Рассматривая структурную составляющую концепта «общество», Т.В. Романова предлагает его рассмотреть «в виде поля, где концептуальные признаки "объединение людей" и "субъект оценки" относятся к ядру концепта, а признаки "взаимодействие с государством, властью", "иерархическая структура" и "развитие, стремление к идеалу" – к ближней периферии» [Романова 2019: 406].

Т.Ю. Передриенко, Е.С. Баландина, рассматривая репрезентацию концептов «общество» и «society» в лексикографическом дискурсе, отмечают, что «ценностно-оценочный компонент концепта 'общество' имеет не только положительный / нейтральный, но и отрицательный оттенок

значения» что позволяет говорить о наличии «в языковой картине мира носителей российской культуры закреплён не только положительный и нейтральный образ общества» [Передриенко, Баландина 2020: 60].

Ж.А. Никифорова, рассматривая особенности репрезентации концепта «'общество' в российских периодических изданиях, приходит к следующему выводу: при репрезентации обозначенного концепта наиболее значимыми являются такие семантические поля, как *государство, политика, юриспруденция, общество, экономика, СМИ и культура*» а «обозначаемые именно этими словами понятийные компоненты наиболее востребованы при толковании термина *общество*» [Никифорова 2014: 65]. Объединение перечисленных понятий формирует концепт «общество» и позволяет характеризовать его как макроконцепт.

Результаты анализа лексикографического материала позволяют констатировать, что концепт «общество» вербализируется множеством компонентов, в том числе и тех, которые эксплицитно с ним не связаны, поскольку репрезентация концепта «общество» обусловлена широким ассоциативным полем, включающим в том числе и оценочно-прагматические компоненты.

2.3.1. Репрезентация концепта «общество»

Дефиниционный анализ лексемы, контекстуальный анализ КЕ и рассмотрение примеров-трансформов КЕ показали тесную связь концепта «общество» с концептом «политика» по принципу гиперо-гипонимических связей; учитывая, что оба концепта следует относить к группе социально значимых концептов, представляется необходимым обратиться к подробному рассмотрению концепта «политика»

В русский язык слово *политика* (от греч. *politikos* – «государственная деятельность», «гражданская, общественная деятельность») проникает в эпоху правления Петра I посредством западноевропейских языков. В

греческом языке латинское прилагательное *politicus* имело значение «имеющий отношение к государственным делам», «политический» [Черных, II 1993: 52]. Ю.В. Трофимова, анализируя данную лексему в историко-этимологическом аспекте, отмечает, что производящие понятие *полис*, являясь одним из фундаментальных понятий древней философии, этики, истории, политической науки, в своем смысловом содержании «наряду с государственным управлением, гос. право, обязанность, деятельность, дело, содержит следующие основные семантические компоненты: ‘граждане’, ‘общество (государство)’, ‘свобода’» [Трофимова 2004: 37].

Рассматривая слово *политика* в современном русском языке, отметим, что именно первичное значение слова определяет его мотивирующий признак. Отметим, что подобная особенность характерна и для ключевых лексем других концептов, рассмотренных в данном исследовании. В «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой слово *политика* рассматривается как многозначное, общеупотребительное, имеющее несколько лексико-семантических вариантов: обнаруживаем 4 значения рассматриваемой лексики, прямое представлено как «деятельность государственной власти, партии или общественной группы в области внутригосударственного управления и международных отношений, определяемая классовыми интересами этой власти, партии, группы», одно из переносных значений – «события и вопросы внутренней и международной общественной жизни» [МАС III: 261].

В «Современном политологическом словаре» зафиксированы 3 значения, разграниченные по следующим семантическим составляющим:

1) действие: «программа, метод действия или сами действия, осуществляемые человеком или группой лиц для осмысления и решения проблемы перед сообществом»;

2) общество: «сфера общественной жизни, где конкурируют или противостоят различные политические направления, личности или группы, имеющие свои собственные интересы и мировоззрение»;

3) социология: «институты власти» [Даниленко 2000].

Концепт «политика» входит в категорию наиболее значимых социокультурных концептов, что обуславливается его способностью наглядно отражать общественные процессы, происходящие в стране, эксплицируя отношение к ним носителей языка. Как отмечает Т.В. Романова, существующая в языке оппозиция общество – власть «такая же, как и народ – власть. Следовательно, народ и общество, возможно, – репрезентанты одного концепта, или же существенное дополнение концепту ОБЩЕСТВО являет собой сложный концепт НАРОД» [Романова 2019: 97]. Это позволяет говорить о том, что данный концепт играет ключевую роль в отражении языковой картины мира определённого временного отрезка.

А.М. Ковалев, рассматривая политику как неотъемлемое составляющее жизни современного общества, говорит о необходимости изучать политику в узком и широком смысле. Сущность политики в широком смысле, по мнению исследователя, не ограничивается лишь классовой борьбой различных сторон за политическую власть и «не представляет собой только концентрированное выражение экономики», но является концентрированным выражением «путей реализации интересов и потребностей человека (субъекта) по созданию адекватных условий, обусловленное данным способом производства общественной жизни» [Ковалев 2013: 39]. Характеризуя политику в узком смысле, автор рассматривает ее как «частный случай политики в широком смысле», поскольку межклассовая борьба за государственную власть ориентирована на овладение могучей социальной силой, что позволяет достичь намеченных целей. Исследователь приходит к следующему выводу: политика как элемент общественной жизни не должна ограничиваться законами природы и общества; ей также свойственны и собственные законы, основу которых составляет непосредственно сам человек с его разумом [Там же]. Таким образом, политика как явление тесно связана не только с обществом как

совокупностью людей и способом организации общественной жизни, но и с человеком как отдельно взятой личностью.

Анализируя метафорическую репрезентацию концепта «Политика США» в идиостиле Анри Жиру, А. Э. Буженинов выделяет две функции концепта: «категоризирующую», которая позволяет отнести политику США и ее агентов к категории неких безжалостных воинственных существ, и «прагматическую», позволяющую реализовать «воздействующий потенциал метафоры на читателя и призывающую к критическому переосмыслению сложившейся ситуации» [Буженинов 2020: 35].

А.Б. Алексеев отмечает, что концепт «политика» в восприятии носителей языка наделяется «отрицательными характеристиками, которые изначально не были им свойственны» [Алексеев 2022: 71]. Исследователь также отмечает, что «стереотипное, шаблонное восприятия данных концептов позволяет преподносить сложные политические процессы в упрощенной, но понятной для адресата форме» [Там же].

М.В. Пименова, рассматривая политику в контексте русской языковой картины мира, характеризует ее как некую стихийную силу, которая «после некоторой обработки с помощью некоторых технологических процессов превращается в некий продукт, предмет или тип интерперсональных отношений, поддающийся контролю, управляемый и даже отрететированный» [Пименова 2005]. Таким образом, исследователь отмечает важность данного явления, занимающего особое место в процессе коммуникации как отдельно взятого человека и общества, так и всего общества в целом.

Согласно типологии Н.А. Левитской и О.В. Ломакиной, концептосфера может иметь следующие уровни: «концепт – идея, концепт – авторский замысел, концепт – образ, концепт – художественный приём, концепт – языковой элемент» [Левитская, Ломакина 2004: 64]. Продолжая данные наблюдения, можно говорить об уровне *концепт – дискурс*. Рассматриваемые нами составляющие концепта «общество» образуют определённый тип

институционального дискурса, поэтому выполняют двойную функцию: с одной стороны, являются носителем информации о конкретном понятии, с другой – имеют концептообразующее значение, становясь концептосферой определённого дискурса.

Идею политической концептологии впервые обозначил В.П. Макаренко, определив ее как «междисциплинарный подход к исследованию, пониманию и моделированию политической реальности в ее взаимосвязях со всеми сферами социальной и природной реальности» [Макаренко 2008: 5-6]. Современные исследователи для полноценного описания политического дискурса концепт «политика» рассматривают и с учётом микроконцептов «интерес», «народ», «целестремление», «политика», «политик», «государство», «власть», «благо» [Гаврилова 2004].

В работах, посвященных концепту «политика» [Архипова 2014; Буженинов 2020; Никифорова 2013; Пименова 2005; Хохлов 2021] авторы анализируют способы репрезентации исследуемого концепта. М.В. Пименова, анализируя способы репрезентации концепта «политика», выделяет следующие метафорические репрезентанты: предметные образы, социальные образы, пищевые образы, образы стихий, антропоморфные образы врага [Пименова 2005: 37-38].

Изучение особенностей политического дискурса, а также функционирования концепта «политика» в области фразеологии занимает особое место. Анализ проведенных исследований позволяет говорить о высокой степени экспрессивности современного политического дискурса, что можно объяснить не только максимальным расширением «границ политической фразеологии в структурно-семантическом плане», но и тематическим ее ограничением, соотносительностью «со структурой политики» [Карамова 2015: 40-41]. В.С. Арутюнян, рассматривая общественно-политическую фразеологию в призме межкультурной коммуникации, отмечает яркую метафоричность образов, в то время как специфику функционирования данных фразеологических единиц определяет

«актуальность тех или иных социально-политических реалий, отображающих жизнь общества в определенный исторический период» [Арутюнян 2015: 37-38]. Таким образом, исследование фразеологической составляющей политического дискурса подразумевает в том числе и изучение языковых, культурологических, а также социальных реалий общества в определенный период.

Отметим, что тексты политической тематики содержат примеры различной вербализации рассматриваемого концепта.

Охарактеризовав слово *политика* с историко-этимологической и структурно-семантической позиций в русском языке и проанализировав концепт «политика» в контексте современной языковой картины мира и способов его изучения, обратимся к способам его связи с концептом «общество», а также способам его репрезентации в современных заголовках российских газет.

Отбор материала позволил установить, что концепт «общество» объективируется различными разрядами фразеологических единиц, в т.ч. КЕ, в число которых входят как библеизмы, так и выражения из современных синтетических видов искусства. Авторы подобных статей актуализировали различные КЕ, подвергая их трансформации. Рассмотрим подобные примеры, чтобы показать, как происходит репрезентация концепта «политика» путём варьирования крылатики, а также использования в составе заголовка как одноименных компонентов, так и компонентов – актуализаторов, тематически связанных с исследуемым концептом («деньги», «нищета», «отечество», «государство», «власть», «труд» и др.), а также их дериватами: *«Бешеные деньги»* («Литературная газета», 02.09.2015) – ср.: *Бешеные деньги* [Серов 2004: 57]; *«Время — деньги»* («РБК», 21.10.2016) – ср.: *Время — деньги* [Серов 2004: 145]; *«Блеск и нищета»* («Известия», 09.09.2021) – ср.: *Блеск и нищета* [Серов 2004: 61]; *«Православие, самодержавие, народность. Успешный блеф графа Уварова»* («Аргументы и факты», 09.09.2021) – ср.: *Православие,*

самодержавие, народность [Серов 2004: 632]; «**Утром — деньги, вечером — стулья**» («Вечерний Ставрополь», 22.09.2011) – ср.: *Утром — деньги, вечером — стулья* [Серов 2004: 785]; «**Где, укажите нам, отечества отцы, которых мы должны принять за образцы?**» («Аргументы недели», 09.02.2022) – ср.: *Где, укажите нам, отечества отцы, / Которых мы должны принять за образцы?* [Серов 2004: 172]; «**Государство — это мы**» («Слово», 09.02.2022) – ср.: *Государство — это мы* [Серов 2004: 191]; «**Коридоры власти**» («Красная искра», 12.05.2022) – ср.: *Коридоры власти* [Серов 2004 : 366]; «**Лишние люди**» («Правда», 03-06.02.2017) – ср.: *Лишние люди* [Серов 2004: 394]; «**От каждого по способностям, каждому по труду**» («Губерния», 27.05.2010) – ср.: *От каждого по способностям, каждому по труду* [Серов 2004: 553]; «**Первый среди равных**» («Слово», 16.11.2018) – ср.: *Первый среди равных* [Серов 2004: 572].

Обратимся к анализу заголовков, содержащих трансформированные КЕ различного происхождения – от КЕ-библейзмов до КЕ, пришедших из синтетических видов искусства.

Рассмотрим примеры употребления КЕ, источником которых является Священное Писание: «**Пути индексации неисповедимы**» («Коммерсантъ», 24.01.2022) – ср.: «*Неисповедимы пути Господни*» (Иносказательно о непредсказуемости судьбы, невозможности все предвидеть, предусмотреть и т. д.) [Мокиенко 2005: 311; Серов 2004: 507].

Используя библейское высказывание апостола Павла из Послания к Римлянам, автор прибегает к комплексной трансформации КЕ: субституция способствует сужению и конкретизации информации заголовка, а синтаксическая трансформация позволяет журналисту сделать акцент на смыслообразующем компоненте образовавшегося трансформ. Отметим, что варьируемые компоненты не относятся к одной тематической группе, что также способствует переосмыслению исходной КЕ, расширению ее семантики, позволяющего актуализировать полученный трансформ в содержании статьи, посвященной рассмотрению попыток думских фракций

обратиться в Конституционный суд для решения об отмене индексации пенсий работающим пенсионерам.

Аналогичным способом образован заголовок «*Не Орбаном единым*» («Коммерсантъ», 18.10.2021) – ср.: *Не хлебом единым жив человек* [Мокиенко 2005: 324; Серов 2004: 501]. Усечение компонентного состава КЕ позволяет автору сфокусировать внимание читателя на заголовке, а субституция компонентов *хлебом* на *Орбаном* актуализирует образовавшийся трансформ в контексте статьи, в которой речь идёт о встрече оппозиционных партий Венгрии с одним из кандидатов на пост премьер-министра страны. Наблюдаемая трансформация приводит к изменению не только плана выражения, но и плана содержания исходной КЕ.

Схожим образом построен заголовок «*Все тайное станет майнинг*» («Коммерсантъ», 08.02.2022) – ср.: *Всё тайное становится явным* [Серов 2004: 156]. Трансформация КЕ обусловлена тематически: благодаря субституции автору удается погрузить читателя в содержание статьи, а актуализированный в контексте статьи трансформ позволяет говорить не только об образовавшейся в заголовке экспрессии, но и о полном переосмыслении КЕ. В статье рассматривается договоренность Правительства РФ и Банка России о будущем режиме обращения криптовалют в России, согласно которому криптовалюты признаются аналогом валют, а не цифровых финансовых активов (ЦФА).

Наряду с лексическими преобразованиями КЕ библейского происхождения в составе современных заголовков, нередко встречаются комплексные преобразования, которые могут включать в себя экспликацию (расширение компонентного состава) и импликацию (сокращение компонентного состава), которая, по мнению О.В. Ломакиной «основана на проявлении закона экономии речевых усилий, а в публицистике служит созданию прагматического эффекта – более быстрому воздействию на читателя» [Ломакина 2019: 39]. Подобные трансформации зачастую обусловлены контекстуально.

Рассмотрим заголовок «*He Meta единой*» («Коммерсантъ», 12.03.2022) – ср.: *He хлебом единым жив человек* (фрагмент Новозаветного высказывания Иисуса Христа) [Мокиенко 2005: 324; Серов 2004: 501].

Данный заголовок является примером комплексной трансформации КЕ: используемая импликация приводит к сужению и конкретизации информации, содержащейся в заголовке, а субституция компонентов *хлебом* – *Meta*, актуализируя содержание статьи, позволяет автору вложить в семантическую составляющую трансформации собственный метаязыковой комментарий. В результате трансформации происходит актуализация выражения, при этом сама КЕ уже обладает стилистически сниженной окраской: библейское КВ десакрализуется, «трансформация внутренней формы библеизма – от святости к потребительским «святыням» – стимулирует деструктивные процессы в понимании высших ценностей языковой личностью и разрушает библейскую духовную культуру, создавая ложные сакрализаторы» [Шкуран 2020: 61]. Статья посвящена анализу скандальной ситуации, связанной с новыми правилами модерации американской Meta Platforms Inc., дающих возможность выкладывать публикации с призывами к насилию в отношении властей и военных России, что повлекло за собой массовый бойкот контролируемых этой компанией Facebook и Instagram со стороны российских политиков.

Варьированию подвергается КЕ библейского происхождения *Кто не с нами, тот против нас* [Мокиенко 2005: 241; Серов 2004: 379] в заголовке «*Кто не с нами, тот против всех*» («Коммерсантъ», 03.03.2022). Образовавшийся трансформ, употребляясь в значении «угроза, предостережение тем, кто занимает нейтральную позицию в политике», представляет собой авторскую интерпретацию КЕ, что позволяет не только предварительно ознакомить читателя с содержанием статьи, но и донести до него экспрессивность заголовка, заложенную автором. Субституция КЕ ведет к расширению семантики исходного выражения, что также способствует актуализации исследуемого концептуальной диады «война – мир» в

контексте описываемых событий: в статье обсуждается инициатива группы депутатов по внесению в Госдуму поправки об уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации о деятельности вооруженных сил РФ.

Обратимся к заголовкам, содержащих трансформированные КЕ, источником которых являются произведения художественной литературы. Для актуализации содержания статьи, а также понимания авторских интенций на этапе прочтения заголовка, читателю необходимо обладать прецедентным минимумом.

Например: «*Президент – это звучит долго*» («Коммерсантъ», 12.12.2021) – ср.: *Человек – это звучит гордо* (Из пьесы «На дне» Максима Горького, слова Сатина) [Мокиенко 2005: 539; Серов 2004: 819]. Данный заголовок является примером множественной субституции КЕ – субституции (*президент – человек, гордо – долго*). Автор статьи, актуализируя трансформ, полученный путем преобразования исходного выражения в контексте описываемых событий, задействует не только информативную, но и коммуникативную функцию заголовка, что позволяет отобразить в нем усеченную и конкретизированную информацию, оснащенную авторской оценкой. Варьирование КЕ позволяет придать заголовку экспрессивность, что ведет к снижению стилистического регистра и дает возможность автору рассчитывать на читательскую реакцию. Таким образом, концепт «общество» актуализируется в содержании материала в том числе и посредством лексемы, тематически связанной с обозначенным концептом. Статья посвящена принятому во втором чтении Госдумой законопроект о системе публичной власти в регионах, меняющий порядок взаимоотношений центра и субъектов федерации.

Обратимся к заголовку «*С корабля на **трибунал***» («Коммерсантъ», 12.10.2021) – ср.: *С корабля на бал* [Мокиенко 2005: 453; Серов 2004: 676]. В данном заголовке автор ограничивается заменой компонента *бал* созвучной лексемой *трибунал*. Образовавшийся трансформ позволяет заранее

погрузить читателя в контекст статьи, которая посвящена слушанию Арбитражного трибунала по делу об инциденте в Керченском проливе в ноябре 2018 года.

Семантические преобразования КЕ в современной публицистике встречаются реже. Данный факт объясняется сложностью подобных образований. Рассмотрим примеры, в состав которых входит комплексное преобразование КЕ: «*Лишенный за пьянство летать не может*» («Коммерсантъ», 12.10.2021) – ср.: *Рожденный ползать летать не может* [Мокиенко 2005: 430; Серов 2004: 668]. Автор, помимо субституции, одновременно прибегает и к изменению семантики исходной КЕ, что позволяет говорить о двойной актуализации, при которой актуализируется значение компонента летать, отсылающего читателя к контексту статьи, в которой речь идёт о намерении Правительства РФ в очередной раз усилить ответственность за управление автомобилем в нетрезвом виде: пожизненным изъятием прав, запретом управлять лодкой, поездом и самолётом. Изменения, достигнутые в процессе создания трансформации КЕ, позволяют придать заголовку иронический оттенок, чем и выражается авторская оценка описываемых событий.

К разряду комплексных преобразований можно отнести и заголовок «*О, сколько нам визитов чудных*» («Коммерсантъ», 12.10.2021). Ср.: *О, сколько нам открытий чудных / Готовит просвещенья дух* (из произведения А. С. Пушкина) [Серов 2004: 532]. Субституция, заключающаяся в замене исходного компонента *открытий* на лексему *визитов*, а также усечение компонентного состава КЕ позволяют сфокусировать внимание потенциального читателя на ключевой информации содержания статьи, в которой речь идёт о готовящихся визитах в Москву премьер-министра Армении Никола Пашиняна, а также религиозных лидеров Армении и Азербайджана. Экспрессивность заголовка, определяемая выбором исходной КЕ, позволяет автору подчеркнуть всю важность описываемых в статье событий.

Положенная в основу заголовка «*Горе от ума*» («Коммерсантъ», 13.10.2021) КЕ *Горе от ума* (изначально – название комедии А.С. Грибоедова) [Мокиенко 2005: 125] подчёркивает его экспрессивность, которая позволяет заранее ознакомить потенциального читателя с содержанием статьи: автор подвергает серьезной критике депутатов Государственной Думы нового созыва. Созданная в данном случае субституция позволяет не только погрузить читателя в контекст статьи, но и донести до него уже изначально заложенную авторскую оценку описываемых событий. Таким образом, появившийся трансформ позволяет задействовать сразу несколько функций заголовка: информативную, прагматическую, экспрессивную.

Рассмотрим заголовки, в которых актуализация содержания статьи происходит с помощью компонента, ассоциирующегося с концептом «общество».

Обратимся к заголовку «*А батька бряцкает, да ест*» («Коммерсантъ», 15.09.2020) – ср.: *А Васька слушает, да ест* (из басни «Кот и Повар» И.А. Крылова) [Мокиенко 2005: 19; Серов 2004: 7]. В данном примере наблюдается замена компонентов *Васька* и *слушает* лексемами *батька* и *бряцкает*. Существительное *батька* отсылает к личности Александра Лукашенко – президента Белоруссии, что приводит к актуализации содержания статьи, посвящённой переговорам Владимира Путина и Александра Лукашенко по прошедшим выборам и будущим кредитам. Субституция, использованная в экспрессивных целях, позволяет познакомить читателя с темой статьи еще до ее прочтения.

Заголовок «*А судьи чьи?*» («Огонёк», 28.09.2020) (ср.: *А судьи кто?* из комедии «Горе от ума» (1824) А. С. Грибоедова [Мокиенко 2005: 33; Серов 2004: 17]) построен на трансформации исходной КЕ. Субституция, в результате которой происходит замена местоимения *кто* на *чьи*, объясняется ситуацией с назначением нового члена Верховного суда США, которая, по мнению журналиста, может оказать влияние на исход выборов президента

Америки. Изменения, посредством которых осуществляется трансформация КЕ, позволяют не только предварительно ознакомить читателя с содержанием статьи, но и выразить отношение ее автора к описываемым событиям.

Обратимся к заголовку *«Так облагалась электросталь»* («Коммерсантъ», 14.10.2021) – ср.: *Так закалялась сталь* [Мокиенко 2005: 212]. Заголовок построен на комплексной трансформации КЕ: субституция компонента *закалялась* созвучным *облагалась*, как и преобразование завершающего компонента КЕ (*сталь – электросталь*) позволяет актуализировать появившийся трансформ в контексте дискуссии между Министерством финансов и российскими металлургами об освобождении электросталеплавильных мощностей из-под действия акциза на жидкую сталь. Образовавшийся трансформ позволяет не только привлечь внимание читателя к заголовку, но и предварительно ознакомить его с содержанием статьи. Приведенные примеры показывают, что нередко вербализация исследуемого концепта происходит и за счет комплексных преобразований КЕ.

Рассмотрим заголовок *«Монголом жечь сердца людей»* («Коммерсантъ», 16.12.2021) – ср.: *Глаголом жечь сердца людей* из стихотворения «Пророк» А. С. Пушкина [Мокиенко 2005: 120; Серов 2004: 180]. Заголовок представляет собой комплексное варьирование КЕ: субституция, обусловленная контекстом статьи, актуализирует ее содержание в рамках представленного заголовка, а используемая трансформация ведет к изменению плана содержания выражения. Получившийся трансформ позволяет читателю, лишь только просмотрев заголовок, предварительно ознакомиться с содержанием статьи, посвященной переговорам президента России Владимира Путина с президентом Монголии Ухнагийном Хурэлсухом, которые прошли 16.12.2021 г. в Кремле.

Е.И. Диброва, рассматривая характерные качества субституции, указывает на необходимость обязательного признака субституции при формировании инвариантов – наличии по крайней мере «одного общего компонента» [Диброва 1979: 144]. При этом варьируемые компоненты могут принадлежать к одной тематической группе, а между ними могут наблюдаться гиперо-гипонимические, метонимические отношения [Диброва 1979].

Заголовок «*Здесь Беларусь, здесь Польшей пахнет*» («Коммерсантъ», 11.11.2021) иллюстрирует потенциал субституции как типа варьирования – ср.: *Там русский дух, там Русью пахнет* из пролога к поэме «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина [Мокиенко 2005: 489; Серов 2004: 742]. Используемая автором субституция в процессе создания данного инварианта затронула практически весь компонентный состав исходной КЕ за исключением компонента *пахнет*, который наравне с замещающими компонентами позволяет журналисту придать образовавшемуся трансформу дополнительный семантический оттенок. Так, обратившись к данному заголовку, читатель уже предварительно ознакомлен с содержанием статьи, в которой журналист рассказывает о напряженной ситуации на границе Белоруссии и Польши; трансформация исходной КЕ, используемая в процессе создания заголовка, позволяет актуализировать образовавшийся трансформ в контексте современной ситуации на границе соседствующих стран.

Обратимся к рассмотрению заголовков, являющимися примером серийного употребления КЕ.

«*Больше агентов, платежных и разных*» («Коммерсантъ», 19.01.2022);
«*Больше залогов, платежных и разных*» («Коммерсантъ», 21.01.2022);
«*Больше правил – хороших и разных*» («Литературная газета», 17.11.2021);
«*Много умников, хороших и разных*» («Известия», 20.04.2018); «*Меньше вузов – хороших и разных*» («Известия», 28.01.2015) – ср.: «*Больше поэтов,*

хороших и разных» (из стихотворения «Послание к пролетарским поэтам» (1926) В.В. Маяковского) [Мокиенко 2005: 52; Серов 2004: 69].

В приведенных примерах наблюдается субституция исходных КЕ. В роли актуализаторов выступают не только сами субституты – замещающие компоненты *агентов, залогов*, но и сам факт переосмысления выражения при помощи добавления ему дополнительных оттенков значения. Отметим сохранение цельности структуры КЕ – вплоть до словоформы используемых субститутотв (использование формы родительного падежа во всех случаях). Экспрессивность, образовавшаяся в результате трансформации КЕ, позволяет автору в обоих случаях отобразить собственную оценку описываемых событий, а используемые субституты, конкретизируя информацию, содержащуюся в статье, способствуют переосмыслению исходного выражения. Таким образом, трансформация, используемая журналистом в первом и во втором случае, позволяет актуализировать образовавшиеся трансформы в контекстах статей. В первом случае речь идет о разработанном Банком России законопроекте, позволяющем выйти на платежный рынок финтех-компаниям и прочим нефинансовым организациям. Во второй статье рассматривается предложение Уполномоченного при президенте по правам предпринимателей Бориса Титова на законодательном уровне обязать следователей по инициативе подозреваемого самим выходить в суд с ходатайством о залоге. Приведенные примеры показывают, что политика относится к финансовой и социальной сфере в том числе.

Рассмотрим заголовок *«Больше правил – хороших и разных»* («Литературная газета», 17.11.2021). В данном случае наблюдается пример множественной субституции КЕ: изменение компонентного состава (*много – больше, поэтов – правил*) приводит к варьированию исходного выражения, приводя к его переосмыслению, а изменение структуры КЕ позволяет журналисту придать компонентам *хороших и разных* экспрессивную окраску, выражающую авторское отношение к описываемым событиям. В статье

рассматриваются возможные причины и перспективы намерений Минпросвещения внести изменения в существующие орфографию и пунктуацию русского языка. В данном случае при интерпретации примера стоит учитывать и иронический оттенок трансформации, актуализируемого в контексте статьи: представленное авторское видение концепта «общество» в контексте образования явно отражает неодобрительную оценку журналиста.

Обратимся к заголовку *«Много умников, хороших и разных»* («Известия», 20.04.2018), построенному по схожей модели. Пример данной трансформации демонстрирует преобразование смыслового наполнения КЕ при изменении лишь одного ее компонента. Отметим, что задающие ситуативное смысловое ядро высказывания компоненты используются автором в первичном значении – лексема *хороший* в значении «Обладающий положительными качествами, свойствами, вполне отвечающий своему назначению, противоп. плохой» [МАС 4: 620] и лексема *умник* в значении «Умный, толковый человек» [МАС 4: 492]. Примечательно, что второй из обозначенных компонентов позволяет актуализировать в образовавшемся трансформе ключевую информацию, содержащуюся в статье, в которой речь идет о намерениях Главы НИЦ «Курчатовский институт» Михаила Ковальчука и советника генерального директора Фонда содействия инновациям Ивана Бортника оказать поддержку молодым ученым в сфере высокотехнологичного предпринимательства. Изменения, наблюдаемые в процессе создания трансформации, позволяют отобразить ценностные установки автора статьи, который положительно оценивает возможные изменения в данном направлении, что видно из авторского комментария, завершающего текст статьи: «Образование и капитализация интеллекта – это сегодня самое главное для экономики страны».

Заключительный заголовок из анализируемой серии – *«Меньше вузов – хороших и разных»* («Известия», 28.01.2015). В данном примере трансформация КЕ ограничена лишь субституцией двух ее компонентов. Изменение компонентного состава основано на антонимических отношениях

(*больше – меньше*), что позволяет придать иронический оттенок образовавшемуся трансформу; субститут *вузов*, он появился при трансформации КЕ, позволяет отобразить в заголовке основную мысль, содержащуюся в статье. Использование данного трансформа демонстрирует способность к расширению семантики концепта «общество». В статье рассматривается утвержденная в январе 2015 года премьер-министром Дмитрием Медведевым Концепция развития образования на 2016–2020 годы, в перспективе которой автор просматривает существенное сокращение количества как филиалов вузов (на 80%), так и самих институтов и университетов (на 40%).

Рассмотрим следующую серию заголовков: «*А был ли запуск?*» («Коммерсантъ», 18.10.2021), «*А был ли шпион? Мария Бутина написала книгу о своём заключении в тюрьме США*» («Аргументы и факты», 26.11.2020) – ср.: *А был ли мальчик?* (из художественного произведения советского писателя Максима Горького) [Мокиенко 2005: 19; Серов 2004: 6].

В данном заголовке прослеживается прагмалингвистический аспект: реализуемая адресантом установка, которая заключается в передаче оценки описываемых в статье событий, что позволяет достичь требуемый эффект – читатель погружается в контекст статьи, заранее ознакомившись с авторской оценкой. В статье описывается реакция китайского правительства на обвинения в испытаниях новейшего гиперзвукового оружия.

Аналогичным образом происходит образование заголовка «*А был ли шпион? Мария Бутина написала книгу о своём заключении в тюрьме США*» («Аргументы и факты», 26.11.2020) – ср.: *А был ли мальчик?* из романа «Жизнь Клима Самгина» Максима Горького [Мокиенко 2005: 19; Серов 2004: 6].

В данном заголовке наблюдается замена компонента *мальчик* на существительное *шпион*. Это позволяет говорить об актуализации образовавшегося трансформа в контексте политического инцидента, в ходе которого в 2018 году власти США, обвинив российскую журналистку Марию

Бутину в шпионаже, заключили ее под стражу. Статья представляет собой рассказ о презентации книги российской активистки, посвященной ее пребыванию в местах лишения свободы в США.

Перейдем к анализу заголовков, в состав которых входят КЕ, являющиеся высказываниями известных личностей. Например: «*И дипломаты говорят, и пушки не молчат*» («Коммерсантъ», 12.03.2022) – ср.: *Когда говорят пушки, музы молчат* («из речи (52 до н. э.) Марка Туллия Цицерона в защиту Милона») [Мокиенко 2005: 226; Серов 2004: 353].

В заголовке наблюдается комплексная трансформация исходной КЕ: синтаксическое преобразование исходного выражения позволяет автору ярче выразить подразумеваемую антитезу, на которой построено высказывание, а используемая субституция компонентов *музы – дипломаты* дает возможность журналисту актуализировать содержание статьи, в которой автор рассуждает на тему заявлений Киева и Москвы о движении к компромиссу на фоне продолжения боевых действий. Трансформация исходной КЕ, использованная в процессе создания заголовка, ведет к изменению как плана выражения, так и плана содержания исходной КЕ: наблюдается смещение акцента в сторону политической составляющей рассматриваемого вопроса.

Рассмотрим заголовки, в которых используется субституция не связанного с обозначенным концептом компонента: «*Расслабление смерти подобно*» («Коммерсантъ», 3.10.2020) – ср.: *Промедление смерти подобно* (из письма Петра I, обращенного к Сенату 8 апреля 1711 г.) [Мокиенко 2005: 407; Серов 2004: 638].

В данном случае наблюдается замена компонента *промедление* антонимичным существительным *расслабление*, не связанным с исходной КЕ, что актуализирует появившийся трансформ в контексте встречи президента России Владимира Путина с избранными главами регионов России. Происходит не только к трансформации плана выражения, но и

трансформации плана содержания КЕ. Таким образом, в данном заголовке наблюдается комплексная трансформация.

Обратимся к заголовку *«Атакowanych не судят»* («Коммерсантъ», 10.02.2022) – ср.: *Победителей не судят* (слова российской императрицы Екатерины II, сказанные в защиту А. В. Суворова) [Серов 2020: 600].

В данном случае трансформация КЕ ограничивается субституцией на основе тематического ряда одного компонента. Тем не менее задача журналиста выполнена: заголовок приобретает дополнительную экспрессию, а образовавшийся трансформ актуализируется в контексте статьи; структурная составляющая КЕ при этом не была затронута. В статье рассматриваются результаты переговоров президента России Владимира Путина и президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева, которые состоялись 10 февраля в Москве.

Осуществляя поиск заголовков, в составе которых присутствуют трансформированные варианты КЕ, вербализирующие концепт «общество», нами было замечено, что в контексте данной тематической направленности посредством субституции трансформируемые КЕ, происходящие из синтетических видов искусства, берут свое начало из кинофильмов и песен.

Данный факт подтверждается мнением С.Г. Шулежковой, обозначившей синтетические виды искусства как самый богатый источник пополнения фонда языка крылатикой. В количественном отношении данная группа преобладает над остальными, что подтверждает анализ рассмотренных трансформов.

Обратимся к заголовкам, авторы которых используют КЕ-цитату из различных песен.

Рассмотрим заголовок *«Есть у революции начало, нет у революции отца»* («Коммерсантъ», 27.01.2022) – ср.: *Есть у революции начало – / Нет у революции конца* (из песни Вано Мурадели, «Шутливо-иронически о долге, затянувшемся процессе, действии») [Серов 2004: 242].

Данный заголовок построен за субституции КЕ, что позволяет журналисту, не прибегая к изменению структуры исходного выражения, придать ему новый семантический оттенок. Замена компонента *конца* на компонент *отца* в значении «3. Наиболее почетные и уважаемые лица, стоящие во главе чего-л (устар.) [МАС 2: 261], построенная на созвучии, отсылает к личности Нурсултана Назарбаева, являвшегося Председателем Совета безопасности Республики Казахстан. В результате трансформации происходит актуализация контекста статьи, в которой речь идет об окончательном завершении правления Нурсултана Назарбаева в Казахстане, вместо которого будет избран действующий глава государства Касым-Жомарт Токаев. Журналист также отмечает, что в процессе передачи власти был нарушен порядок смены руководителя, что делает логичным выбор данной КЕ.

Аналогичным способом построен заголовок «*И вновь начинается Трамп*» («Коммерсантъ», 12.10.2021) – ср.: *И вновь продолжается бой* (из песни композитора Александры Пахмутовой) [Мокиенко 2005: 453; Серов 2004: 285].

Субституция, используемая при образовании данного трансформанта, символична: заменяемый компонент *бой* не перестаёт быть актуальным в контексте статьи, в которой речь идёт о намерениях экс-президента США Дональда Трампа вернуть себе лидирующие позиции на политической арене.

Обратимся к заголовку «*Вы жертвою пали в борьбе лосевой*» («Коммерсантъ», 22.11.2021) – ср.: *Вы жертвою пали в борьбе роковой* [Мокиенко 2005: 109; Серов 2004: 161].

Уже при первом прочтении просматривается заложенная автором насмешливая характеристика описываемых событий: созвучность заменяемых компонентов *роковой* – *лосевой* приводит к снижению стилистического регистра, а используемая субституция позволяет актуализировать полученный инвариант в контексте статьи. В основу заголовка легла КЕ, составляющая начальные слова так называемого

«похоронного марша», популярного среди русских рабочих в конце 1870-х гг. В статье речь идет о намерении Мандатной комиссии лишить депутата от КПРФ Валерия Рашкина неприкосновенности на фоне скандала с незаконной охотой на лося.

В качестве аргумента рассмотрим заголовок *«Есть только ДЭГ – за него и держись»* («Коммерсантъ», 12.03.2022). Ср.: *Есть только миг между прошлым и будущим* – КЕ, являющаяся припевом песни, написанной композитором Александром Зацепиным на стихи поэта Л.П. Дербенева для кинофильма «Земля Санникова» [Серов 2020: 243].

Используемая трансформация КЕ обусловлена тематикой статьи, в которой автор рассуждает о результатах сбор поправок в Госдуме к законопроекту о дистанционном электронном голосовании (ДЭГ). Субституция, образовавшаяся в результате языковой игры, способствует актуализации КЕ в контексте статьи. Отметим, что в данном трансформе в роли субститута выступает созвучный исходному компоненту неологизм *ДЭГ*.

Аналогичная трансформация наблюдается в заголовке *«Байден, водка, алмаз и лосось»* («Коммерсантъ», 11.03.2022). Ср. *Бабы, водка, алмаз и лосось* [потенциальная КЕ – А.Х.]. Основу данного заголовка составляет потенциальная КЕ из синтетического вида искусства – песни группы «Любэ» *«Не валяй дурака, Америка!»*. Данная трансформация КЕ является примером семантического преобразования выражения, что позволяет говорить о трудности интерпретации заголовка читателем без контекста статьи, в которой говорится о решениях США, ЕС и G7 отменить режим наибольшего благоприятствования в торговле в РФ, запрете Соединенными Штатами импорта из России водки, морепродуктов и алмазов, а также экспорта предметов роскоши. Используемые журналистом субституты *Байден, водка, алмаз, лосось* способствуют актуализации образовавшегося трансформе в контексте статьи. Примечательно, что тематическая направленность статьи перекликается с тематикой песни, служащей источником КЕ: песня

построена в виде обращения к Соединенным Штатам. Становится понятным выбор автором исходной КЕ: прагматический показатель в данном случае выходит на передний план, что достигается путем опоры на образ Америки.

Анализ заголовков позволяют прийти к выводу, что в современном газетном заголовке все больший интерес у авторов вызывают КЕ в том числе из синтетических видов искусства. Рассмотрим подобные случаи употребления трансформов КЕ в составе современного газетного заголовка, позволяющие говорить о крылатике как о неотъемлемой части современного медийного дискурса.

Обратимся к заголовку *«Дожили до понедельника»* («Коммерсантъ», 02.11.2020) – ср.: *Доживем до понедельника* [Мокиенко 2005: 146; Серов 2004: 220]. Заголовок образован путем изменения грамматической категории времени глагола: автор статьи намеренно использует в заголовке форму прошедшего времени, что позволяет говорить о буквализации информации, содержащейся в статье, в которой речь идет об изменениях в Белоруссии спустя три месяца после выборов. Таким образом, актуализация контекста статьи происходит посредством изменения компонентного состава КЕ.

В ходе анализа рассмотрены случаи использования в роли заголовка КЕ, приобретающих функции лозунга. В.М. Мокиенко утверждает, что само слово лозунг на сегодняшний день становится настолько «концентрированным символом политической пропаганды, что многими лингвистами не воспринимается как лингвистическое явление, достойное специального анализа» [Мокиенко 2016: 39].

Рассмотрим заголовок *«От всех болезней Трамп полезней»* («Коммерсантъ», 3.10.2020) – ср.: *От всех болезней нам полезней / Солнце, воздух и вода* из спортивного марша-лозунга «Закаляйся», прозвучавшего в кинофильме «Первая перчатка» [Серов 2020: 553]. Субституция компонентов обусловлена тематикой статьи, в которой сообщается о заражении президента США Дональда Трампа и его супруги Мелании коронавирусом. Таким образом, используя трансформированную КЕ в составе заголовка,

автор актуализирует содержание статьи, что позволяет потенциальному читателю получить предварительное ознакомление с ней.

Отметим, что инвариант вербализует значение «здоровье – болезнь», в то время как использование трансформированной КЕ в составе заголовка приводит к вербализации концепта «общество».

Обратимся к заголовку «*Из реестра с чистой совестью*» («Коммерсантъ», 8.09.2020) – ср.: *На свободу – с чистой совестью* (лозунг, широко распространенный в 30-е годы XX века в советских исправительно-трудовых лагерях) [Серов 2004: 466]. Заголовок представляет собой комплексное преобразование КЕ: происходит не только лексическая, но и синтаксическая трансформация, что приводит к актуализации исследуемого концепта. Заменяющий компонент *реестр* позволяет актуализировать содержание статьи, в которой речь идет о скандальном законопроекте, запрещающем перепродажу выписок из Единого государственного реестра недвижимости.

Нередко при формировании заголовков авторы статей прибегают к использованию новых, так называемых потенциальных КЕ. О.В. Ломакина объясняет данный факт вторичностью, незамкнутостью и воспроизводимостью крылатики, что «даже при частичной верификации значения», позволяет «сделать крылатые единицы (КЕ), в том числе потенциальные, самым востребованным фразеологическим ресурсом, в отличие от идиом и паремий» [Ломакина 2019: 37].

Подобный пример можно встретить в заголовке «*Ваш звонок очень важен для ФСИН*» («Коммерсантъ», 19.10.2021) – ср.: *Ваш звонок очень важен для нас* [потенциальная КЕ – А.Х.].

Частотность употребления выражения, ее трансформируемость позволяют отнести растиражированное выражение к разряду КЕ. Актуализация в данном случае происходит за счет замены компонента *нас* на аббревиатуру *ФСИН*, которая позволяет автору статьи частично отразить ее содержание в заголовке. Статья посвящена открытию Общественной

наблюдательной комиссией горячей линии для жалоб на пытки в местах лишения свободы.

Как показало исследование, актуализация концепта «общество» может осуществляться в том числе и в результате грамматических трансформаций КЕ, входящих в состав заголовка.

Нередко встречаются заголовки, основу которых составляют КЕ из классической литературы. Подобный выбор, как правило, обуславливается природой происхождения КЕ, поскольку данные единицы, как представляется, придают заголовку большую экспрессивность.

Часто авторы прибегают к преобразованию КЕ, основанных на замене общеязыкового компонента на лексему, схожую по звучанию (иногда подобная замена обуславливается и определенными семантическими признаками). Цель такого рода преобразований – изменение стилистической окраски КЕ или придание ей экспрессивности, различных оттенков оценочности. Подобные трансформации нередко вызваны желанием журналиста подчеркнуть иронический оттенок авторской оценки посредством образовавшегося трансформанта.

Анализируя результаты исследования, можно говорить о том, что функционирование КЕ единиц в заголовках СМИ заметно расширяет область значений концепта «общество». Анализ трансформов КЕ показал, что самым популярным способом изменения является субституция – замена компонента. Репрезентация концепта «общество» посредством КЕ наиболее часто происходит за счет актуализации значения «совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями материальной жизни» с помощью таких концептов, как «экономика», «политика», «государство», что позволяет считать концепт «общество» макроконцептом, включающим в себя ряд других концептов.

Нередко используемые преобразования КЕ в составе заголовка ведут к изменению ее семантики, в результате чего КЕ в определенном контексте приобретает дополнительный семантический оттенок. При этом чаще всего

авторы заголовков прибегают к субституции одного или нескольких компонентов.

Отметим в ряде случаев образование серийности в процессе создания заголовков, обусловленную не только тематической связью с содержанием статьи, но и способностью КЕ реализовывать трансформационный потенциал, что позволяет характеризовать крылатику как одно из уникальных языковых приемов в медиадискурсе, в том числе – и в политическом.

Варьирование КЕ, проявляющееся посредством замены определенных компонентов (субституции), а также ряда синтаксических преобразований, приводящих к изменению плана содержания и плана выражения рассматриваемой единицы, позволяет задействовать ее в заголовках статей различной тематической направленности.

Также отметим, что концепт «общество» является одним из наиболее важных социокультурных концептов, что позволяет говорить о его растущей значимости в контексте современной русской языковой картине мира. Исследуемый концепт тесно связан с концептом «политика», что позволяет ему в ряде случаев являться отражением общественных процессов, происходящих как в России, так и во всем мире. При этом данный концепт позволяет эксплицировать ценностно-эмоциональное отношение участников коммуникации к описываемым процессам, а наличие в нем социолингвистической специфики, отражающей видение политики носителями языка, дают возможность говорить о данном концепте как об одном из основополагающих в концептосфере современного русского языка.

2.3.2. Репрезентация концепта «спорт»

В современном мире наблюдается тенденция к возрастанию роли спорта в общественной жизни, о чем свидетельствует все возрастающее количество новых видов спорта и включение их в перечень олимпийских игр,

увеличение общественного интереса к спортивному образу жизни, увеличивающийся с каждым годом интерес к крупнейшим международным соревнованиям. В связи с этим большая часть спортивных мероприятий становится предметом пристального внимания СМИ вне зависимости от канала передачи информации: телевидение, радио, печатные и интернет-издания. Нередко можно наблюдать ситуации, при которых различные издания, не относящиеся по тематике своих публикаций к спортивным, размещают медиатексты, освещающие определенное спортивное событие. Английские исследователи Нейл Блейн и Раймонд Бойл отмечают влияние роли спорта в «культуре современных обществ» и увеличение объема «научных исследований в этой области» [Блейн, Бойл 2005: 464].

Согласно «Словарю иностранных слов современного русского языка», слово *спорт* является англицизмом, образованным от глагола *to disport* 'развлекаться', заимствованным от французской лексемы *desport, d'eport* 'забава, развлечение' [Словарь иностранных слов современного русского языка 2014: 623]. А.С. Рылов называет причину позднего усвоения данной лексемы русским языком: «... в России XIX века английское слово "спорт" воспринималось как синоним общеславянского "игра"» [Рылов 2014: 232].

«Малая советская энциклопедия» была первым лексикографическим источником справочного характера, в котором слово *спорт*, рассмотренное как отражение реалий, было детально охарактеризовано. Спорт описывается не только как «занятие разнообразными физич. упражнениями, направленное на укрепление здоровья и всестороннее развитие человека», но и как серьезное занятие, которое подразумевает увлеченность, стремление человека к достижению «наилучшего результата»; сюда же относится «борьба с противниками или опасностью» [МСЭ 9: 1040]. Спорт рассматривается в том числе и как воспитательное мероприятие, способное привить человеку «необходимые для трудовой и боевой деятельности качества: выдержку, самообладание, настойчивость, волю к победе, находчивость. Особое внимание уделяется соревновательному спорту,

который является не только чисто физической работой организма, но и «громадное нервное напряжение», что требует от спортсмена специальной тренировки [Там же].

В «Словаре русского языка» слово *спорт* представлено как многозначное, общеупотребительное, имеющее несколько денотативных значений: доминирующие среди них – действие (1. «физические упражнения, имеющие целью развитие и укрепление организма», 3.«какое-либо занятие, являющееся предметом азартного увлечения»), система (2.«система организации и проведения соревнований и учебно-тренировочных занятий по различным видам таких физических упражнений») [МАС 4: 229-230], в ряде словарей зафиксировано распространённое в настоящее время переносное значение – «азартная увлечённость какой-либо деятельностью» [Словарь иностранных слов современного русского языка 2014: 623].

Встречаются случаи, когда составители словаря иностранных вовсе не уделяют внимания рассматриваемой лексеме. Так, «Современный словарь иностранных слов: Толкование. Словоупотребление. Словообразование. Этимология» (2005) не содержит подобной статьи, при этом в словаре можно найти статьи, посвященные заимствованиям того же периода, что позволяет говорить о степени «обрусения» этого слова, которая исключает необходимость его толкования.

При рассмотрении вербализации концепта «спорт» в текстах современной публицистики лингвисты нередко характеризуют тексты, относящиеся к спортивной журналистике, которая в последние годы определяется как спортивный дискурс.

Г.Я. Солганик отмечает, что ряд характеристик спорта как разновидности человеческой деятельности определяет составляющие текста о спорте: дух соревнования; творчество (посредством поисков резервов, различных способов достичь высокого результата); драматизм, возникающий в процессе борьбы, преодоления трудностей (не только физических, но и психологических); высокий уровень популярности, массовости;

эмоциональность, эстетическая составляющая – красота, зрелищность [Солганик 1989: 146].

Отметим, что одной из главных задач текста на спортивную тему является передача не только сути, сложности, борьбы спортивного мероприятия, но и его психологической составляющей (драматизм, напряжение, эмоции).

Характер описываемых событий в заголовках и статьях, репрезентирующих обозначенный концепт, подразумевает определенный, динамичный тип изложения, позволяющий передать стремительность развития действий, изменения ситуации и т.д. Учитывая тот факт, что в природе спорта изначально заложена определенная динамика, создается необходимость соответствующим образом передать ее в структуре и характере речи.

Т.С. Дроняева утверждает, что в качестве основного композиционного принципа построения спортивного репортажа нередко предстает повествовательный принцип. Задача журналиста в данной ситуации состоит соответствующей передачи последовательности событий, их развития, а также результата [Дроняева 1989: 42]. Принимая во внимание широту возможностей автора в выборе языковых приемов, способов передачи спортивного события, нельзя не отметить наличие некоторых ограничений, задаваемых определенными информативными моделями, в соответствии с которыми выстраивается различного рода репортаж. Спортивный репортаж в этом отношении не является исключением.

Б.А. Зильберт, говоря о роли дискурса массмедиа на рубеже XX–XXI вв., подчеркивает его уникальную способность осуществлять спортивную коммуникацию, «в связи с чем правомерно говорить о тенденции к сращиванию спортивного дискурса с дискурсом масс-медиа» [Зильберт 2001: 45]. В исследовании отмечается особая значимость СМИ, поскольку именно СМИ составляют основную информационную среду построения коммуникации, в число которых входит и спортивная коммуникация.

Данный факт позволяет рассматривать СМИ как одно из основополагающих факторов, влияющих на формирование спортивной картины мира.

Особое место в формировании спортивной картины мира занимают медиатексты, создаваемые при помощи различных языковых средств, в число которых входят и КЕ, в связи с чем представляется необходимым уделить особое внимание осмыслению вербализации концепта «спорт».

Рассматривая концепт «спорт» в рамках русского спортивного дискурса, Е.Г. Малышева характеризует его как «мегаконцепт», имеющий «статус универсальной идеологемы», при этом отмечает, что подобное концептуальное моделирование сферы спорта позволяет отразить «специфику ментального «наполнения» соответствующего фрагмента языковой картины мира, репрезентированного в текстах спортивного дискурса» [Малышева 2011: 6].

Спорт, являясь общественным явлением, может влиять на различные сферы жизни человека, способен оказывать влияние на «национальные отношения, деловую жизнь, общественное положение», а также способствует формированию моды и образа жизни людей, «укрепляет нравственные и этические ценности» [Десюк 2010: 4]. Таким образом, концепт «спорт» сегодня можно рассматривать в качестве одной из составляющих современной концептосферы (как совокупности концептов нации по Д.С. Лихачеву) носителя русского языка.

Нередко репрезентантами понятия *спорт* в современном публицистическом дискурсе выступают фразеологические средства выразительности. Отметим ФЕ, в состав которых включён компонент *спорт* и его дериваты, например: *неспортивное поведение* (в значении нечестного, недостойного мужчины) [ТСРЯ: 2813], *из спортивного интереса* [ФСРЯТ: 273]. Ниже представлен перечень КЕ, вербализующих концепт «спорт» посредством актуализации компонента, семантически связанного с изучаемым концептом (большинство из представленных КЕ выступают в качестве заголовков газетных статей). Таким образом, вербализация

концепта осуществляется без изменения плана выражения и плана содержания исходной КЕ: «**О спорт, ты – мир!**» («Петровка, 38», 23.10.2014), «**О спорт, ты – мир!**» («Вперед», 16.03.2018) – ср.: *О спорт, ты – мир!* [Серов 2004: 414]; «**Трус не играет в хоккей. Донской бизнесмен подарил землякам ледовый каток**» («АиФ на Дону», 04.02.2020), «**Трус не играет в хоккей**» («Гудок», 28.12.2022) – ср.: *Трус не играет в хоккей* [Мокиенко 2005: 501; Серов 2004: 587]; «**Главное – не победа, а участие**» («Московский комсомолец», 01.06.2016), «**Главное – не победа, а участие**» («Внуково», 14.02.2017) – ср.: *Главное – не победа, а участие* [Серов 2004: 138]; «**Пришел, увидел, победил**» («Северные ведомости», 23.07.2017), «**Пришел, увидел, победил**» («Гудок», 18.05.2018) – ср.: *Пришел, увидел, победил* [Мокиенко 2005: 404; Серов 2004: 492]; «**Бег на месте общепримирающий**» («Советский спорт», 19.07.2011) – ср.: *Бег на месте общепримирающий* [Мокиенко 2005: 39; Серов 2004: 35];–«**Великолепная пятёрка и вратарь**» («Орловская городская газета», 13.05.2022) – ср.: *Великолепная пятёрка [и вратарь]* [Мокиенко 2005: 70; Серов 2004: 114]; «**Всё выше, и выше, и выше**» («Вечерний Петербург», 12.10.2015) – ср.: *Всё выше, и выше, и выше* [Серов 2004: 151]; «**В хоккей играют настоящие мужчины**» («Гудок», 08.12.2017) – ср.: *В хоккей играют настоящие мужчины* [Мокиенко 2005: 107]; «**Эй, вратарь, готовься к бою!**» («Мурманский вестник», 17.09.2020) – ср.: *Эй, вратарь, готовься к бою!* [Мокиенко 2005: 556].

Анализ заголовков выбранных печатных изданий показал, что концепт «спорт» вербализуется как инвариантами, так и трансформами КЕ, среди которых частотна субституция, кроме того, распространена комплексная трансформация КЕ.

Анализ заголовков данной тематики показал, что авторы нередко прибегают к использованию КЕ-библейзмов в процессе создания заголовка, что объясняется наличием у них основных признаков фразеологических единиц (воспроизводимость, раздельнооформленность, устойчивость,

семантическая целостность). Рассмотрим заголовки, в состав которых входят КЕ подобного происхождения.

Одной из главных задач журналиста в процессе создания заголовка является привлечение внимания потенциального читателя. В связи с этим в заголовке нередко наблюдается трансформация образа события, направленная на преувеличение его масштаба и – как следствие – его значимости для адресата. Актуализация смыслов при этом не должна исключать лаконичности заголовка, поэтому воздействующую выделительную функции в таких случаях выполняют языковые средства, в том числе и преобразованные/ трансформированные КЕ.

Пример подобного употребления трансформации можно наблюдать в заголовке «*Содом и Коморы*» («Коммерсантъ», 19.01.2022) – ср.: *Содом и Гоморра* [Мокиенко 2005: 465; Серов 2004: 715]. Используемая автором замена компонентного состава КЕ *Гоморра* (топоним) – *Комора* позволяет актуализировать образовавшийся трансформ в контексте Кубка Африки, проходящего в Камеруне. Замещающий компонент *Комора* отсылает читателя к контексту статьи, в которой речь идет о главной сенсации соревнования – дебютирующая на континентальном чемпионате сборная Коморы одержала неожиданную победу над четырехкратными обладателями титула сборной Ганы, заработала первую в истории победу, а также получила возможность выйти в play-off турнира. Исходный же компонент КЕ *Содом* приводит к двойной актуализации: чрезмерная радость населения, описанная в статье, приобретает языковую характеристику посредством сравнения с библейскими событиями, произошедшими в ветхозаветных городах, названия которых отражены в исходной КЕ. Новое значение, образовавшаяся в процессе субституции, является демонстрацией частичного переосмысления значения исходной КЕ.

Обратимся к заголовку «*И последние станут первыми...*» («Советский спорт», 7.12.2013) – ср.: *Первые станут последними, а последние станут первыми* [Серов 2004: 377]. В статье речь идет о

жеребьевке команд перед чемпионатом мира по футболу в Бразилии (2014 год). Особенность процедуры жеребьевки состояла в том, что сборная России до последнего момента не знала своих соперников, при этом группа, в которую Россия в конечном счете попала, оказалась одной из самых проходимых. Антонимичные лексемы *первые* и *последние*, не являясь определяющими для данного концепта, актуализируют его в заголовке статьи, выявляя позиции команд в турнирной таблице: антонимия *первый – последний* актуализирует сему "результат соревнований". Этот пример иллюстрирует наличие в любом концепте ядра и периферии. Периферия концепта, включающая в большей степени смутные, неясные компоненты, образует переходную зону к другим концептам [Песина 2014: 77].

Нередко авторы заголовков останавливают свой выбор на КЕ, основу которых составляют КЕ из классической литературы. Данный факт, как представляется, объясняется природой происхождения КЕ, так как в результате заголовков становится более экспрессивным.

Рассмотрим заголовки, в состав которых входят трансформированные КЕ, берущих свое начало из произведений художественной литературы. Актуализация содержания статьи, как и понимание авторских интенций на этапе прочтения заголовка, становятся возможными только при наличии у читателя прецедентного минимума.

Обратимся к заголовку «*А вы, друзья, как ни садитесь... Почему 18 клубов вместо 16 – дурная идея*» («Советский спорт», 03.03.2022) – ср.: *А вы, друзья, как ни садитесь, / Всё в музыканты не годитесь* [Мокиенко 2005: 21; Серов 2004: 10]. Основу заголовка составляет исходная КЕ из басни И. А. Крылова. Эллипсис КЕ в контексте газетного заголовка позволяет объединить два семантических плана – фразеологически переосмысленный и буквальный. Используя прием импликации (сокращение компонентного состава), автор получает возможность репрезентировать в конденсированном виде ключевое содержание статьи, в которой речь идет о возможном скором увеличении числа клубов российской премьер-лиги. Актуализация смысла

достигается автором также посредством второй части заголовка, которая обуславливается авторской интенцией: журналист демонстрирует негативное отношение к идее, рассматриваемой в российском футбольном обществе. Следует отметить, что в данном случае КЕ претерпевает и семантическую трансформацию, в результате чего возникают новые оттенки смысла, достигаемые путем языковой игры. Таким образом, в данном случае КЕ является способом формулировки номинативного заголовка.

Подобным образом построен заголовок *«Спасение» уезжающих: ФИФА разрешила легионерам легально покинуть РПЛ* («Известия», 08.03.2022) – ср.: *Спасение утопающих – дело рук самих утопающих* [Мокиенко 2005: 471; Серов 2004: 720]. В данном заголовке автор заголовка использует лишь один компонент исходной КЕ из романа «Двенадцать стульев» советских писателей Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Отметим, что последующая замена компонента *утопающих* на созвучное *уезжающих* позволяет журналисту акцентировать внимание читателя на ключевой части статьи, в которой рассказывается об очередном решении Международная федерация футбола в отношении российского спорта: у иностранных игроков и тренеров появилась возможность воспользоваться правом односторонней приостановки соглашения до завершения сезона в России. Примечательно также использование графического маркера – изображение слова *спасение* в кавычках, которое придает высказыванию иронический оттенок. Так, обыгрывание образной основы исходной КЕ позволяет говорить об актуально-выделительной функции крылатики в составе данного заголовка.

Нередко в современной публицистике авторы прибегают к субституции последнего компонента КЕ с последующей интерпретацией смыслов в контексте одного заголовка. Рассмотрим заголовок *«Как закалялась медаль: чего добились россияне к 15-му дню Олимпиады»* («Известия», 19.03.2022) – ср.: *Как закалялась сталь* [Мокиенко 2005: 212]. В заголовке, построенном на преобразовании названия произведения Н.А. Островского, являющимся так называемой потенциальной КЕ, отмечается

сужение значения исходной КЕ, достигаемой путем контекстуального обыгрывания выражения. Экспрессивность, достигаемая посредством субституции, позволяет автору актуализировать образовавшийся трансформ в контексте Олимпиады 2022 г. В статье речь идет об успехах сборной России в общем медальном зачете на соревнованиях в Пекине.

Рассмотрим также пример, в котором, помимо компонента, ассоциирующегося с концептом «спорт», используется субституция не связанного с обозначенным концептом компонента: «*Сезон скорее мертв, чем жив*» («Коммерсантъ», 30.03.2020) – ср.: *Пациент скорее жив, чем мертв* [Серов 2004: 507]. Наблюдается замена компонента *пациент* существительным *сезон*, не связанным с исходной КЕ, что актуализирует появившийся трансформ в контексте футбольного чемпионата. Статья представляет собой рассуждение президента UEFA, допускающего, что из-за пандемии национальный чемпионат ряда стран может быть «потерян»: становится понятным выбор исходной КЕ.

Обращаясь к той или иной КЕ в процессе создания заголовка, авторы стремятся к оживлению образности, которая стерлась в процессе повседневного общезыкового употребления. Рассмотрим заголовок «*Знаковые все лица: в каком составе хоккейная сборная едет в Пекин*» («Известия», 24.01.2022) – ср.: *Ба! знакомые всё лица!* [Мокиенко 2005: 36; Серов 2004: 42]. Заголовок построен на усечении компонентного состава КЕ из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Журналистом достигается актуализация содержания статьи за счет не связанной с исходным концептом лексемы *знаковые*. Используемый автором способ трансформации представляется обоснованным: заменяющий компонент *знаковые* употребляется в прямом значении, что приводит к буквализации всего трансформа. Статья посвящена анализу состава хоккейной сборной России в преддверии Олимпийских игр в Пекине. Таким образом, за счет преобразования КЕ автором уже в заголовке достигается исходная коммуникативная цель – обеспечить читателя не только предварительным

ознакомлением с содержанием статьи, но и авторской оценкой описываемых событий.

Рассматривая концепт «спорт» в качестве макроконцепта, включающего в себя ряд других концептов, представляется уместным привести точку зрения Е. И. Шейгал, отметившей сходство спортивный дискурса с дискурсом политическим, в котором «находят отражение все основные элементы спортивного и игрового состязания: наличие противника, борьба соперников, этика поединка, правовые нормы (регламент и правила), стратегия и тактика борьбы, победа, поражение, триумф победителя, приз (выигрыш)» [Шейгал 2004: 32].

Рассмотрим пример заголовка, подтверждающий данную точку зрения. «*Грузовики, наденьте ордена*» («Коммерсантъ», 14.01.2022) – ср.: *Фронтвики, наденьте ордена!* [Мокиенко 2005: 523; Серов 2004: 797]. В заголовке используется трансформированный вариант исходной КЕ из стихотворения поэта, драматурга, переводчика, участника Великой Отечественной войны В. И. Сергеева. В результате субституции возникла новая единица, позволяющая автору конкретизировать и актуализировать содержание статьи о знаменитом ралли-рейде «Дакар», где представители отечественной команды «КАМАЗ-мастер», одержали победу во всех 12 этапах и заняли первые четыре места. Отметим, что актуализация содержания статьи осуществляется также посредством обесценивания сакрального смысла исходного выражения.

Нередко можно встретить примеры использования максимально усеченных КЕ в составе заголовка. Так, автор заголовка, использует лишь один компонент исходной КЕ. Анализ заголовков, репрезентующих концепт «спорт» показал, что авторы в таких случаях нередко используют КЕ-высказывания известных личностей.

Рассмотрим заголовок «*Последнее каталонское*» («Коммерсантъ», 21.08.2019) – ср.: *Последнее китайское предупреждение* («сделало 7 сентября 1958 г., когда Пекин заявил США протест против конвоирования

(охраны) американским военно-морским флотом морских транспортов Тайваня») [Серов 2004: 611]. В данном случае опускается понятный из контекста статьи компонент *предложение*, поскольку речь идет о готовности испанского клуба «Барселона» сделать финансовое предложение по одному из игроков. Лексема *предложение* в контексте статьи реализуется в значении «то, что предлагается выбору, вниманию, что предложено на обсуждение, рассмотрение кого-нибудь или для исполнения кому-нибудь», что вербализирует концепт «спорт» через компонент, ассоциирующегося с этим концептом.

Концепт «спорт» может быть актуализирован в том числе и теми компонентами КЕ, которые в самом заголовке отсутствуют, но для носителя языка они являются пресуппозитивной информацией.

Рассматривая концепт «спорт» в контексте современного медиапространства, нельзя не согласиться с точкой зрения Р. Л. Гутцайт: «спорт институционализирован и интегрирован в социально-политическую и идеологическую структуры общества», из чего можно заключить, что современный спорт является неотъемлемой частью политического и социально-идеологического устройства общества [Гутцайт 2012: 8]. Аргументом в пользу справедливости данной точки зрения служит заголовок, включающий видоизмененный вариант КЕ-лозунга «*Их ответ Кубертену*» («Коммерсантъ», 12.02.2022) – ср.: *Наш ответ Чемберлену* [Серов 2004: 483]. Данная статья посвящена борьбе женщин за равные олимпийские права с мужчинами. Используя созданный посредством комплексной субституции трансформированный вариант исходной КЕ, автор актуализирует ее исходное значение («о решении, акции, плане, которые считаются достойным ответом на действия противника, недоброжелателя, конкурента» [Там же: 488]) в контексте статьи. Необходимость подобной трансформации в данном заголовке обуславливается не только коммуникативной установкой адресанта, но и его стремлением создать прямую отсылку к содержанию статьи: в числе прочего автор приводит слова

основателя современных Олимпийских игр барона Пьера де Кубертена, который, как утверждает автор статьи, заявлял, что «Олимпиада с участием женщин – это нецелесообразно, неинтересно, неэстетично и... неуместно». Так, у репрезентируемого посредством КЕ концепта «спорт» наблюдается пересечение с другими социально значимыми концептами.

Анализ заголовков позволяет констатировать употребление авторами КЕ из синтетических видов искусства, в том числе и песенного происхождения. Рассмотрим пример комплексного преобразования КЕ, являющейся фрагментом песни Александры Пахмутовой на стихи Сергея Гребенникова и Николая Добронравова. «*Великолепная шестерка: смогут ли биатлонисты взять максимальную квоту*» («Коммерсантъ», 14.01.2022) – ср.: *Великолепная пятерка и вратарь*. [Мокиенко 2005: 70; Серов 2004: 114]. В заголовке наблюдается комплексное преобразование исходной КЕ из песни Александры Пахмутовой на стихи Сергея Гребенникова и Николая Добронравова: помимо усечения компонентного состава КЕ, позволяющего автору конкретизировать тему статьи, используется субституция (пятерка – шестерка), посредством которой журналисту удается актуализировать содержание статьи, а также повысить семантическую емкость заголовка. В статье речь идет о возможных успехах сборной России на Кубке мира по биатлону, которые позволят получить максимальную квоту (6 человек) на Олимпийские игры – 2022.

Проанализируем заголовок «*Легко ли быть золотым*» («Коммерсантъ», 23.12.2021) – ср.: *Легко ли быть молодым?* [Мокиенко 2005: 246; Серов 2004: 389]. Название популярного документального фильма (1986) советского латвийского режиссера Ю. Б. Подниекса (1950–1992) «символ периода взросления человека и проблем, этому времени сопутствующих» [Там же]. Использование автором лексемы *золотой*, реализующейся в значении «замечательный по своим достоинствам, прекрасный, очень хороший» [МАС 1: 620], вместо исходного компонента *молодой* позволяет задействовать получившийся трансформ в контексте

статьи, в которой речь идет неудачном сезоне мадридского «Атлетико» под руководством опытного тренера Диего Симеоне. Субституция, образовавшаяся в результате трансформации исходной КЕ, позволяет автору создать заголовок, не только привлекающий внимание, но и передающий авторские интенции. Данное преобразование приводит к разрыву КЕ с ее исходным значением.

Перейдем к рассмотрению серийного использования КЕ в составе заголовков. Рассмотрим заголовки, содержащие КЕ без трансформации основных компонентов. Например: КЕ *Трус не играет в хоккей* содержит компонент *хоккей*, связанный с концептом «спорт» на основе гиперогипонимических отношений: вид спорта эксплицирует лексико-семантический вариант «системаорганизации и проведения соревнований».

Рассмотрим серию заголовков. «*Трус не играет в хоккей. Донской бизнесмен подарил землякам ледовый каток*» («АиФ на Дону», 04.02.2020); «*Вирус не играет в хоккей*» («Коммерсантъ», 23.03.2020) – ср.: *Трус не играет в хоккей* [Мокиенко 2005: 501; Серов 2004: 759].

Каждый из представленных заголовков заранее знакомит читателя с темой статьи. Во втором примере, как и в первом, заголовок создан посредством приема субституции компонента *трус* на *вирус*, что приводит не только к трансформации плана выражения, но и трансформации плана содержания КЕ: в статье говорится об отмене чемпионата мира по хоккею в Швейцарии из-за коронавирусной инфекции.

Рассмотрим еще одну серию заголовков «*Кипр распахнул окно в Европу*» («Коммерсантъ», 14.10.2019); «*Окно в Россию: кто из легионеров покинул РПЛ и кто остался*» («Известия», 04.03.2022) – ср.: *Окно в Европу* [Мокиенко 2005: 342; Серов 2004: 542].

Включение КЕ в заголовок позволяет еще раз подчеркнуть многоплановость концепта «спорт». В статье описывается разгромная победа сборной России над сборной Кипра (что вновь достигается при помощи лексической трансформации – добавления компонента *распахнул* при

возможном нейтральном варианте *открыл*), которая предоставила россиянам право на досрочный выход из группы в рамках чемпионата Европы по футболу. В контексте данной статьи происходит актуализация семы "сделать доступным, свободным для чего-н."

В заголовке «*Окно в Россию: кто из легионеров покинул РПЛ и кто остался*» («Известия», 04.03.2022), построенном на трансформации КЕ из сочинения «Письма о России» итальянского писателя Франческо Альгаротти (Ср. Окно в Европу), актуализируется исходная образная основа КЕ, что позволяет автору статьи сфокусировать внимание читателя на ключевой информации статьи, которая посвящена начавшемуся в Российской премьер-лиге оттоку иностранных футболистов и тренеров. Усечение компонентного состава КЕ позволяет придать заголовку в большей степени не оценочный, а информативный характер. Используемая трансформация компонентного состава КЕ, построенной на контекстуальной антонимии, позволяет журналисту придать заголовку оттенок авторской оценки.

Рассмотрим серию заголовков «*Велика Россия, а отбивать некуда*» («Коммерсантъ», 30.06.2018), «*Велика сборная России, а наступать некому*» («Коммерсантъ», 09.10.2001) – ср.: *Велика Россия, а отступить некуда, – позади Москва* (слова заместителя командира по политическому воспитанию Василия Георгиевича Клочкова (1911 – 1941)) [Мокиенко 2005: 68; Серов 2004: 108].

Актуализация происходит за счёт замены глагола *отступить* глаголами *забивать* и *отбивать*. Глагол *забивать* в контексте статьи реализуются в значении «ударами, резкими толчками загнать, вогнать куда-л.» [МАС 1: 496]. В данном случае речь идет о футбольном матче между сборными России и Испании, в котором у российских футболистов только один способ пройти в следующую стадию чемпионата – обыграть противников. Глагол *наступать* в контексте статьи реализуется в значении «...двигаться вперед, вести наступление» [МАС 2: 402] относительно футбольной тактики. В статье называются проблемы, с которыми

столкнулась сборная России накануне раунда плей-офф международного чемпионата, в том числе – отсутствие ярко выраженных нападающих, способных забивать большое количество голов в ворота соперника.

Анализ представленных заголовков позволяет констатировать, что нередко концепт «спорт» вербализируется за счет компонентов, тематически не связанных с ним.

Таким образом, наблюдаемое деривационное поле концепта «спорт», а также частота актуализации соответствующего концепта в современных СМИ посредством КЕ, позволяют утверждать, что на сегодняшний день понятие *спорт* прочно закрепилось в концептосфере медиадискурса. В ходе рассмотрения удалось установить, что использование КЕ единиц в заголовках СМИ позволяют заметно расширить область значений обозначенного концепта. При репрезентации концепта «спорт» посредством КЕ наиболее часто актуализируется прямое значение. Проведенное исследование позволило установить: концепт «спорт» можно считать макроконцептом, включающим в себя ряд других концептов. Концепт «спорт» представляет собой комплексную ментальную сущность, которая состоит из описанных выше компонентов.

В рассматриваемых примерах были проанализированы как трансформы, так и инварианты исходных КЕ.

Результаты анализа исследуемого материала позволяет констатировать, что концепт «общество» вербализуется множеством компонентов, в том числе и тех, которые семантически с ним не связаны. Так, вербализация данного концепта нередко осуществлялась такими понятиями, как *политика, война, здоровье, образование, экономика, цифровизация*. Наблюдаемое деривационное поле у лексемы «спорт», высокая частотность его употребления в современных СМИ, а также высокая степень использования различных фразеологических единиц, в том числе КЕ, актуализирующих данное понятие в контексте современного медиaprостранства, являются основанием для того, чтобы рассмотреть

понятие «спорт» как одно из составляющих концептосферы современного русского языка.

2.3.3. Репрезентация концептуальной диады «здоровье – болезнь»

Концепт «здоровье – болезнь» относят к числу наиболее важных витальных ориентиров человека, что обуславливает наличие в языке множества лексических и фразеологических обозначений [Усачева 2005: 110]. «Здоровье является ценностью, способной побуждать человека к действию – сохранить, улучшить, укрепить, восстановить здоровье (to make better, improve, return health) всевозможными способами, которые общество может одобрять полностью или не совсем одобрять, даже осуждать с известной долей иронии, только если это не принимает формы психического расстройства и не докучает окружающим» [Там же]. Отметим точку зрения Л.В. Тулениновой, относящей концепты «здоровье – болезнь» и «болезнь» к дуальному типу концептов, «при котором наличие одного служит обязательным условием существования другого» [Туленинова 2008: 252].

Понятие *здоровье* всегда являлось одним из центральных составляющих концептуальной картины мира русской языковой личности. Российское общество в конце XX – начале XXI вв. претерпело существенные социальные, экономические и политические преобразования, что не могло не оказать влияния на трансформацию концептуальной составляющую языковой картины мира носителей современного русского языка. Концептуальная диада «здоровье – болезнь» не относится к группе собственно политических или экономических концептов, первоочередно подвергающихся мировоззренческой трансформации, однако, отражая не только систему общечеловеческих, но и личных ценностей каждого конкретного человека и являясь традиционным витальным концептом, он также претерпевает смысловое переосмысление. Учитывая преобразования, наблюдаемые в концептосфере современного языкового общества в целом,

конкретно – носителей русского языка, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о трансформации восприятия концепта «здоровье – болезнь» в рамках современного медиадискурса. Также представляется необходимым рассмотреть способы репрезентации данного концепта в различных газетных текстах, что позволит проследить структурные преобразования концепта, а также причины данных преобразований.

А.Н. Усачева характеризует концепт *здоровье* с одной стороны, как общечеловеческую, с другой стороны, как личностную, персональную ценность, имеющую особенно важное значение для каждого индивида и в социальной, и в частной жизни» [Усачева 2005: 110]. Схожая мысль прослеживается в работе А.Ю. Петкау, которая характеризует данный концепт как «многомерный феномен», способный отразить «в обыденном сознании представления о дуальном (физическом и психическом) состоянии организма, оценка которого осуществляется с точки зрения внешнего наблюдателя, а также внутреннего самоощущения субъекта, носителя состояния» [Петкау 2014: 6]. Исследователь констатирует, что конструирование ядра номинативного поля обозначенного концепта является предметом неоднократных исследований, в ходе которых удалось выявить слабое номинативное представление концепта, «однако он обогащается за счёт слов-интенсификаторов, глаголов» [Петкау 2014: 208].

Ю.А. Лукин в исследовании комментирует данный концепт с позиции системных отношений. Исследователь рассматривает феномен «здоровье – болезнь» в качестве жизнедеятельности системы «как трансформатора в комплексе система – окружающая среда в оптимальном режиме со стабилизирующим или развивающим управлением, что определяет сохранение основных внутренних и внешних структур, связей и взаимодействий системы» [Лукин 2003: 128].

Исследуя диадку «здоровье – болезнь» в сопоставлении с противоположным ему – «болезнь», М. Е. Чижова связывает его «с базовыми характеристиками человеческой жизни», а также характеризует его как

мультидисциплинарную основу [Чижова 2020: 83]. Динамичное формирование восприятия, по мнению исследователя, характеризует социальный концепт «здоровье – болезнь»: «практически все репрезентации идентифицируют полное физическое здоровье и социальное благополучие» [Там же]. Т.В. Маркелова отмечает роль языка как медиатора «знаний и культуры, представляя здоровье человека как субъективную и объективную ценность, а болезнь – как антиценность в рамках языковой и культурной картины мира» [Маркелова 2021: 871]. При этом исследователь отмечает, что «здоровье и болезнь как категория состояния организма и его жизнедеятельности, относящаяся как к обыденному, так и к научному дискурсу, обозначает явление естественного мира» [Там же].

Таким образом, концепт «здоровье – болезнь» целесообразно изучать в качестве одной из ключевых составляющих концептосферы современного русского языка, что обуславливает актуальность его рассмотрения в рамках нашего исследования. Данный концепт, являясь отражением сознания человека, выступает в качестве всеобщей единицы мыслительной деятельности носителя языка. Такой подход позволяет рассматривать концепт «здоровье – болезнь» в контексте медиалингвистики, которая позволяет на сегодняшний день наиболее полно отразить тенденции языкового развития информационно-коммуникационного общества. Особую роль прецедентных единиц в процессе текстопорождения и создания дополнительных коммуникативных смыслов в медиатексте отмечает Л.В. Моисеенко, по мнению которой «немаловажной представляется архитектура вторичного семиозиса как процесса создания лексического значения прецедентной единицы, который осуществляется на основе когнитивных структур с выходом в область экстралингвистического знания» [Моисеенко 2021: 462].

Рассмотрим КЕ, вербализующие концептуальную диаду «здоровье – болезнь» без изменения плана выражения и плана содержания исходного выражения: «***В здоровом теле здоровый дух***» («АИФ», 08.04.2021), «***В***

здоровом теле здоровый дух» («Учительская газета», №10 от 5 марта 2019) – ср.: *В здоровом теле – здоровый дух* [Серов 2004: 72]; *«Если хочешь быть здоров, закаляйся»* («Волоколамский край», 13 августа 2022), *«Если хочешь быть здоров – закаляйся!»* («Восход», 03 февраля 2020) – ср.: *Если хочешь быть здоров, закаляйся* [Серов 2004: 184]; *«Не болит голова у дятла»* («Вечерний Петербург», 12.10.2015), *«Не болит голова у дятла»* («Свеча», 06.08.2020) – ср.: *Не болит голова у дятла* [Серов 2004: 377]; *«Детская болезнь левизны»* («Культура», 05.08.2012), *«Детская болезнь левизны и “пожилая” болезнь правизны в профсоюзном движении»* («Солидарность», 16.03.2022) – ср.: *Детская болезнь левизны* [Серов 2004: 166]; *«Лекарство хуже болезни»* («Культура», 24.05.2013), *«Лекарство хуже болезни»* («Одинцовская неделя», 24.08.2021) – ср.: *Лекарство хуже болезни* [Серов 2004: 301]; *«Устраните причину, исчезнет и болезнь»* («ЛесПромИнформ», 02.2011).Ср.: *Устраните причину, исчезнет и болезнь* [Серов 2004: 607]; *«Мнимый больной»* («Вечерняя Уфа», 19.02.2019), *«Мнимый больной»* («Известия», 06.11.2013) – ср.: *Мнимый больной* [Серов 2004: 336].

Логичным представляется начать анализ с заголовка, включающего КЕ из Священного Писания. *«Не коронавирусом единым»* («Коммерсантъ», 11.12.2020) – ср.: *Не хлебом единым жив человек* [Мокиенко 2005: 324; Серов 2004: 501]. Актуализация в заголовке происходит за счет комплексного преобразования КЕ: в процессе субституции произошла замена компонента *хлеба* на лексему *коронавирусом* (отсылающей читателя к контексту статьи), а сужение компонентного состава КЕ позволяет сосредоточить внимание читателя на центральной теме статьи, в которой подчеркивается, что в период пандемии ковид составил не более половины прироста смертности.

Как показал анализ, наиболее частотны КЕ, возникшие из произведений художественной литературы. Рассмотрим примеры комплексного преобразования исходной КЕ. Одним из таких примеров является заголовок *«Спасение спасающих: режим работы врачей в «красной*

зоне» пересмотрят» («Известия», 10.09.2020) – ср.: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих» («Иносказательно: решать свои проблемы каждый должен сам или вместе с товарищами по несчастью») [Мокиенко 2005: 471; Серов 2004: 720]. В результате антонимической субституции (*утопающих* – *спасающих*) происходит переосмысление исходного выражение, в результате чего КЕ получает дополнительный смысловой оттенок. Используемая буквализация исходного компонента *спасение*, представляющее образную основу КЕ, приводит к актуализации, в результате чего «выступает на первый план, <...> противопоставляясь значению оборота» [Мелерович, Мокиенко 2008: 299]. Таким образом, высказывание приобретает противоположное значение, при помощи которого происходит репрезентация рассматриваемого концепта. Происходит увеличение экспрессии за счет тавтологии *спасение – спасающих*. В результате наблюдается усиление эмотивно-оценочного плана семантики, что придает образовавшемуся трансформу экспрессивность и способность отобразить в заголовке проблематику статьи, в которой говорится о новых рекомендациях по времени ротации смен медицинского состава, находящегося в «красной зоне». Использование субститута *спасающих*, под которым понимаются медицинские работники «красной зоны», транслирует авторскую оценку описываемых событий, что придает заголовку экспрессивность, вызывающую ответные чувства у читателя.

Рассмотрим заголовок «*Штамм* в имени тебе моем: в РФ обсуждают три названия коронавируса» («Известия», 14.02.2020) – ср.: «Что в имени тебе моем?» («Цитируется шутливо-иронически при нежелании сообщать о себе какие-либо сведения личного характера») [Мокиенко 2005: 545; Серов 2004: 828]. Заголовок построен на компонентном преобразовании исходного выражения, в результате которого автор актуализирует в заголовке ключевую составляющую содержания статьи, в которой журналист рассматривает возможное внедрение новых единых стандартов ведения врачебной документации в случае распространения нового типа коронавируса в России;

данные изменения подразумевают русифицирование названия COVID-19 в трех возможных вариантах: КоВиД-19, КоВиБ-19 и SARS-Cov-2. Рассматриваемый пример употребления КЕ позволяет констатировать лексическую субституцию за счёт замены исходного компонента новым; при этом сама модель остается неизменной. Сохранение вопросительной интонации, заложенной в исходной КЕ, придает новому образованию ироничный оттенок, а сам трансформ интригует читателя.

Трансформация КЕ «С корабля на бал» (Из романа в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина) [Серов 2004: 676] в составе заголовке «С корабля на *штамм*: военные моряки начали дезинфекцию городов» («Известия», 08.06.2020) включает буквализацию значения исходного компонента: в контексте статьи говорится о непосредственном взаимодействии с военными кораблями в прямом значении. Преобразованная КЕ способствует образованию комического эффекта, при помощи которого автору удается оказать определенное воздействие на читателя. Отметим изменение плана содержания нового выражения, способствующего конкретизации и актуализации содержания статьи, в которой автор уделяет внимание дезинфекции военными моряками городских кварталов вокруг своих баз; работы осуществляются подразделениями радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ). Таким образом, субституция компонентов *бал – штамм* способствует переосмыслению исходной КЕ, расширению ее семантики, что позволяет читателю, лишь взглянув на образовавшийся в заголовке трансформ, ознакомиться с ключевой информацией статьи. Подобные изменения позволяют продемонстрировать креативный потенциал автора.

Особое место в современной публицистике занимает тема, связанная с распространением коронавирусной инфекции COVID-19. В заголовках статей, посвященных пандемии, также встречаются различные варианты трансформации КЕ.

Обратимся к заголовку «*И COVID, сын ошибок трудных. И Путин, парадоксов друг*» («Коммерсантъ», 27.05.2021) – ср.: *И опыт, сын ошибок трудных, || И гений, парадоксов друг* [Мокиенко 2005: 347; Серов 2004: 532]. Заголовок построен на трансформации КЕ из произведения русского классика А.С. Пушкина «*О сколько нам открытий чудных...*». В данном заголовке также наблюдается двойная замена компонентов (*сын – COVID, гений – Путин*), из которых только один связан с описываемым концептом. Такой вариант субституции приводит не только к трансформации плана выражения, но и трансформации плана содержания КЕ: статья посвящена совещанию в Сочи российского президента по экономическим вопросам, в ходе которого он пообещал, что обязательной вакцинации не будет.

Заголовок «*Ревматизм – это звучит дорого*» («Независимая газета», 13.07.2021), построенный на субституции (ср. *Человек – это звучит гордо* [Мокиенко 2005: 539; Серов 2004: 819]), позволяет автору одновременно придать заголовку оценочность и информативность: компонент *ревматизм*, отраженный в заголовке, даёт возможность читателю понять, о каком заболевании пойдёт речь в статье, а компонент *дорого*, используемый в значении «стоящий больших денег» [МАС 1: 433] позволяет отразить авторскую оценку. Ирония, достигаемая посредством снижения стилистического регистра, придает заголовку экспрессивность.

В ходе анализа также были обнаружены случаи субституции КЕ, являющейся высказыванием, приписываемым определенному лицу: «*Прививка – вторая натура*» («Коммерсантъ», 11.02.2021) – ср.: *Привычка – вторая натура* [Мокиенко 2005: 400; Серов 2004: 629]. Связанная с описываемым концептом лексема *прививка* в значении «действие по глаг. привить» [МАС 3: 395] позволяет актуализировать появившийся трансформ в контексте вакцинации населения городов-миллионников. Таким образом, репрезентация исследуемой диады становится возможной в контексте

заголовка, что дает возможность потенциальному читателю предварительно ознакомиться с содержанием статьи еще до ее прочтения.

Нередко можно встретить заголовки, репрезентирующие концептуальную диаду «здоровье – болезнь» лишь в трансформированном виде благодаря контекстуальной актуализации.

Рассмотрим заголовки, содержащих КЕ из синтетических видов искусства. Обратимся к заголовку «У нас «Спутников» на всех хватает» («Коммерсантъ», 21.06.2021) – ср.: *Ножичков у нас на всех хватает*. Трансформация потенциальной КЕ, построенная на преобразовании выражения из х/ф С. С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя». В данном случае наблюдается комплексное преобразование КЕ: происходит не только лексическая, но и синтаксическая трансформация – инверсирование, что позволяет актуализировать исследуемую концептуальную диаду.

Проанализируем заголовок «От прививки станет всем светлей» («Коммерсантъ», 29.12.2020) – ср.: *От улыбки станет всем светлей* [потенциальная КЕ – А.Х.]. Основу заголовка составляет потенциальная КЕ из песни композитора Владимира Шаинского, исполненной Румяновой Кларой Михайловной в м/ф «Крошка Енот». Трансформация КЕ в данном заголовке заключается в замене одного компонента *улыбки* созвучной лексемой *прививки*, что позволяет автору заголовка предварительно ознакомить читателя с содержанием статьи, в которой речь идет о начавшейся в ЕС вакцинации от COVID-19. Таким образом, актуализация содержания статьи происходит с помощью компонента, ассоциирующегося с исследуемой концептуальной диадой.

Анализ представленных выше заголовков позволяет сделать вывод, что концептуальная диада «здоровье – болезнь» на сегодняшний день сопряжена с такими концептами, как «пандемия», «медицина».

Рассмотрим также примеры, в которых субституция потенциальных КЕ осуществляется при помощи компонента, не связанного с концептом «здоровье – болезнь».

«Спешить нельзя подождать»: насколько актуальна и полезна на самом деле повторная вакцинация от COVID-19» («Комсомольская правда», 13.08.2021) – ср.: *Казнить нельзя помиловать* [потенциальная КЕ – А.Х.]. Наблюдаемая замена компонентов исходной потенциальной КЕ *казнить, помиловать* глаголами *спешить, подождать* соответственно актуализирует появившийся трансформ в контексте ситуации с повторной вакцинацией в стране. Следует отметить, что расширение компонентного состава заголовка, в котором, помимо трансформ КЕ, используются компоненты, не связанные с исходной КЕ, также способствует предварительному ознакомлению читателя с содержанием статьи.

Обратимся к заголовку *«Не все хорошо, что сладко»* («Комсомольская правда», 20.07.2021) – ср.: *Не все то золото, что блестит* [потенциальная КЕ – А.Х.]. Заголовок построен на субституции без изменения синтаксической структуры исходной потенциальной КЕ. При формировании данного заголовка использовались лексемы, семантически не связанные с концептом «здоровье – болезнь», однако актуализация была достигнута, что становится очевидным уже после ознакомления с содержанием статьи.

Обратимся к заголовкам, иллюстрирующим серийное употребление КЕ. Как показал анализ, наиболее часто концепт «здоровье – болезнь» вербализируется в газетных текстах посредством КЕ, эксплицитно отражающих понятие *здоровье* в определенной мере. Рассмотрим серию трансформаций данных КЕ, актуализирующих исследуемый концепт в заголовках различной тематики.

КЕ *Готов к труду и обороне!* [Серов 2004: 192], являющаяся девизом советского физкультурного комплекса упражнений «Готов к труду и обороне СССР», на сегодняшний день является одной из наиболее употребительных в составе заголовков, посвященных физкультурно-спортивным мероприятиям. «Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений» В.В. Серова отмечает, что данная КЕ употребляется «шутливо-иронически, как оценка чьего-либо завидного здоровья» [Там же]. Рассмотрим серию

заголовков, включающие данную КЕ: *«Вопрос «Труда»: А вы готовы к труду и обороне?»* («Труд», 26.03.2014); *«К труду и обороне готовы сотрудники множества организаций Красноармейского района»* («Маяк», 14.09.2018); *«Готов к труду и обороне!»* («Мир предложений», 04.10.2019); *«Готов к труду и обороне»* («Рузаевские новости», 25.06.2018); *«Готов к труду и обороне»* («Вестник», 11.09.2014) – ср.: *Готов к труду и обороне!* [Серов 2004: 192].

Автор заголовка *«Вопрос «Труда»: А вы готовы к труду и обороне?»* («Труд», 26.03.2014) прибегает к изменению структурной составляющей выражения, что позволяет использовать реализующийся в виде риторического вопроса трансформ в качестве инструмента коммуникации. Статья посвящена подписанному Владимиром Путиным указу о возрождении в России системы ГТО; в статье автор также уделяет внимание словам министра образования Дмитрия Ливанова, утверждающего, что результаты сдачи нормативов будут учитываться при поступлении в высшие учебные заведения. Таким образом, определяется адресат коммуникации – потенциальные абитуриенты; становится понятным выбор способа трансформации.

Заголовок *«К труду и обороне готовы сотрудники множества организаций Красноармейского района»* («Маяк», 14.09.2018) построен на комплексной трансформации исходной КЕ: экспликация, реализующаяся за счет компонентов *сотрудники множества организаций Красноармейского района*, а также буквализация исходных компонентов значения исходного выражения позволяют автору расширить семантику КЕ. Данное преобразование дает возможность журналисту выполнить коммуникативную задачу, предварительно ознакомив читателя с содержанием статьи, посвященной сдаче норм ГТО в спортивном оздоровительном комплексе «Колос» Красноармейского района, участие в которой приняли руководители и сотрудники трудовых коллективов организаций и предприятий муниципалитета.

В заголовке *«Готов к труду и обороне!»* («Мир предложений», 04.10.2019) наблюдается употребление КЕ - инварианта, что приводит к нейтрализации экспрессии. Актуализация КЕ происходит за счет смещения смыслового акцента в сторону лексемы *готов*, употребленной в значении «4. только кратк. ф. Выражает законченность, окончательный результат какого-л действия, состояния» [МАС 1: 340]. Таким образом, в процессе употребления происходит расширение значения выражения, отсылающее к контексту статьи, в которой сообщается о перспективах завершить к 2021 году обустройство во всех муниципалитетах края площадок ГТО, а также о создании новых уличных комплексов ГТО, размещенных на территориях Прикамья.

Заголовок *«Готов к труду и обороне»* («Рузаевские новости», 25.06.2018) построен по модели вышерассмотренного примера. Отсутствие преобразований в используемой КЕ позволяет журналисту в процессе построения заголовка уточнить, конкретизировать общеизвестное, узуальное значение исходной КЕ. Так, читатель, взглянув на заголовок, погружается в контекст статьи, посвященной открытию летнего фестиваля Республиканских соревнований ГТО среди школьников. Конкретизация общеизвестного значения КЕ посредством ее употребления в заголовке позволяет автору вынести в позицию предтекста ключевую информацию статьи.

«Готов к труду и обороне» («Вестник», 11.09.2014) – еще один пример подобной семантической трансформации КЕ. Автору удается выразить собственное отношение к описываемым событиям и наполнить его индивидуально-авторским смыслом. Актуализация заголовка происходит посредством целостного восприятия используемой единицы, отсылающей к контексту статьи, посвященной подписанию главой администрации Юрием Ивановым распоряжения о поэтапном внедрении Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) в городском округе «Город Лесной». Авторская интерпретация КЕ позволяет,

переосмыслив исходное значение выражения, использовать его в качестве актуализатора статьи.

Во всей серии приведенных заголовков концепт «здоровье – болезнь» репрезентируется посредством смежного с ним концепта – «спорт». Учитывая, что оба концепта связаны семантически (спорт способствует укреплению здоровья), можно констатировать, что исследуемый концепт может актуализироваться через другие, сопредельные с ним концепты.

Часто в процессе построения заголовка автор, пытаясь сделать его более ярким, "цепляющим", использует трансформы и/или инварианты хорошо известных КЕ, отсылающих к классической литературе. Е. Н. Ремчукова отмечает в современной публицистике профессиональных медиа, тенденцию «к корректному цитированию текстов высокой культуры, которую можно обозначить как попытку интеллектуально-образного и многомерного «осмысления» культурного знака с целью использовать его как важное средство аргументации или образности, имеющее воздействующую силу» [Ремчукова 2022: 47].

Для прочтения коммуникативной задачи в данном случае читателю необходимо обладать определенным прецедентным минимумом – в этом случае он сможет распознать исходный вариант выражения и, как следствие, в полном объеме определить авторскую мысль, помещенную в заголовок. О.В. Ломакина приводит следующую модель «адаптации» прецедентных текстов: «у читателя, владеющего прецедентным минимумом и пресуппозитивными знаниями, происходит понимание значения единицы, а различные актуализаторы (прежде всего, субституты) служат средством привлечения внимания читателя и вовлечения его в круг обсуждаемых проблем» [Ломакина 2019: 76].

Так, нередко случаи употребления в составе заголовка КЕ *Лет до старости / Нам без старости* из поэмы «Хорошо!» В. В. Маяковского, которая «цитируется как пожелание здоровья и долголетия (шутливо)» [Серов 2020:

394]. Рассмотрим серию примеров использования данной КЕ в составе современного газетного заголовка.

«*Лет до ста расти нам без старости?*» («Аргументы Недели», 10.12.2015); «*Лет до ста расти нам без старости*» («Экспресс газета», 23.06.2014); «*Лет до ста расти – без старости!*» («Рязанские ведомости», 04.06.2021); «*До ста расти*» («Российская газета», 17.07.2019) – ср.: *Лет до ста расти / Нам без старости* [Мокиенко 2005: 248; Серов 2004: 391].

Обыгрывание КЕ, построенное на синтаксической трансформации, позволяет автору, адресуя потенциальному читателю риторический вопрос, задуматься над вопросом, поставленном в контексте статьи, посвященной просочившейся в некоторых российских СМИ информации о первом в истории человечества добровольном эксперименте на живом человеке по изменению его генного статуса. Подобная трансформация дает возможность преобразовать семантику инварианта за счет переосмысления его исходного значения.

Заголовок «*Лет до ста расти нам без старости*» («Экспресс газета», 23.06.2014) построен на семантическом преобразовании КЕ. Изменение семантики исходного выражения позволяет констатировать двойную актуализацию, в процессе которой компоненты *без старост*, компоненты *лет до ста* претерпевают буквализацию значения, отсылая тем самым читателя содержанию статьи, в которой автор разбирает итоги минувшей Международной конференции по генетике старения и долголетия, в ходе которого авторитетные специалисты смогли прийти к единому мнению по вопросам старения. По мнению журналиста, такой подход позволяет организовать серьезную совместную работу ученых всего мира по продлению полноценной жизни. Переосмысление исходной КЕ позволяет заинтриговать читателя, а образовавшемуся инварианту придает актуальность и яркость.

Риторическое восклицание, как и риторический вопрос, в публицистическом тексте входит в состав традиционных способов

обращения к читателю. Заголовок «*Лет до ста расти – без старости!*» («Рязанские ведомости», 04.06.2021), построенный на комплексной трансформации КЕ, включает также импликацию и синтаксическое преобразование исходного выражения. В качестве актуализатора выступают компоненты *до ста*, образующие отсылку к контексту статьи, посвященной интервью с участником Великой Отечественной войны Владимиром Алексеевичем Поповым, которому 25 мая исполнилось сто лет. Синтаксическое преобразование, в результате которого заголовок принимает форму риторического восклицания, передает пиететное отношение автора, что обуславливает выбор способа трансформации исходного выражения.

При создании заголовка «*До ста расти*» («Российская газета», 17.07.2019) автор использует приём импликации, посредством чего происходит сокращение компонентного состава КЕ. Таким образом, акцент смещается на сохранившиеся компоненты, которые, выполняя роль «семантических конденсатов» (термин Е.И. Селиверстовой). Данные компоненты способны в сжатом виде передать тематику статьи, а также образовать прямую отсылку к ней. В результате данной трансформации происходит семантическое расширение КЕ, достигаемое посредством языковой игры, а заголовок, включающий в себя образовавшийся трансформ, актуализирует содержание статьи, в которой автор рассматривает популярные советы, способствующие долголетию.

Приведенное исследование показывает, что концептуальная диада «здоровье – болезнь» является макроконцептом, который включает в себя ряд других концептов. Так, примечательными представляются случаи вербализации данной диады посредством других концептов (например, концептом «спорт»). Исследуемый концепт обладает как положительным, так и отрицательным эмоционально-оценочным значением. Отметим, что актуализация концепта реализуется при помощи КЕ, находящихся как в ядре, так и на периферии фразеологической системы. Результаты исследования позволяют констатировать, что наиболее часто авторы статей, формулируя

заголовок, прибегают к субституции. Получившиеся трансформы, построенные на языковой игре, зачастую приводят не только к трансформации плана выражения, но и трансформации плана содержания исходной КЕ.

Анализ, направленный на выявление способов репрезентации концептуальной диады «здоровье – болезнь» посредством употребления преобразованных КЕ в контексте различных рубрик газеты и журналов, позволяет говорить о наличии строгой избирательности ряда групп КЕ в зависимости от той или иной рубрики. В ряде случаев в ходе репрезентации обозначенного концепта КЕ выступает в роли своеобразного стилистического и хронологического «маркера» материала, публикуемого в периодическом издании.

2.3.4. Репрезентация концептуальной диады «война – мир»

Концептуальную диаду «война – мир», лингвистически характеризующую социально значимые составляющие жизни как отдельного человека, так и всего общества в целом, принято относить к концептам, способным не только отразить взаимосвязь языка с существующей реальностью, но и выявить национально-специфические особенности языкового сознания этноса. Данную мысль подтверждает мнение Ю. С. Степанова, утверждающего, что концепт «мир» является константой русской культуры [Степанов 2004: 86, 675]. Богатство вербализаторов данного концепта также свидетельствует об этом.

Представим дефиниции понятий *война* и *мир* по «Словарю русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой:

ВОЙНА – «1. Организованная вооруженная борьба между государствами или общественными классами. 2. Состояние вражды; борьба с кем-, чем-л. (перен.)» [МАС 1: 203].

МИР – «1. Совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве. 2. Отдельная часть Вселенной, планета. 3. Земной шар, Земля со всем существующим на ней. 4. Человеческое общество, объединенное определенным общественным строем, культурными и социально историческими признаками. 5. Какая-л. сфера жизни или область явлений в природе. 6. Какая-л. область, сфера деятельности людей. 7. Сельская община, а также члены этой общины (ист.). 8. Земная жизнь в противоположность неземной, потусторонней (согласно религиозным, идеалистическим представлениям). 9. Согласие, отсутствие разногласий, вражды или ссоры. 10. Отсутствие войны, вооруженных действий между государствами, согласное сосуществование государств, народов. 11. Соглашение между воюющими сторонами об окончательном прекращении военных действий, мирный договор. 12. Покой, спокойствие» [МАС 2: 275].

Исследуемый материал дает возможность констатировать, что все приведенные лексико-семантические варианты многозначного слова выступают в качестве репрезентантов данного концепта, различными вариациями его реализации, однако употребляемое в процессе актуализации изучаемого концепта понятие *мир* наиболее часто вербализируется в значении «отсутствие войны, вооруженных действий между государствами, согласное сосуществование государств, народов». Таким образом, одним из мотивирующих признаков изучаемого концепта можно считать «отсутствие войны» [МАС 2: 275].

Рассмотрению концептов «война» и «мир» посвящен ряд работ [Голубенко 2019; Нелюбова, Финская 2022; Радчук 2017; Хохлов 2022]. Так, Е.А. Голубенко, анализируя бытование данных концептов в языковой картине мира русского, английского и японского языков, отмечает, что «ассоциативные реакции на слова-стимулы война и мир характеризуют многогранное видение и субъективные оценки респондентов» [Голубенко 2019: 119]. Исследователь приходит к выводу, что подобное восприятие свидетельствует о «неоднородности содержания концептов ВОЙНА и МИР»

в сознании носителей рассмотренных языков. А. В. Радчук, сопоставляя концепты «война» и «мир», трактует понятие *война* как «самый радикальный способ устройства послевоенного мира в интересах конфликтующих сторон», при условии отсутствия «существующих международных институтов и механизмов разрешения межгосударственных противоречий» [Радчук 2017: 32]. Исследователь подчеркивает разноплановость обозначенных концептов, что не позволяет рассматривать «концепт "мир" <...> просто как "не война", концепт "война" просто как боевые действия, а все мировые процессы описывать сменой только этих состояний», поскольку, по мнению автора, подобная дихотомия не отображает «все многообразие реальных ситуаций» [Там же].

В.Б. Крячко, рассматривая понятийные характеристики концепта «война», характеризует данный концепт как наиболее значимое для общества «детально сегментированное смысловое образование» [Крячко 2007: 27], при этом отмечая различные способы восприятия исследуемого концепта в сознании гражданского и военного населения. В понятийной структуре данного концепта автор в качестве «слотов» выделяет следующие гиперонимы – символы: «цель (победа), подготовка сил и средств (армия, оружие), характер войны, военная акция (бой), следствие (победа-поражение)» [Крячко 2007: 8]. Основываясь на приведенных характеристиках понятия, исследователь определяет войну как спланированную военную акцию «с использованием специально подготовленных сил и средств для достижения определенных целей, имеющая деструктивные последствия». [Там же].

Противоположность в оценочности восприятия составляющих описываемой диады отмечается во многих современных работах, посвященных когнитивным исследованиям языка. Так, Н. Ю. Нелюбова и Т. Е. Финская, представляя способы репрезентации аксиологической диады *мир – война* во французском песенном дискурсе, отмечают, что наиболее часто у понятия *война* и связанных с ним образов обнаруживается отрицательная

коннотация, а само понятие в песенном дискурсе воспринимается «как антиценность, в то время как мир представляется состоянием, к которому стремится все человечество» [Нелюбова, Финская 2022: 126]. Концептуальная диада «война – мир» отражает «совокупность понятий, способную отразить общечеловеческие ценности, а также представить обобщенное знание о бытийных ситуациях, отражающих особенности русского понимания и интерпретации мира» [Хохлов 2022: 426].

Изучая функционирование концепта «мир» в русской и китайской языковых картинах мира, И.Б. Фоменко констатирует, что «...в русской языковой картине мира концепт МИР является культурным концептом, так как имеет образные, понятийные и ценностные составляющие» [Фоменко 2021: 2616]. Исследователь, анализируя фактический материал русского языка, приходит к следующему выводу: «в русском национальном сознании мир – это прежде всего радость, счастье и покой людей, богатство и достояние, которое нужно ценить и беречь коллективными усилиями» [Там же]. Сравнение данных ассоциативных экспериментов концептуальной оппозиции «война» – «мир» позволяет автору выделить «общие/пересекающиеся реакции в зоне ядра и периферии: люди, дети, жизнь, народа, победа, страна, жизнь без войны, без войны, я за мир, труд, книга Толстого «Война и мир», все для народа страны, Россия, перемены, мирное время, без конфликтов, состояние без войны, без борьбы, мирный период» [Там же: 2617].

Составляющие концептуальной диады «война – мир» являются абстрактными существительными, отличия которых заключаются в неоднородности и многогранности; подобная разноплановость данных понятий позволяет говорить в том числе и о культурном своеобразии в языковой картине мира русского языка. Понятия *война* и *мир* в русском языковом сознании имеют прецедентный характер особенных социальных феноменов, функционирование и существование которых регулируются отдельными правилами; такой подход дает возможность отнести данные

понятия к ключевым составляющим жизни не только всего социума, но и каждого индивидуума в отдельности. Так, В. Ковалев, говоря о понятии *война*, подразумевает способ разрешения конфликта, при котором отсутствуют ограничения на масштабы, номенклатуру и типы средств направленного воздействия на участников конфликта [Ковалев 2015]. В.Б. Крячко выявляет следующие базовые признаки у понятийного компонента концептосферы «война»: спланированное масштабное действие с участием множества специально подготовленных людей и применением оружия для достижения определенных целей, имеющее деструктивные последствия [Крячко 2007: 216]. Таким образом, понятие война можно рассматривать в качестве одного из универсальных явлений, отражающих различные стороны жизни как одного народа, так и всего человечества в целом.

Как отмечает О.П. Семенец, у читателя возникает «первичная гипотеза, сформулированная после ознакомления с заголовком вне его контекста», после чего он обращается «к тексту статьи с целью своего ожидания и авторской мотивации», далее – «возвращение к заголовку для определения исходной авторской мотивации»; завершающий этап восприятия текста заключается в сопоставлении «своей мотивации и авторской» [Семенец 2002: 190]. Таким образом, использование КЕ в составе заголовка позволяет выстроить автору статьи многоуровневую модель восприятия предтекста, позволяющего осуществить коммуникативные цели адресанта.

Анализ показал, что нередко вербализация концептуальной диады «война – мир» посредством употребления КЕ в составе заголовка происходит без трансформации плана выражения и плана содержания исходной КЕ. Рассмотрим подобные примеры: «**Война** нервов» («Коммерсантъ», 30.11.2021) – ср.: *Война нервов* [Мокиенко 2005: 88; Серов 2004: 133]; «*Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!*» («Новое Заволжье», 02.04.2022). Ср.: *Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами* [Мокиенко 2005: 105; Серов 2004: 143]; «*Если завтра война*» («Новая газета», 28.07.2016) – ср.: *Если завтра война* [Мокиенко 2005: 158; Серов

2004: 236]; «*Мы пол-Европы прошагали, полземли*» («Крымская газета», 03.12.2015) – ср.: *Мы пол-Европы прошагали, полземли* [Мокиенко 2005: 383]; «*Псы войны*» («Огонёк», 21.03.2011) – ср.: *Псы войны* [Серов 2004: 644]; «*Винтовка рождает власть*» («Труд», 13.09.2019). Ср.: *Винтовка рождает власть* [Серов 2004: 125]; «*Дубина народной войны*» («Парламентская газета», 05.07.2016) – ср.: *Дубина народной войны* [Мокиенко 2005: 151; Серов 2004: 226]; «*Хочешь мира – готовься к войне*» («Независимая газета», 12.07.2018) – ср.: *Хочешь мира – готовься к войне* [Мокиенко 2005: 528; Серов 2004: 807]; «*Перекуем мечи на орала*» («Коммерсантъ», 08.10.2019) – ср.: *Перекуем мечи на орала* [Серов 2004: 573]; «*У войны не женское лицо*» («Наша Газета», 08.03.2022) – ср.: *У войны не женское лицо* [Серов 2004: 768]; «*Но пораженья от победы ты сам не должен отличать*» («Труд», 14.09.2022) – ср.: *Но пораженья от победы / Ты сам не должен отличать* [Серов 2005: 406]; «*Победителей не судят*» («Ветеран», 25.08.2012) – ср.: *Победителей не судят* [Мокиенко 2005: 375; Серов 2004: 593].

Рассмотрим в первую очередь газетные заголовки, содержащие КЕ из художественной литературы.

Статья «*Дубина народной войны*» («Парламентская газета», 05.07.2016) (ср.: *Дубина народной войны* [Мокиенко 2005: 151; Серов 2004: 226]). Используется «иносказательно о больших возможностях народной войны») посвящена выставке «Непокоренная Беларусь», открытой в посольстве братской страны в Москве в память о героях и жертвах «Партизанской республики». Используемая КЕ, вербализируясь в составе заголовка, отражает авторскую оценку борьбы белорусского народа против фашистских захватчиков, которая характеризуется в статье как «уникальное и беспрецедентное явление» в мировой истории. Таким образом, происходит сужение семантики выражения посредством конкретизации семы «народная война», под которой в данном контексте подразумевается именно белорусский народ.

В заголовке «*Псы войны*» («Огонёк», 21.03.2011) (ср.: *Псы войны* [Серов 2004: 644] (из пьесы «Юлий Цезарь», написанной Уильямом Шекспиром)) актуализация КЕ происходит посредством вербализации основного значения исходного выражения – «иносказательно о солдатах-наемниках» [Там же]. Данная вербализация происходит за счет смещения смыслового акцента в сторону компонента *псы*. Так, используя данное выражение в составе заголовка, автор подчеркивает презрительное отношение к наемным солдатам, заложенное в исходной КЕ. Таким образом, происходит отсылка к содержанию статьи, посвященной череде арабских революций в Ливии, в ходе которых было замечено присутствие наемников. Экспрессивность образовавшегося заголовка позволяет не только актуализировать информацию, но и усилить эффект воздействия. Репрезентация исследуемой диады осуществляется посредством базовых компонентов КЕ.

Исследование данной концептуальной диады показало, что авторы при создании заголовков нередко используют КЕ, являющимися изречениями известных личностей.

Анализ рассматриваемых заголовков показал, что наиболее часто исследуемые концепты репрезентуются посредством понятий, входящих в ядро концепта, а также понятий смежных концептов. Нередки случаи, когда посредством лексемы, входящей в макроконцепт, происходит репрезентация другого, смежного концепта:

Обратимся к заголовку «*Винтовка рождает власть*» («Труд», 13.09.2019) – ср.: *Винтовка рождает власть* – тезис из речи лидера Китайской компартии и глава КНР Мао Цзэдуна [Серов 2004: 125]. Данное выражение используется с целью подчеркнуть преимущество военной силы в процессе достижения власти, заключающейся в том числе и в вооружении. Вербальная часть заголовка представлена комплексным варьированием КЕ, в результате которого наблюдается изменение плана содержания рассматриваемой единицы за счет смыслового выделения ключевых

компонентов. Авторская интерпретация выражения позволяет актуализировать компонент *винтовка* в значении спортивного инвентаря, что позволяет создать отсылку к персоне биатлониста, члена партии «Единая Россия» Антону Шипулину, в то время как лексема *власть*, вербализируясь в значении «право управления государством, политическое господство» (МАС 2: 184), актуализирует победу спортсмена на довыборах в Государственную думу в Свердловской области. Трансформирование КЕ приводит к смысловой деформации исходного выражения. Образовавшаяся в процессе языковой игры экспрессия использовать журналисту эффект каламбура, реализуемой посредством пересечения области значений концептуальной диады «война – мир» с другими концептами. Таким образом, репрезентация концептуальной диады «война – мир» осуществляется посредством вербализации концептов «спорт» и «общество».

Нередко с целью лаконизации речи пишущий использует не только сокращение компонентного состава КЕ – импликацию, обоснованную законом экономии речевых усилий, но и различные виды субституции на основе антонимии, позволяющую журналисту, используя узнаваемую в речи КЕ, придать ей противоположное значение, что ведет к переосмыслению исходного содержания выражения.

Рассмотрим заголовок *«Маленькая непобедоносная. 40 лет войне Аргентины и Британии за Фолкленды»* («Аргументы и факты», 02.04.2022) – ср.: *Маленькая победоносная война* [Серов 2004: 412]. В основе заголовка лежит трансформированный вариант выражения российского министра внутренних дел и шефа жандармов В. К. Плева. Комплексная трансформация КЕ, составляющей основу данного заголовка, выполняет одновременно несколько коммуникативных задач: используемый компонент *непобедоносная*, актуализируясь в контексте статьи, придает заголовку оттенок иронии, отражая тем самым авторскую оценку описываемых событий. Языковая игра ведет к полному переосмыслению КЕ, в результате чего автор уже на стадии заголовка знакомит читателя с содержанием статьи,

посвященной вторжению Аргентины 2 апреля 1982 года на Фолклендские острова, на которых располагался британский гарнизон. Планируемая маленькая победоносная война обернулась крахом. Таким образом, становится понятным выбор исходной КЕ.

Обратимся к заголовку, основу которого также составляет КЕ, являющаяся высказыванием известного политического деятеля: «*Наше дело правое*» («Гудок», 04.03.2022) – ср.: *Наше дело правое* [Мокиенко 2005: 105; Серов 2004: 143]. Из речи министра иностранных дел СССР В. М. Молотова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Используемый в контексте заголовка инвариант позволяет автору статьи актуализировать исходное выражение, что обуславливает процесс переноса значения, позволяющий охватить определённую композиционную часть текста статьи. Посредством данного переноса происходит конкретизация семантики исходного выражения, что дает возможность журналисту предварительно ознакомить читателя с содержанием статьи, в которой приводятся мнения генерального директора Общероссийского отраслевого объединения работодателей железнодорожного транспорта Сергея Чаплинского и заместителя начальника Центра фирменного транспортного обслуживания ОАО «РЖД» по оперативной работе Сергея Галкина касательно санкционного режима в отношении России в связи с проведением специальной военной операции на Украине. Выбор используемой КЕ понятен: в контексте данной статьи реализуется сема «уверенность в правоте какого-либо дела, позиции, предприятия» [Серов 2004: 143], в результате чего заголовок приобретает способность транслировать авторскую оценку описываемых событий.

Несмотря на активный процесс обновления фонда КЕ, многие строки советских песен по-прежнему функционируют в качестве КЕ в составе современных заголовков. Причиной такого интереса авторов к данным КЕ, по мнению С.Г. Шулежковой, является увеличение роли синтетических видов искусства в качестве источников КЕ, к которым «относятся песня и

романс, продолжающие «подпитывать» языковую систему новыми КВ, несмотря на то, что из бытового репертуара ушли массовые песни, характерные для советской эпохи» [Шулежкова 2020: 132]. Обратимся к заголовкам, содержащим КЕ из синтетических видов искусства.

«*Наверх вы, товарищи, все по местам*» («Аргументы и факты», 02.04.2022) – ср.: *Наверх вы, товарищи, все по местам!* (из песни «Варяг», в которой восхваляется подвиг моряков одноименного русского крейсера) [Мокиенко 2005: 290; Серов 2004: 468]. Использование автором данной КЕ в качестве заголовка позволяет говорить двойной актуализации исходного выражения, в результате чего наблюдается обновление семантики и усиление экспрессии. Употребление в данном контексте КЕ позволяет автору акцентировать внимание читателей на побудительный характер образовавшегося заголовка. Военная тематика исходного выражения не случайна: журналист рассказывает о военном фильме «Курск», в основе которого лежит история о моряках-подводниках. Таким образом, посредством описываемой трансформации, происходит отсылка к первоисточнику КЕ в контексте статьи.

Рассматривая семантические особенности КЕ, используемых в определенном контексте, А.М. Мелерович говорит о необходимости семантических определений «с максимальной полнотой передавать контекстуальное осмысление ФЕ, отражая его обусловленность особенностями стиля, мировоззрением автора» [Мелерович 2011: 324]. КЕ, являясь разновидностью ФЕ, в процессе употребления нередко расширяют значение; как правило, подобные преобразования находят отражения в контексте.

Рассмотрим заголовок «*От снаряда до рассвета*» («Коммерсантъ», 26.01.2022) – ср.: «*От заката до рассвета*» (Иносказательно: ночь, темное время суток) [Серов 2004: 553]. Одним из способов актуализации прагматической функции заголовка, ориентированную на предварительное ознакомление читателя с контекстом статьи, является трансформация КЕ,

являющейся названием одноименного фильма о вампирах 1995 года американского режиссера Роберта Родригеса. Образовавшийся в процессе субституции компонентов *заката – снаряда* трансформ не только актуализируется в контексте статьи, но и придает заголовку экспрессию, позволяющую автору уже в заголовке отобразить всю трагичность описываемых событий. В статье автор рассматривает последствия бомбардировок Арабской коалицией Йемена, которые привели к большому числу жертв среди мирного населения. Отметим используемый в первичном значении («1. Время суток перед восходом солнца, когда начинает светать; начало утра» [МАС 3: 661]) семантически опорный компонент *до рассвета*, являющийся актуализатором приведенных в статье слов представителя международной НКО OXFAM в Йемене Абдулваса Мохаммед: «...каждую ночь мы ложимся спать и просто молимся, чтобы проснуться утром». Так, посредством переосмысления исходной КЕ, концепт «общество» актуализируется за счет не связанного с ним субститута в составе образовавшегося трансформа.

В рассматриваемых заголовках, репрезентирующих исследуемую концептуальную диаду «война – мир», наиболее часто встречаются КЕ, содержащие элемент, семантически связанный с указанными концептами. В ходе исследования удалось установить, что нередко в качестве первоисточника анализируемых заголовков военной тематики выступают советские песни. Рассмотрим заголовки, включающие подобные КЕ.

«*Бери шинель, пошли домой!*» («КП», 25.06.2015) – ср.: *Бери шинель, пошли домой!* – «цитируется в качестве предложения оставить какие-либо дела, занятия» [Мокиенко 2005: 44; Серов 2004: 55].

Пример использования КЕ без изменения плана содержания и плана выражения. Как правило, в подобных случаях экспрессия оказывается стертой. В.М. Мокиенко отмечает, что в случае такого рода употребления исходные выражения «соотносятся с контекстом лишь как элементы, воплощающие целостную семантику всей фразеологической единицы»

[Мокиенко 1989: 103]. Использование КЕ в данном заголовке позволяет без трансформации исходного выражения актуализировать содержание статьи, посвященной происхождению песни, являющейся источником обозначенного выражения. Учитывая, что КЕ представляет рефрен песни, читатель уже на этапе прочтения заголовка может определить тематику статьи. Таким образом, в данном заголовке можно говорить об имплицитном выражении значения.

В ходе анализа было установлено, что ряд КЕ, тиражируясь, приобретают серийность; данный факт объясняется частотными однотипными преобразованиями. Использование КЕ такого рода позволяет их относить к наиболее распространенным фразеологическим средствам, составляющих фразеологический минимум журналистов [Ломакина 2020: 62]. Серийность включает частотное употребление КЕ в публицистических текстах различной тематической направленности, независимо от политических или мировоззренческих предпочтений автора текста. Употребляясь в качестве инварианта и / или трансформы, данные выражения актуализируют контекст статьи.

В заголовке «*За себя и за того парня*» («НКК», 20.09.2020) в качестве актуализатора содержания статьи выступает КЕ из одноименной песни (1970), написанной композитором М. Фрадкиным на стихи Р. И. Рождественского – ср.: *За себя и за того парня* [Серов 2004: 262]. Не используя трансформацию компонентного состава, автор задействует исходное выражение «в готовом виде», в результате – используемый инвариант, задействующий ассоциативную валентность языкового знака в сознании читателя, позволяет автору уже до прочтения статьи установить с адресантом коммуникативный контакт. Статья посвящена героическому труду советского народа во времена Великой Отечественной войны.

Комплексное преобразование КЕ в заголовке «*До Багдада все спокойно*» («Коммерсантъ», 16.04.2012) (ср.: *В Багдаде всё спокойно* [Серов 2004: 88]; Источник – кинофильм «Волшебная лампа Аладдина»;

используется в шутовском значении: «все хорошо, нормально, беспокоиться не о чем») в данном контексте задействует ее номинативно-оценочную функцию: предложно-падежное сочетание *до Багдада*, актуализируясь в контексте статьи, приобретает выражение локуса, в то время как грамматическое преобразование, заключающееся в изменении обозначенной словоформы, позволяет сместить смысловой акцент на актуализированный компонент. Таким образом, происходит преобразование семантики исходного выражения, что придает заголовку большую экспрессивность и отсылает к контексту статьи, в которой автор сообщает о намерениях стран «Большой шестерки» продолжить диалог иранской ядерной проблеме в конце мая в Багдаде.

В современных газетных заголовках можно проследить наиболее частотные с точки зрения употребления КЕ, обладающие богатым функциональным потенциалом и способные образовывать серии. К таким КЕ можно отнести *Война нервов*, источником которой является высказывание германского фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга, произнесенное им в начале Первой мировой войны (используется в контексте затянувшегося конфликта, склоки, ссоры, «когда объективные аргументы исчерпаны или не действуют, и все решает воля, характер участвующих в противостоянии людей») [Мокиенко 2005: 88; Серов 2004: 133]. В представленной серии заголовков демонстрируются различные способы семантического преобразования исходного выражения.

«*Война нервов*» («Коммерсантъ», 30.11.2021); «*Война нервов*» («Эксперт», 18.06.2018); «*Война нервов: как Гонконг обростает новыми страхами*» («Известия», 30.08.2019); «*Англия начинает войну нервов*» («ВПК», 15.11.2021) – ср.: *Война нервов* [Мокиенко 2005: 88; Серов 2004: 133].

Заголовок «*Война нервов*» («Коммерсантъ», 30.11.2021) построен на смещении смыслового акцента на компонент *нервов*, что объясняется контекстом статьи, посвященной нервозности инвесторов, вызванной

заявлениями первых лиц государства. Примечательно, что в данном примере концепт «война» не репрезентуется в полной мере, поскольку тематика статьи ограничивается финансовой частью вопроса. Использование КЕ позволяет конкретизировать содержание статьи, заинтересовать читателя.

Следующий заголовок «*Война нервов*» («Эксперт», 18.06.2018) позволяет посредством использования семантически трансформированной КЕ актуализировать встречу президента США Дональда Трампа и руководителя КНДР Ким Чен Ына. Экспрессия, образовавшаяся в результате семантического преобразования КЕ, позволяет автору уже на этапе прочтения заголовка, отразить создавшуюся в мире напряженность; в статье автор отмечает, что ряд обозревателей, склонных к эпатажу, оценили встречу как историческую, позволяющую и предотвратить ядерный апокалипсис. Синтаксическая структура КЕ при этом остается без изменений.

Третий из представленной серии заголовков актуализирует концепт «война» посредством переосмысления значения КЕ: в качестве актуализатора выступает лексема *война*, которая в данном контексте отсылает к описываемым в статье событиям, связанными с традиционной ротацией военнослужащих китайского гарнизона. Второй компонент КЕ *нервов* вербализируется в контексте уточняемых автором обстоятельств данного маневра, связанных с продолжительными протестами в специальном административном районе КНР, что явилось поводом для появления новой волны алармизма в западных СМИ. Таким образом, расширяя значение исходной КЕ посредством ее переосмысления, автор не только интригует потенциального читателя, но и предварительно знакомит его с содержанием статьи.

В заголовке «*Англия начинает войну нервов*» («ВПК», 15.11.2021) наблюдается включение КЕ в контекст заголовка. Актуализация происходит без нарушения тождества КЕ. Созданный заголовок позволяет проследить за мыслью автора, повествующего в статье о намерениях Великобритании направить на Украину около 600 спецназовцев на фоне опасений вторжения

России в республику. Расширение семантики КЕ позволяет автору отразить степень проявления напряженности, тем самым усилив эффект экспрессии. Данная трансформация позволяет задействовать характеризующую функцию КЕ.

Представленный анализ демонстрирует серийные примеры использования трансформаций КЕ в составе заголовков, ориентированных на различные коммуникативные задачи адресанта.

Нередко при использовании песенных КЕ авторы заголовков прибегают к цитации. Чаще всего такой прием обусловлен прагматической установкой высказывания. В связи с этим представляется справедливой точка зрения И.И. Ковтуновой, отметившей, что ключевую роль играет «не то содержание, с которым связана данная цитата, а содержание того, кто цитирует, так как оно накладывает определённый отпечаток на смысл цитаты» [Ковтунова 2010: 92-98]. Таким образом, на первый план выходит первоисточник и/или автор цитируемой КЕ.

Обратимся к заголовкам, авторы которых используют КЕ-цитату из одноименной песни композитора С. С. Прокофьева на слова советского поэта В. А. Луговского «*Вставай, страна огромная!*» [Мокиенко 2005: 105; Серов 2004: 158]. Обратимся к заголовкам, содержащим данную КЕ-цитату.

Все проанализированные статьи с обозначенным заголовком посвящены событиям Великой Отечественной войны. В статье «*Вставай, страна огромная!*» («Коммунист», 10.04.2020) рассказывается о группе Краснознамённого ансамбля красноармейской песни и пляски СССР, впервые исполнившей «Священную войну» 26 июня 1941 года на Белорусском вокзале. Статья «*Вставай, страна огромная!*» («Факт», 01.05.2020) посвящена судьбам почти 20 000 балашихинцев, отправившихся на поля сражений в 1941 году, из которых около 9000 не вернулись. Автор статьи «*Вставай, страна огромная!*» («Советская Россия», 23.06.2016) описывает историю создания обозначенной песни. В статье «*Вставай,*

страна огромная! Вставай на смертный бой!» («Дагестанская правда», 07.07.2017) анализируется хронологию военных событий 1941 года.

Приведённые примеры демонстрируют частотность отсылки к первоисточнику КЕ в процессе цитации. Продемонстрирован функциональный потенциал обозначенной КЕ, способной актуализировать контексты, связанные не только с первоисточником исходного выражения, но и с событиями Великой Отечественной войны. Учитывая происхождение и вербальную задачу песни-источника, описываемый функционал представляется естественным.

«Хочешь мира – готовься к войне» («Независимая газета», 12.07.2018), *«Готовься к войне»* («Новая газета», 31.10.2021) – ср.: *Если хочешь мира, готовься к войне* [Мокиенко 2005: 528; Серов 2004: 807]. Используется при стремлении подчеркнуть важность оборонной способности, мощи вооруженных сил, способных отбить у возможных агрессоров охоту к нападению.

Среди представленных заголовков наблюдается и комплексная трансформация КЕ: в первом случае – синтаксическое преобразование (переход из сложноподчиненного предложения в сложное бессоюзное), совмещенное с использованием семы «совокупность средств, необходимых для защиты кого-, чего-л.» [МАС 2: 556], позволяет актуализировать появившийся трансформ в контексте статьи, посвященной анализу совокупного объема расходов на развитие военно-промышленного комплекса разных стран мира; во втором случае – экспликация (сужение компонентного состава) КЕ, приводящее к изменению плана выражения и плана содержания выражения единицы, что позволяет посредством образовавшегося трансформ создать отсылку к содержанию статьи, в которой публицист повествует об участии в межведомственных учебно-практических курсах для журналистов, работающих в экстремальных и особых ситуациях. Так, трансформация, используемая в представленных

примерах, позволяет авторам придать заголовкам информативность и выразительность.

Отметим, что репрезентация военных событий, описываемых в представленных статьях, осуществляется также посредством вербализации концептуальной диადы «война – мир», включающей концепт «Великая Отечественная война». Рассмотренные заголовки позволяют проследить незамкнутость крылатики, что, по мнению С.Г. Шулежковой, является констатацией «высокой степени освоенности» КЕ [Шулежкова 2002: 232]. Анализ функционирования КЕ песенного происхождения в составе современного газетного заголовка позволяет констатировать, что наиболее частотными с точки зрения крылатизации становятся песенные выражения, входящие одновременно в зачин песни и в её название [Каменев 2012: 12].

В процессе подборка и анализа заголовков военной тематики, включающих цитацию КЕ, удалось проследить тенденцию к цитированию известных военных деятелей, выражения которых уже составляют ядерную часть фразеологии. Как отмечают В.П. Берков и О.В. Беркова, в настоящее время в лингвистике различают два основных вида цитирования – эксплицитный и имплицитный. Под имплицитным цитированием исследователями понимается такой способ использования цитаты, при котором «тексте отмечается сам факт цитирования» [Берковы 2005: 8]. В подобных случаях самим автором текста сообщается, что данный отрезок текста является цитатой – в качестве сигнала могут выступать кавычки, слова, указывающие на происхождение цитируемого текста и т.д. О.В. Ломакина относит подобное использование КЕ к «формальным способам экспликации коммуникативного намерения писателя» [Ломакина 2014: 177], при котором происходит «графическая маркированность (заключение в кавычки)» исходного выражения [Там же].

Под имплицитным цитированием подразумевается использование заимствованного текста «без какой-либо сигнализации о том, что данная единица взята из другого текста» [Берковы 2005: там же].

Так, цитируемое выражение *Враг будет разбит. Победа будет за нами!* из речи народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова [Мокиенко 2005: 105; Серов 2004: 143], используя в нижеприведенной серии заголовков, актуализируя содержание статей, вербализирует концептуальную диаду «война – мир».

Статья *«Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!»* («Новое Заволжье», 02.04.2022) посвящена функционированию и публикациям данного издания в годы Великой Отечественной войны. Формируя заголовок, автор использует имплицитное цитирование, а также контаминацию, придающие заголовку экспрессивность и создающее отсылку к тематике статьи.

Автор статьи *«"Враг будет разбит, победа будет за нами"»* («Заполярная правда», 03.05.2018) рассказывает о судьбе героев-партизан Анатолии Митрофановиче Градюшко и Иване Александровиче Утрянанове. Используемые автором кавычки позволяют констатировать эксплицитное цитирование. Употребление данной КЕ в заголовке позволяет журналисту уже на этапе формирования заголовка актуализировать отраженные в статье понятия *трудность – победа*, последнее из которых вербализуется в последней части статьи: «...и в последнюю минуту фашистов неожиданно атаковали партизаны, легко разбившие карателей».

«Победа будет за нами!» («Известия», 09.05.2018). Используемая КЕ задействуется в заголовке в усеченном виде (импликация), что позволяет автору вербализовать торжественность, заложенную в исходном выражении. Трансформация компонентного состава КЕ, приводящее к сужению значения, дает возможность автору, конкретизируя сообщение статьи, не только привлечь внимание читателя, но и оказать на него эмоциональное воздействие. Таким образом, КЕ, подвергаясь преобразованию в составе заголовка, актуализируется в содержании статьи, в которой приводятся размышления главного редактора журнала «Историк» Владимира Рудакова о гордости и грусти праздника 9 Мая.

Нередко у КЕ прослеживается многоступенчатая этимология: являясь строкой из песни, она может преобразоваться в название художественного фильма и/или литературного произведения. В подобных случаях границы поиска первоисточника исходного выражения расширяются. Примером такого выражения является КЕ *Если завтра война*, которая, будучи фрагментом песни, написанной композиторами братьями Дмитрием и Даниилом Покрассами, трансформировалась в название советского кинофильма (1938) [Мокиенко 2005: 158; Серов 2004: 236]. Обозначенная КЕ используется «как напоминание о необходимости достойно встретить любую агрессию, быть постоянно готовым к отпору врагу» [Там же]. Рассмотрим заголовки, включающие данную КЕ: «*Если завтра война: критерии победы и поражения*» («Юридическая газета», 25.02.2022); «*Если завтра война*» («Новая газета», 28.07.2016) – ср.: *Если завтра война* [Мокиенко 2005: 158; Серов 2004: 236].

Заголовок «*Если завтра война: критерии победы и поражения*» включает КЕ без трансформаций; актуализация содержания статьи происходит посредством включения исходного выражения в состав бессоюзного сложного предложения. В статье автор рассматривает перспективы начавшейся «войны с Западом», анализируя критерии победы и поражения. Таким образом, происходит преобразование фразеологического значения в смысл, отраженный в статье. Актуализация происходит за счет смещения смыслового акцента на компонент *война*, являющийся в данном контексте смыслообразующим. Трансформация, посредством которой происходит переосмысление КЕ, конкретизируя ее значение, позволяет журналисту создать интригующий заголовок, тем самым привлечь внимание читателя.

Статья под заголовком «*Если завтра война*» посвящена репрессиям советского правительства в период с 24 по 30 июля 1937 года. Используемая КЕ в составе заголовка выступает в качестве актуализатора содержания статьи. Компонент *завтра*, вербализуясь в значении

«ближайшее будущее» [МАС 1: 505], актуализирует описываемое время репрессий как непосредственно близкое к войне, в то время как компонент *война* отождествляет происходящее с приближением Великой Отечественной войны, репрезентируя соответствующий концепт. Таким образом, КЕ претерпевает семантическое преобразование, в результате чего заголовок приобретает информативную насыщенность, а образовавшаяся экспрессия транслирует потенциальному читателю авторские интенции.

Таким образом, одной из особенностей употребления КЕ в составе современного заголовка можно считать серийность, которая позволяет выявить наиболее востребованные КЕ.

К подобным КЕ можно отнести строку из песни «День Победы», написанной композитором Д.Ф. Тухмановым на стихи В. Харитонова: «**Пол-Европы прошагали, полземли**» («Северная вахта», 12.05.2015), «**Мы пол-Европы прошагали, полземли**» («Крымская газета», 03.12.2015), «**Пол-Европы прошагал он, полземли...**» («Курганские известия», 12.05.2015) – ср.: «**Пол-Европы прошагали, полземли**» [Мокиенко 2005: 383; Серов 2004: 602].

Представленные заголовки конкретизируют и актуализируют содержание статей, посвященных непростой судьбе участников Великой Отечественной войны. Заголовок «**Пол-Европы прошагали, полземли**» («Северная вахта», 12.05.2015) построен на импликации, что приводит к отсылке к первоисточнику выражения, за счет чего достигается актуализация темы войны. Вербализация КЕ в составе остальных заголовков осуществляется в том числе и за счет экспликации КЕ – расширения компонентного состава посредством включения местоимений «мы», «он», что позволяет сфокусировать внимание читателя на персоне, описываемой в статье (персонализация). В результате данных преобразований наблюдается частичное преобразование семантики исходного выражения, что позволяет авторам, используя образовавшуюся экспрессивность заголовков, частично погрузить читателя в контекст статьи.

Анализ приведенных заголовков демонстрирует богатый функциональный потенциал использованных КЕ и их вариантов, в результате чего становится возможным образование серийности. Рассмотренные примеры позволяют констатировать, что использование заголовка в большинстве случаев тематически детерминировано. Наиболее часто доминирует сема "организованная вооруженная борьба между государствами или общественными классами". Отметим функциональную составляющую темпорального компонента КЕ, который, переосмысляясь в процессе включения КЕ в состав заголовка, утрачивает значение. Подобные преобразования способствовали репрезентации событий в заголовке и установлению коммуникативной связи с адресатом.

В ходе анализа заголовков, в состав которых входят КЕ, репрезентирующие исследуемую диаду «война – мир», было установлено, что данные выражения могут актуализироваться в заголовках статей, соответствующих не только тематике описываемой диады, но и другим тематическим направлениям.

В качестве примера приведем КЕ *Перековать мечи на орала*, являющейся частью Ветхозаветного предсказания второго пришествия Иисуса Христа. Рассмотрим серию заголовков «*Перекуем мечи на орала*» («Коммерсантъ», 08.10.2019); «*Перекуем мечи на орала - если получится...*» («Протестант», 08.10.2019) – ср.: *Перековать мечи на орала* [Серов 2004: 573] (используется в значении установления мира, «отказа от войны и военных приготовлений, перехода к мирному труду»).

Используемая КЕ актуализирует сему «перейти к мирному труду». Сужение значения исходного выражения ведет к переосмыслению КЕ, что позволяет репрезентировать в заголовке контекст статьи, в которой идет речь о поставляемых в СССР союзниками в годы Великой Отечественной войны легких внедорожниках марки Willys, впоследствии трансформирующейся в бренд Jeep. Таким образом, у образовавшегося инварианта наблюдается двойная актуализация, приводящая в том числе и к репрезентации

исследуемой концептуальной диады, в результате чего КЕ в составе заголовка приобретает не только оттенок нового образования, но и яркую образность.

Аналогичен заголовок, в основе которого лежит та же КЕ, «*Перекуем мечи на орала - если получится...*» («Протестант», 08.10.2019). Используемая автором экспликация КЕ, приводящая к расширению исходного значения выражения, актуализирует в заголовке содержание статьи, посвященной анализу процентного соотношения доли выпуска гражданской продукции оборонными предприятиями в 2018 году. Семантическое преобразование в данном случае выполняет ключевую роль. Обыгрывание КЕ в составе заголовка позволяет автору сделать заголовок более экспрессивным, что позволяет привлечь внимание потенциального читателя.

Подобные случаи семантической трансформации можно встретить при серийном использовании КЕ в составе заголовков. Так, использование КЕ *У войны – не женское лицо* [Серов 2004: 768] в составе нижеприведенных заголовков позволяет без компонентной и синтаксической трансформации исходного выражения задействовать КЕ в качестве актуализатора содержания статьи. Таким образом, инварианты, построенные на переосмыслении исходного выражения, позволяют авторам заголовков актуализировать информацию, содержащуюся в статье: «*У войны не женское лицо*» («Дилетант», 17.06.2016); «*У войны не женское лицо*» («Наша Газета», 08.03.2022) – ср.: *У войны – не женское лицо* [Серов 2004: 768]. Статьи посвящены книге Светланы Алексиевич, содержащей воспоминания женщин, участвовавших в Великой Отечественной войне.

Входя в состав заголовка, КЕ-трансформы как новообразования могут реализовывать несколько функций одновременно. А.В. Шумилова подчеркивает, что подобные новообразования способны деавтоматизировать «восприятие газетного текста», что, по мнению исследователя, «является залогом более внимательного его прочтения адресатом» [Шумилова 2011: 8]. Автор приходит к выводу, что под экспрессивностью образовавшихся

выражений, их способности выражать авторскую оценку нередко обнаруживается тенденция к агрессии, способствующей активному проявлению как рекламной, так и экспрессивной функции заглавия [Там же]. Таким образом, авторские интенции, непосредственно связанные с экспрессией образовавшихся трансформов, могут проявлять более конкретный характер. Подобные заголовки, как правило, сочетают экспрессивность и агрессию.

Анализ рассмотренных заголовков позволяет говорить о концептуальной диаде «война – мир» как о концепте, сопряженным с такими концептами, как «спорт», «политика», «общество».

Нередко КЕ, анализируемые с позиций серийного использования, происходят из синтетических видов искусства – чаще всего песен.

Репрезентация рассматриваемой диады посредством актуализации рассмотренных КЕ демонстрируют трансформационного потенциала крылатики, что позволяет ее рассматривать в качестве одного из наиболее употребительных языковых средств, используемых в современной публицистике. Отметим, что употребление КЕ в составе анализируемых заголовков в качестве сильной позиции текста можно рассматривать как одну из отличительных черт современной публицистики, так как в сравнении с прочими композиционными составляющими газетной статьи именно у заголовка наблюдается особая коммуникативная нагрузка.

Анализ позволяет констатировать, что в контексте заголовка наблюдается актуализация КЕ, ее трансформация, а также преобразование исходного фразеологического значения в смысл, отражаемый в статье. Таким образом, наблюдаемое в рассматриваемых примерах употребление крылатики, обусловленное реализацией ее функционального потенциала в текстах различных стилей и жанров, позволяет говорить о крылатологии как об одном из наиболее актуальных направлений современной лингвистики.

Выводы по второй главе

Наблюдаемое деривационное поле репрезентуемых концептов, частотность репрезентации данных концептов в текстах современного медиадискурса посредством трансформации КЕ дает основания полагать, что сегодня понятия *здоровье, спорт, общество, война* прочно закрепились в концептосфере современного медиадискурса. Анализ помог установить, что трансформация КЕ в заголовках СМИ расширяют область значений исследуемых концептов.

Рассматриваемые примеры содержат анализ как трансформов, так и инвариантов исходных КЕ.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что исследуемые концепты репрезентуются как ядерными составляющими, так и варьированием периферийных компонентов. В ходе рассмотрения появилась возможность выявить ключевую роль компонентов, мотивирующих концептуальное содержание КЕ, в результате чего посредством актуализаторов происходит осуществление первичной коммуникативной задачи журналиста – установление вербального контакта с читателем. установить определяющую роль компонентов, актуализирующих концептуальное содержания КЕ, в результате чего, используя актуализаторы, журналисту удастся осуществить свою первичную коммуникативную задачу – установление вербального контакта с читателем.

Проведенные исследования подтверждают вывод о том, что современные журналисты широко используют КЕ, особенно в процессе создания заголовков. Прослеживается тенденция к использованию авторами лозунговой функции КЕ. В ходе анализа удалось также установить, что самым распространенным приемом трансформации КЕ является субституция, при этом остальные приемы также способствуют образованию яркого, содержательного и запоминающегося заголовка.

Рассматриваемые примеры демонстрируют случаи репрезентации концептов «спорт», «общество», «здоровье – болезнь», «война – мир» посредством других, сопредельных концептов, что позволяет отнести их к макроконцептам. Таким образом, наблюдаемое в рассматриваемых примерах употребление крылатики, обусловленное реализацией ее функционального потенциала в текстах различных стилей и жанров, позволяет говорить о крылатологии как об одном из наиболее актуальных направлений современной лингвистики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование функционального потенциала КЕ в составе современного газетного заголовка, посредством которых осуществлялась лексическая репрезентация концептов «спорт», «общество», «здоровье – болезнь», «война – мир», подразумевает изучение в том числе ядерных и периферийных признаков, выявляющих семантику и валентность лексем.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что ценностные компоненты концептов «спорт», «здоровье – болезнь», «общество», «война – мир» в языке газетного дискурса вербализуются посредством использования фразеологических единиц; языковая игра, используемая автором заголовка в процессе вербализации обозначенных концептов, позволяет задействовать сразу несколько прагматических функций заголовка – номинативную, информативную, прагматическую, графически-выделительную, а употребление КЕ в составе анализируемых заголовков как сильной позиции текста можно рассматривать как одну из отличительных черт современной публицистики, так как по сравнению с прочими композиционными составляющими газетной статьи именно у заголовка наблюдается особая коммуникативная нагрузка.

В современной российской прессе наблюдается активное функционирование различных КЕ. Публицист, ориентированный на создание экспрессии, способствующей привлечению внимания читателя, использует образные сравнения, выстраивая языковую игру, в результате чего происходит трансформация КЕ-инвариантов посредством незначительных лексических замен (субституции) или абсолютной трансформации исходного выражения. Анализ показал, что заголовки текстов современной российской публицистики наиболее часто содержат КЕ-трансформы, реже – КЕ-инварианты. В качестве наиболее распространенного способа изменения КЕ выступают субституция и комплексное

преобразование, подразумевающее одновременное использование нескольких приемов трансформации.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что в современной российской публицистике в качестве репрезентантов исследуемых концептов («общество», «спорт», «здоровье – болезнь», «война – мир») выступают именно КЕ, а среди данных единиц наиболее употребительными являются трансформы, посредством которых становится возможным актуализировать план содержания и / или план выражения КЕ.

Анализ позволил выявить серийное употребление определенных КЕ в составе заголовков, что объясняется популярностью данных выражений у носителей языка. Часто источниками КЕ, анализ которых осуществляется с позиций серийного использования, являются синтетические виды искусства – чаще всего песни. Анализ позволяет констатировать, что в контексте заголовка наблюдается актуализация КЕ, ее трансформация, а также преобразование исходного фразеологического значения в смысл, отражаемый в статье.

Рассмотренный материал наглядно подтвердил одну из основных гипотез о том, что концепты «спорт», «общество», «здоровье – болезнь», «война – мир» относятся к базисным концептам русской языковой картины мира, которые входят в систему ценностей носителей языка.

В качестве одной из черт современного политического дискурса можно отметить серийность, т.е. создание серии заголовков с использованием определенной КЕ, позволяющей не только охарактеризовать язык журналиста, но и отобразить авторские интенции с целью экспликации различных видов коммуникативного намерения. Подобное использование КЕ демонстрирует отличительные характеристики крылатики как элемента фразеологии: воспроизводимость, незамкнутость, связь с источником. Рассматриваемое серийное употребление КЕ позволяет проследить, как в языковом сознании пишущего происходит смещение данного периферийного раздела фразеологии в ядерную зону.

К основным функциям современного публицистического дискурса относятся информационная и воздействующая; в связи с этим следует отметить, что уровень убедительности текста газеты находится в прямой зависимости от его экспрессивности, которая достигается в большинстве рассмотренных случаев именно за счет реализации функционального потенциала крылатики. Результаты нашего исследования позволяют констатировать, что все функции КЕ находят своё отражение в рассмотренных заголовках газетных текстов.

Наиболее часто в качестве источников используемых КЕ выступают классическая литература и синтетические виды искусства.

Таким образом, исследуемое в рассматриваемых примерах употребление КЕ, приводящее к репрезентации базисных компонентов современной концептосфере русского языка, в число которых входят концепты «спорт», «общество», «здоровье – болезнь», «война – мир», обусловлено реализацией ее функционального потенциала. Отметим, что подобная репрезентация свойственна текстам различных стилей и жанров, что позволяет рассматривать крылатологию в качестве одного из наиболее актуальных и перспективных направлений современной лингвистики.

Данное исследование позволило представить первый опыт комплексного изучения механизмов прагматического воздействия КЕ в заголовках современных российских газетных печатных изданий (2011-2022), позволяющего осуществить вербализацию базовых концептов русской языковой картины мира. Кроме того, исследование позволило ввести в научный оборот корпус современных газетных заголовков, включающих КЕ.

Перспективой исследования является характеристика функционального потенциала КЕ в интернет-изданиях, тексте новостей и комментариях к ним; отдельное внимание может быть уделено средствам создания языковой игры в заголовках с использованием КЕ. Кроме того, авторская картотека может быть использована в качестве основы словаря современной газетной публицистики.

Литература

1. Аладьин, В.В. Помни войну: (аналитический доклад российскому интеллектуальному клубу) / В. Аладьин, В. Ковалев, С. Малков, Г. Малинецкий. – Москва: Ин-т русской цивилизации, 2016. – 469 с.
2. Алексеев, А. Б. Концепты "политика", "политик" в англоязычном индийском массмедийном дискурсе / А.Б. Алексеев // Журнал Белорусского государственного университета. – 2022. – № 1. – С. 71-81.
3. Арутюнян, В. С. Общественно – политическая фразеология в призме межкультурной коммуникации / В. С. Арутюнян // Язык. Словесность. Культура. – 2015. – № 1. – С. 30-43.
4. Баева, Г. В. Семантико- прагматические особенности вербальных и невербальных знаков в рекламном дискурсе : специальность 10.02.04 "Германские языки" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Баева Галина Валентиновна; Тамбовский гос. ун-т им. Г. А. Державина. – Тамбов, 2000. – 24 с.
5. Базарбаева, А. М. Текст как объект лингвистического исследования / А. М. Базарбаева // NovaInfo.Ru. – 2019. – № 110. – С. 68-69.
6. Блейн, Н. Спорт как жизнь: СМИ, спорт и культура / Н. Блейн, Р. Бойл // Медиа. Введение: учебник для студентов вузов, обучающихся по гуманитарно-социальным специальностям (020000) и специальностям «Связи с общественностью» (350400) и «Реклама» (350700); под ред. А. Бриггза, П. Кобли; пер. с англ. [Ю.В. Никуличева]. – 2-е изд. – Москва: ЮНИТИ– ДАНА, 2005. – С. 464-475.
7. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. – 236 с.
8. Большакова, Г. Н. К вопросу об авторстве и индивидуальности преобразования единиц фразеологического яруса языка в художественном дискурсе / Г. Н. Большакова // Структура и семантика: доклады XII

международной конференции. Т. 2. – Москва.: ТВТ Дивизион, 2009. – С. 27-34.

9. Буженинов, А. Э. Метафорическая репрезентация концепта "политика США" в идиостиле Анри Жиру / А. Э. Буженинов // Политическая лингвистика. – 2020. – № 1 (79). – С. 35-41.

10. Вакуров, В.Н. Фразеологический каламбур в современной публицистике / В.Н. Вакуров // Русская речь. – 1994. – № 6. – С. 40-47.

11. Варзапова, В. Ю. Заголовок англоязычного медиатекста как объект лингвосемиотического исследования : на материале заголовков сетевых версий изданий The Telegraph и The Independent : специальность 10.02.04 "Германские языки" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Варзапова Виктория Юрьевна ; Московский городской педагогический университет. – Москва, 2020. – 203 с.

12. Варченко, Т. Г. К вопросу о терминологическом аппарате и становлении крылатологии как самостоятельной лингвистической дисциплины / Т. Г. Варченко, Л. А. Рачковская // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4 (41). – С. 34-37.

13. Вахтель, Н.М. Газетный заголовок как речевой акт / Н. М. Вахтель // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2004. – № 1. – С. 82-83.

14. Вахтель, Н.М. Основы прагмалингвистики: Учебно-методическое пособие для вузов [Электронный ресурс] / Н.М. Вахтель – Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2008. – 34 с. – Систем. требования: Intel Pentium 1,6 GHz и более ; 256 Мб (RAM) ; Microsoft Windows XP и выше ; Firefox (3.0 и выше) или IE (7 и выше) или Opera (10.00 и выше), Flash Player, Adobe Reader. – Загл. с титул. экрана.

15. Верещинская, Ю.В. Газетный заголовок в аспекте медиалингвистики (на материале испанской прессы) / Ю.В. Верещинская // Вестник МГЛУ. – 2009. – № 561. – С. 126-136.

16. Вомперский, В. П. К изучению синтаксической структуры газетного заголовка / В. П. Вомперский // Искусство публицистики : пробл. теор. и практ. – Алма-Ата: [б.и.], 1966. – С. 82-85.
17. Гаврилова М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / М. В. Гаврилова // Полис. – 2004. – № 3. – С. 127-139.
18. Галкина-Федорук, Е.М. Суждения и предложения / Е.М. Галкина-Федорук. – Москва : Изд-во МГУ, 1956. – 72 с.
19. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – Москва: РГБ, 2004. – 139 с.
20. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. – Москва : Айрис– пресс, 2010. – 448 с.
21. Голубенко, Е. А. Особенности репрезентации концептов война и мир на основе результатов психолингвистического эксперимента (на материале русского, английского и японского языков) / Е. А. Голубенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 3. – С. 115-120.
22. Горячева, Е.Д. Определение крылатых выражений и их отграничение от смежных явлений / Е.Д. Горячева // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 4. – С. 163-169.
23. Гутцайт, Р. Л. Спортивное комментирование и его роль в телевизионной медиатизации : специальность 10.01.10 "Журналистика" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гутцайт Роман Леонидович ; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2012. – 200 с.
24. Дедюкова, М. В. Языковая личность в публицистическом дискурсе (на материале немецких журнальных текстов) : специальность 10.02.04 "Германские языки" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Дедюкова Марина Валерьевна ;

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова . – М., 2009.
– 23 с.

25. Десюк, Д.В. Специфика отражения темы спорта на современном российском телевидении: телеканал «Спорт» 2003– 2009 гг. : специальность 10.01.10 "Журналистика" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Десюк Денис Вячеславович ; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2010. – 18 с.

26. Диброва, Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке / Е.И. Диброва. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1979. - 192 с.

27. Добросклонская, Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т.Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 20-33.

28. Добросклонская, Т.Г. Язык средств массовой информации: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным специальностям / Т.Г. Добросклонская. – Москва: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. ин. яз. и регионоведения, 2008. – 115 с.

29. Долгирева, А.Э. Газетный заголовок в прагмалингвистическом аспекте: специальность 10.02.01 русский язык "Русский язык" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Долгирева Альбина Эдуардовна; Таганрог. гос. пед. ин-т. – Таганрог, 2002. – 298 с.

30. Доценко, М.Ю. Синтаксис газетного заголовка: структура, семантика, прогнозирование смыслового развития текста: специальность 10.02.01 "Русский язык" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Доценко Мария Юрьевна ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2009. – 243 с.

31. Дроняева, Т.С. О некоторых особенностях повествования в спортивных репортажах / Т.С. Дроняева // Спорт в зеркале журналистики: (о

мастерстве спортивного журналиста) / Сост. Г.Я. Солганик. – Москва : Мысль, 1989. – С. 127-134.

32. Дускаева, Л.Р. Медиадискурс // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой. – Москва : ФЛИНТА, 2018. – С. 55-61.

33. Дускаева, Л.Р. Медиалингвистика в терминах и понятиях : Словарь – справочник под ред. Л.Р. Дускаевой / Л. В. Балахонская, А. А. Беловодская, А. В. Болотнов [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2020. – 440 с.

34. Евтушок, Ю. Г. Языковая репрезентация концепта CRIME: специальность 10.02.04 "Германские языки": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Евтушок Юлия Григорьевна ; Иркутский государственный лингвистический университет. – Иркутск, 2004. – 15 с.

35. Завьялов, А. А. Текст как лингвистический объект и как инструмент дидактики перевода / А. А. Завьялов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2007. – № 1. – С. 264-270.

36. Зырянова, И.П. Прецедентные феномены в заголовках российской и британской прессы (2005–2009): специальность 10.02.20 "Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Зырянова Ирина Петровна ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2010. – 24 с.

37. Иванова, М. В. Публицистика в истории русского литературного языка: от древнерусской словесности к интернет-коммуникации / Иванова М. В., Клушина Н. И. // Русистика. – 2018. – №1. – С. 50-62.

38. Исаева, А. Ю. Коммуникативно – прагматические особенности газетного заголовка (на материале англоязычных интернет-изданий):

специальность 10.02.20 "Сравнительно-историческое, сопоставительное языкознание" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Исаева Анастасия Юрьевна ; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – М., 2017. – 200 с.

39. Кадачиева, Х. М. Концептосфера как способ структурирования когнитивного пространства / Х. М. Кадачиева, Д. С. Алиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6–1 (48). – С. 64-66.

40. Каменев, К. В. Крылатые единицы, восходящие к синтетическим жанрам искусства, в современном русском и английском языке : специальность 10.02.20 "Сравнительно-историческое, сопоставительное языкознание" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Каменев Константин Владимирович ; Челябинский государственный педагогический университет. – Челябинск, 2012. – 23 с.

41. Карамова, А.А. Политическая фразеология: определение понятия и типология / А.А. Карамова // Евразийский союз ученых. – 2015. – №7– 5 (16). – С. 38-41.

42. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж / Воронежский государственный университет. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С.75-80.

43. Каримова, Т.Ф. К вопросу о синтаксическом статусе заголовка / Т.Ф. Каримова // Проблемы сверхфразовых единств. Семантико-синтаксическая структура: межвуз. темат. сб. – Уфа: БГУ, 1985. – С. 46-49.

44. Кибрик, А.А. Функционализм и дискурсивно– ориентированные исследования / А.А. Кибрик, В.А. Плунгян // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – С. 307-323.

45. Клушина, Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000 – 2008 гг.): специальность 10.01.10 "Журналистика" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Клушина Наталья Ивановна ; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2008. – 56 с.

46. Клушина, Н. И. Стиль массовой коммуникации. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник / Н. И. Клушина. – Москва : Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова., 2010. – 64 с.

47. Клюкина, Т. П. Политика и крылатика : Высказывания видных полит., гос. и обществ. деятелей Великобритании, Ирландии, США и Канады : англо-рус. справ.– пособие / Клюкина, Татьяна Петровна. – Москва : Р. Валент, 2004. – 230 с.

48. Ковалев, А.М. Место и роль политики в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2013. – № 3. – С. 22-41.

49. Ковтунова, Е.А. Новые значения как результат игры слов / Е.А. Ковтунова // За каждым словом стоит целый мир. Сб. научных статей, посвящённый юбилею профессора кафедры немецкой филологии / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2010. – С. 92-98.

50. Кожемякин, Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 12 (83). Выпуск 6. – С. 13-21.

51. Кожина, М.Н. Взаимоотношение стилистики и смежных дисциплин / М.Н. Кожина // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – Москва: Флинта, 2003. – С. 25-33.

52. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – Москва : АН СССР. Ин-т языкознания, 1975. – 232с.

53. Комаров, Е.Н. Ценностные ориентиры в заголовках французских и российских средств массовой информации: специальность 10.02.20 "Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Комаров Евгений Николаевич ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград., 2003. – 20 с.

54. Коньков, В.И. Речевая структура газетного текста / В. И. Коньков. – Санкт-Петербург. : Изд-во СПб ун-та, 2004. – 221 с.

55. Кормилицына, М.А. Язык СМИ: учебное пособие / М.А. Кормилицына, О.Б. Сиротинина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. – 92 с.

56. Коротеева, О. В. Дефиниция в педагогическом дискурсе : специальность 10.02.19 "Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Коротеева Ольга Васильевна ; Волгоградский гос. пед. ун-т. – Волгоград, 1999. – 24 с.

57. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – Москва : Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с. – *КСКТ*

58. Кржижановский, С.Д. Поэтика заглавий / С.Д. Кржижановский. – Москва : Никитинские субботники, 1931. – 32 с.

59. Кривошлыкова, Л. В. К определению понятия "дискурс" / Л. В. Кривошлыкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2010. – № 3. – С. 42-47.

60. Крячко, В. Б. Концептосфера "война" в английской и русской лингвокультурах : специальность 10.02.20 "Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Крячко

Владимир Борисович ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2007. – 24 с.

61. Крячко, В. Б. Понятийные характеристики концепта «Война» в английской и русской лингвокультурах / В. Б. Крячко // Известия ВГПУ. – 2007. – №2. – С.26-30.

62. Лазарева, Э. А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия / Э. А. Лазарева. – Урал : Изв. Урал. гос. ун-та. – 2006. – № 40. – С. 158-166.

63. Лазарева, Э.А. Заголовок в газете: Учеб. пособие. 2–е изд. доп. и перераб. / Э.А. Лазарева. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. – 84 с.

64. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – Вып. 1. – № 1. – С. 3-9.

65. Ломакина, О. В. К вопросу об определении центра современной крылатики / О.В. Ломакина // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: материалы докладов и сообщений Международной научно–практической конференции. Москва, 22–23 октября 2019 г. / под ред. А. С. Борисовой, А. В. Игнатенко, Т. В. Лариной, О. В. Ломакиной. Москва: РУДН, 2019. – С. 259-265.

66. Ломакина, О. В. Крылатые единицы в роли современного газетного заголовка: состав, тенденции употребления / О.В. Ломакина // Русский язык за рубежом. – 2019. – № 1. – С. 37-41.

67. Ломакина, О. В. Паремии в контексте: способы экспликации коммуникативного намерения (на материале текстологии Л. Н. Толстого) / О. В. Ломакина // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Филологические науки. – 2014. – № 77. – С. 177-180.

68. Ломакина, О. В. Реализация функционального потенциала крылатики в современной российской публицистике / О. В. Ломакина // Филология и культура. – 2019. – № 1 (55). – С. 76-79.

69. Ломакина, О. В. Серийность как черта заголовка современной российской публицистики (на материале статей 2000–2020 гг.) / О. В. Ломакина // Филология и культура. – 2020. – № 2 (60). – С. 60-64.

70. Ломакина, О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль / О. В. Ломакина. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2018. – 344 с.

71. Ломакина, О.В. Крылатика в современном культурном контексте / О.В. Ломакина В. М. Мокиенко // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – № 2. – С. 256-272.

72. Ломакина, О. В. Текст художественной литературы как основа для интернет-мема: из опыта анализа современных рецептов / О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбова // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 437. – С. 36-44.

73. Ломакина, О.В. Варьирование крылатых единиц как способ расширения репрезентантов концепта (на материале газетных заголовков 2020–2022 гг.) / О.В. Ломакина, А.А. Хохлов // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. – 2022. – № 1 (37). – С. 72-80.

74. Лукин, В.А. Художественный текст: Основы теории и элементы анализа / В.А. Лукин. – Москва : Ось-89, 1999. – 560 с.

75. Лукин, Ю.А. Философский анализ феноменов и категорий «здоровье/болезнь»: специальность 09.00.01 "Онтология и теория познания" : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Лукин Юрий Алексеевич ; Кемеров. гос. акад. культуры и искусств. – Барнаул, 2003. – 155 с.

76. Ляпун, С.В. Лексико-семантические и стилистические особенности современного газетного заголовка (на материале газеты «Комсомольская правда» за 1994 – 1998): специальность 10.02.01 " Русский язык " : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических

наук / Ляпун Светлана Владимировна ; Адыгейский гос. ун-т. – Майкоп, 1999. – 185 с.

77. Макаренко, В. П. Политическая концептология: первые итоги разработки / В. П. Макаренко // Пространство экономики. – 2008. – № 2. – С. 98-122.

78. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – Москва: Гнозис, 2003. – 276 с.

79. Макарова, А.С. Амбивалентность функционального потенциала крылатого выражения Я – Шарли / А.С. Макарова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – Т. 6. № 4. – С. 566-577.

80. Макарова, А. С. Особенности трансформаций крылатых выражений-галлицизмов в функции заголовка медиатекста (сопоставительный аспект) / А. С. Макарова // Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 14–15 ноября 2017 г. – Москва : РУДН, 2017.– С. 254-259.

81. Макарова, А. С. Особенности функционирования крылатых выражений-галлицизмов в современной французской и российской публицистике : специальность 10.02.20 "Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание " : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Макарова Александра Стефановна ; Рос. ун-т дружбы народов. – Москва, 2016. – 22 с.

82. Макарова, А. С. Реализация трансформационного и креативного потенциала крылатики в медиадискурсе / А. С. Макарова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – №2. – С.273-287.

83. Макарова, А.С. Роль крылатых выражений-галлицизмов в построении публицистических текстов / А.С. Макарова // Медиалингвистика. – 2017. – № 3 (18). – С. 41-50.

84. Макарова, А. С. Современная крылатология: становление терминологического аппарата / А. С. Макарова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 1. – С. 223-242.

85. Маркелова, Т. В. Концептосфера «здоровье – болезнь»: культурный код / Т. В. Маркелова, М.Л. Новикова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – № 3. – С. 848-874.

86. Мелерович, А.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко // Кострома: Изд-во Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, 2008. – 484 с.

87. Моисеенко Л. В. Прецедентное пространство русского массмедийного дискурса / Л. В. Моисеенко, Х. Э. Керо // Русистика. – 2021. – № 4. – С. 453-465.

88. Мокиенко, В. М. В глубь поговорки / В. М. Мокиенко. – Москва : Просвещение, 1975. – 174 с.

89. Мокиенко, В.М. Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений (опыт словаря– справочника) / В.М. Мокиенко // Текст культуры и культура текста. Материалы IV Международного педагогического форума. Редколлегия: Л.А. Вербицкая, С.И. Богданов, О.Е. Дроздова [и др.]. – Сочи : Общество преподавателей русского языка и литературы, 2017. – С. 222-228.

90. Мокиенко, В. М. Может ли лозунг стать рекламой? / В. М. Мокиенко // Германия – Россия: Вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса : коллективная монография. – Грайфсвальд : Университет им. Эрнста Морица Арндта, 2016. – С. 36-45.

91. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология: учеб. пособие / В.М. Мокиенко. – Москва : Высшая школа, 1980. – 207 с.; 2– е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 1989. – 287 с.

92. Наер, В.Л. Прагматические аспекты языка газеты / В.Л. Наер, // Лингвистика и методика в высшей школе (XI): Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 205. – Москва : МГПИИЯ, 1983. – С.49-58.

93. Наумова, Е. О. Особенности функционирования прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе : специальность 10.02.01 "Русский язык" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Наумова Елена Олеговна; Рос. ун-т дружбы народов. – Москва, 2004. – 20 с.

94. Нелюбова, Н. Ю. Репрезентация аксиологической диады мир / война как элемента языковой картины мира (на материале французского языка) / Нелюбова, Н. Ю., Финская Т. Е. // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы XI Междунар. науч. конф., Челябинск, 7–9 апр. 2022 г. : в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Л. А. Нефедова. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. – С. 126-128.

95. Никитина, Ю. А. Функционирование и вербализация концепта "чудесное" в газетном дискурсе в русском и английском языках / Ю. А. Никитина // Научный вектор Балкан. – 2020. – Т. 4. – № 3(9). – С. 75-78.

96. Никифорова, Ж. А. Особенности репрезентации концепта "общество" в российских периодических изданиях / Ж. А. Никифорова // Мировая наука и образование в условиях современного общества : Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 4 частях, Москва, 30 октября 2014 года / ООО "АР– Консалт". Том Часть I. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "АР– Консалт", 2014. – С. 64-65.

97. Новиков, Л.А. Избранные труды. Том 1. Проблемы языкового значения. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – С. 29-53.

98. Оломская, Н. Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса / Н. Н. Оломская // Научный диалог. – 2013. – № 5 (17). – С. 250-259.

99. Орлова, О.В. Проблема соотношения понятий стиля и дискурса в лингвистике начала XXI В. В контексте идей М. Н. Кожинной / О.В. Орлова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 4 (24). – С.19-25.

100. Пенягина, Е.Б. Вариативность концепта "здоровье": лингвокогнитивное исследование / Е.Б. Пенягина // Социо- и психолингвистические исследования. – 2020. – Вып. 8. – С. 156-160.

101. Передриенко, Т. Ю. Репрезентация концептов "общество" и "society" в лексикографическом дискурсе / Т. Ю. Передриенко, Е. С. Баландина // Вопросы лексикографии. – 2020. – № 17. – С. 51-73.

102. Песина, С.А. Инвариантность в когнитивной лингвистике и философии языка: учеб. пособие 2-е изд., стер. / С.А. Песина. – Москва: Флинта, 2014. – 155 с.

103. Петкау, А. Ю. Концепт здоровье: модификация когнитивных признаков (по данным газетных и рекламных текстов советского и постсоветского периодов) : специальность 10.02.01 "Русский язык" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. Ю. Петкау ; Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина – Екатеринбург, 2015. – 27 с.

104. Петкау, А. Ю. Тезаурусная презентация концепта "здоровье" / А. Ю. Петкау // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3 (45). – С. 207-210.

105. Петрушова, Н.В. Структура концепта «спорт» в наивной картине мира / Н.В. Петрушова // Ползуновский альманах. – 2015. – № 3. – С. 170-174.

106. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.

107. Пименова, М.В. Концепт «политика» и способы его репрезентации / М.В. Пименова // Известия Уральского государственного педагогического университета. лингвистика. – 2005. – № 15. – С. 32-39.

108. Питина, С. А. Когнитивная лингвистика и смежные лингвистические науки о взаимодействии языка и мышления / С. А. Питина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 24 (315). – С. 35-37.

109. Попов, А.С. Синтаксическая структура современного газетного заголовка и ее развитие / А.С. Попов // Развитие синтаксиса современного русского языка. – Москва, 1966. – С. 95-126.

110. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике: монография / Попова, З. Д., Стернин И. А. – Воронеж : Истоки, 2001. – 98 с.

111. Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 1999. – 30 с.

112. Потапчук, М. А. Концепт «Война» в русском языке и культуре / М. А. Потапчук // Челябинский гуманитарий. – 2011. – № 4 (17). – С. 48-52.

113. Прокофьева, В.Ю. Новостной заголовков в цифровом пространстве сми: прагмалингвистические возможности / В.Ю. Прокофьева, // Медиариторика и современная культура общения: наука- практика- обучение / Сборник статей XXII Международной научной конференции. – Санкт-Петербург : СПбГИКиТ, 2019. – С.173-176.

114. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – Москва : Флинта: Наука, 2009. – 176 с.

115. Радчук, А. В. Концепты «мир» и «война» в современном геополитическом контексте / А. В. Радчук // Информационные войны. – 2017. – № 2 (42). – С. 28-33.

116. Ремчукова, Е. Н. «Прецедентный мир» Ф.М. Достоевского в социокультурном и «игровом поле» современных медиа / Е.Н. Ремчукова, Л.А. Кузьмина // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – № 1. – С. 45-67.

117. Романова, Т. В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности: научная монография / Т.В. Романова. – Н. Новгород : Деком, 2019. – 117 с.

118. Ронгинский, В.М. Синтаксические модели заголовков и их использование в разных стилях речи: специальность 10.00.00 "Филологические науки" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ронгинский Владимир Михайлович ; АН УССР. Отд-ние литературы, языка и искусствоведения. – Киев, 1965. – 20 с.

119. Романова, Т. В. Концепт 'Общество' по данным русскоязычных Интернет– форумов / Т. В. Романова // Русский язык в поликультурном мире : Сборник научных статей III Международного симпозиума, в 2– х томах, Ялта, 08–12 июня 2019 года / Ответственный редактор Е.Я. Титаренко. Том 1. – Ялта: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2019. – С. 401-406.

120. Рылов, А.С. История вербализации концепта «спорт» / А.С. Рылов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. – 2014. – № 6. – С. 232-235.

121. Сабина, Е.А. Коммуникативная функция газетного заголовка (на материале арабской и российской прессы): специальность 10.02.22 "Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Америки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи)" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сабина Елена Александровна ; Институт востоковедения. – Москва, 2017. – 176 с.

122. Семенец, О. П. Особенности газетных заголовков второй половины XX века / О. П. Семенец // Слово. Семантика. Текст: Сб. научных трудов, посвященный юбилею проф. В. В. Степановой. СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – С. 186-190.

123. Скнарев, Д. С. Создание образа в рекламных текстах на рынке недвижимости / Д. С. Скнарев, Е. В. Музыкант // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2020. – № 2. – С. 250-259.

124. Сквородников, А. П. Об определении понятия «языковая игра» / А. П. Сквородников // Игра как прием текстопорождения: коллективная монография под ред. А. П. Сквородникова. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2010. – С. 50-62.

125. Смирнова, Л.Г. Нарушение языковой нормы как прагматический сигнал говорящего (в развитие идей Ф.Ф. Фортунатова, изложенных в статье «Видоизменения в произнесении слов как знаки языка») / Л.Г. Смирнова // Фортунатовские чтения в Карелии: сб. докладов международной научной конференции (10– 12 сентября 2018 г., г. Петрозаводск), в 2 частях. Часть 1. – Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 2018. – С. 52-54.

126. Смирнова, О. М. К вопросу о методологии описания концептов / О. М. Смирнова // Вестник ННГУ. – 2009. – № 3. – С 247-253.

127. Снятков, К.В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса : специальность 10.02.01 " Русский язык " : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Снятков, Константин Владимирович ; Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда, 2008. – 25 с.

128. Солганик, Г. Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста / Г. Я. Солганик // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2001. – № 3. – С. 74-83.

129. Солганик, Г.Я. О языке спортивной журналистики / Г.Я. Солганик // Спорт в зеркале журналистики: (о мастерстве спортивного журналиста) / Сост. Г.Я. Солганик. – Москва : Мысль, 1989. – С. 143-157.

130. Солганик, Г. Я. Общая характеристика языка современных СМИ в сопоставлении с языком СМИ предшествующего периода / Г. Я. Солганик // Язык массовой и межличностной коммуникации: сб. ст. под ред. Я. Н. Засурского, Н. И. Клушиной, В. В. Славкина, Г. Я. Солганика. – Москва: МедиаМир, 2007. – С. 15-39.

131. Сусов, И.П. К предмету прагмалингвистики. Содержательные аспекты предложения и текста / И.П.Сусов // Межвуз. темат. сб. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1983. – С.3-15.

132. Токарев, Г.В. Лингвокультурология: учеб. пособие / Г. В. Токарев. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун- та им. Л. Н. Толстого, 2009. – 135 с.

133. Трофимова, Ю.В. Концепт «политика» в русской языковой картине мира: специальность 10.02.01 "Русский язык" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Трофимова Юлия Вячеславовна ; Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2004. – 152 с.

134. Трофимова, О. В. Публицистический текст: лингвистический анализ : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 030600 "Журналистика" и специальности 030601 "Журналистика" / О.В. Трофимова, Н.В. Кузнецова. – Москва: Флинта – Наука, 2010. – 299 с.

135. Туленинова, Л.В. Здоровье и болезнь / Л.В. Туленинова // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2008. Т. 1. – С. 110-118.

136. Уракова, Ф. К. Текст как объект лингвистики / Ф. К. Уракова // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – № 6. – С. 64-66.

137. Усачева, А.Н. Здоровье / А.Н. Усачева // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. – С. 110-118.

138. Фоменко, Ю.В. Что стоит за термином «концепт»? / Фоменко Ю.В. // Вестник Омского университета.– 2004. – Выпуск 4. – С. 113-116.

139. Фортунатов, Ф.Ф. Избранные труды. Том 1. / Ф.Ф. Фортунатов. – Москва: Гос. учеб.- пед. изд- во, 1956. – С. 128-129.

140. Хазагеров, Г.Г. Функции стилистических фигур газетных заголовков (по материалам «Комсомольской правды»): специальность 10.02.01 "Русский язык" : диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук / Хазагеров Георгий Георгиевич ; Гос. ун-т им. М.А. Суслова. – Ростов-на-Дону, 1984. – 159 с.

141. Хохлов, А. А. Репрезентация диады «война – мир» в современном газетном заголовке (на примере использования крылатых единиц в российской прессе) / А. А. Хохлов // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 3(50). – С. 426-430.

142. Хохлов А.А. Репрезентация концепта СПОРТ фразеологическими средствами в СМИ / А.А. Хохлов // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 3 (42). С.183-188.

143. Хохлова, М. В. К вопросу о соотношении понятий «Текст», «Стиль» и «Дискурс» / М.В. Хохлова // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. – 2020. – № 1. – С. 75-81.

144. Чельшев, С.А. Речевое воздействие заголовков печатных изданий (на примере прессы Костромской области) / С.А. Чельшев // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 1, С. 88-90.

145. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская : учеб . пособие . – Москва: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.

146. Черняк, В.Д. Прецедентные феномены в современной беллетристике // И вновь продолжается бой... / В.Д. Черняк: сб. науч. ст., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф. С. Г. Шулежковой / гл. ред. В. М. Мокиенко. – Магнитогорск: МаГУ, 2010. С. 285-291.

147. Чижова, М. Е. Термин "концепт" в современной когнитивной лингвистике (с рассмотрением концептов здоровье и болезнь) / М. Е. Чижова // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 59– 3. – С. 81-84.

148. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора) / А.П. Чудинов : Учебное пособие. – Екатеринбург : Флинта, 2003. – 254 с.

149. Шаклеин, В.М. Концепт ДЕМОКРАТИЯ в русском политическом дискурсе с позиции китайской лингвокультурной традиции /

В.М. Шаклеин, Ц. Гуань, Д. Сунь // Научный диалог. – 2023. – № 12 (9). – С. 117-140.

150. Шарипов А.Ш. Прагматическая заданность газетных заголовков (на материале английских газет) / А.Ш. Шарипов, Ф.Б. Каримова // Учёные записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2015. – № 2 (43). – С. 146-150.

151. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Москва: Едиториал УРСС, 2001. – 223 с.

152. Шаховский, В.И. Стилистика английского языка / В.И. Шаховский : учеб. пособие. Изд. стереотип. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 232 с.

153. Шварцкопф, Б. С. Диапазон варьирования фразеологической единицы и норма / Б. С. Шварцкопф // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : материалы межвузовского симпозиума / Тульский гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого. – Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 1968. – С. 128–132.

154. Шевченко, Е.В. Новые аспекты дискурса в парадигме различных лингвистических подходов / Е.В. Шевченко // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири «Magister Dixit». – 2015. – №2(18). – С. 13-20.

155. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Москва: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 324 с.

156. Шкуран, О.В. Десакрализация библейского фразеологизма Не хлебом единым жив человек на материале интернет – , медиадискурса / О.В. Шкуран // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – № 7. – С. 54-63.

157. Шмелев, А. Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги / А. Д. Шмелев // Мир русского слова. – 2009. – №4. – С. 14-21.

158. Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С. Г. Шулежкова, – Москва : Азбуковник, 2002. – 288 с.

159. Шулежкова, С. Г. Лексикографическое описание крылатых единиц: проблемы и перспективы / С. Г. Шулежкова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 2 (24). – С. 62-72.

160. Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения-неологизмы, восходящие к песням и романсам конца XX– начала XXI в. / С.Г. Шулежкова, А. Н. Михин // Вестник ТГГПУ. – 2020. – № 1 (59). – С.132-141.

161. Шумилова, А.В. Новообразования в газетном заголовке: структурно-семантический аспект (на материале нижегородских СМИ): специальность 10.02.01 "Русский язык " : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шумилова Анна Владимировна ; Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2011. – 25 с.

162. Щелкунова, Е.С. Функционирование публицистического текста как дискурса / Е.С. Щелкунова // Проблемы массовой коммуникации на рубеже тысячелетий: матер. Всеросс. науч.-практ. конф. «Коммуникации в современном мире» (Воронеж, 12– 14 мая 2003) / под ред. В.В. Тулупова. – Воронеж: Факультет журналистики ВГУ. – 2003. – 204 с.

163. Althaus N. P., Henne H. Sozialkompetenz und Sozialperformanz: Thesen zur Sozialkompetenz – Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, 1970. Bd. 38. S. 1-15.

164. Bartsch R., Vennemann Th. Sprachtheorie // Lexikon der Germ. Linguistik / Hrsg. von H. P. Althaus, H. Henne, 1973. S. 34-55.

165. Fillmore C.J. Frame Semantics and the Nature of Language. Origins and Evolution of Language and Speech. New York: New York Academy of Sciences, 1976. – 280 с.

166. Oller J. W. On the Relation between Syntax, Semantics and Pragmatics // Linguistics. 1972. Vol. 83. P. 43-55

167. Van Dijk, Teun A. News Analysis: Case Studies of International and National News in the Press [Электронный ресурс]. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. – 1988. – 326 p. – Систем. требования: Intel

Pentium 1,6 GHz и более ; 256 Мб (RAM) ; Microsoft Windows XP и выше ; Firefox (3.0 и выше) или IE (7 и выше) или Opera (10.00 и выше), Flash Player, Adobe Reader. – Загл. с титул. экрана.

Лексикографические источники

168. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. / Черных П.Я. – Москва : Русский язык, 1994.

169. Малая советская энциклопедия. В 10- и тт. Т. 8. – Москва: «Советская энциклопедия», – 1930. – 309 с.

170. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. IV. – Москва, 1940. – 448 с.

171. Словарь иностранных слов современного русского языка. — Москва : «Аделант» , 2014. – 800 с.

172. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский язык, 1981–1984. Т. 1–4. А–Й. 698с. Т. 2 К–О. 736с. Т.4. – 796 с. – *МАС*.

173. Толковый словарь русского языка // Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – Москва : Гос. ин-т "Советская энциклопедия", 1939.

174. Фразеологизмы в русской речи: словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – Москва : Русские словари, 1997. – 864 с.

175. Этимологический словарь русского языка / А.Г. Преображенский. – Москва: Гос.изд-во иностр. и национ. словарей, 1958. – 1284 с.

**Примеры заголовков, в состав которых входят
трансформированные крылатые единицы, иллюстрирующие
функционирование концептов «общество», «здоровье – болезнь»
«спорт», «война – мир» в современном русском публицистическом
дискурсе**

Концепт «общество»

1. *«Есть у революции начало, нет у революции отца»* («Коммерсантъ», 27.01.2022) [Серов 2005: 242]
2. *«От снаряда до рассвета»* («Коммерсантъ», 26.01.2022) [Серов 2005: 553]
3. *«Пути индексации неисповедимы»* («Коммерсантъ», 24.01.2022) [Мокиенко 2005: 311; Серов 2005: 507]
4. *«Больше агентов, платежных и разных»* («Коммерсантъ», 19.01.2022) [Мокиенко 2005: 52; Серов 2005: 69]
5. *«Больше залогов, платежных и разных»* («Коммерсантъ», 21.01.2022) [Мокиенко 2005: 52; Серов 2005: 69]
6. *«Больше правил – хороших и разных»* («Литературная газета», 17.11.2021) [Мокиенко 2005: 52; Серов 2005: 69]
7. *«Много умников, хороших и разных»* («Известия», 20.04.2018) [Мокиенко 2005: 52; Серов 2005: 69]
8. *«Меньше вузов – хороших и разных»* («Известия», 28.01.2015) [Мокиенко 2005: 52; Серов 2005: 69]
9. *«Президент – это звучит долго»* («Коммерсантъ», 12.12.2021) [Мокиенко 2005: 539; Серов 2005: 819]
10. *«С корабля на трибунал»* («Коммерсантъ», 12.10.2021) [Мокиенко 2005: 453; Серов 2005: 676]

11. *«И вновь начинается Трамп»* («Коммерсантъ», 12.10.2021) [Мокиенко 2005: 453; Серов 2005: 285]
12. *«Главное – не Виктория, а участие»* («Коммерсантъ», 14.10.2021) [Серов 2005: 179]
13. *«Так облагалась электросталь»* («Коммерсантъ», 14.10.2021) [Мокиенко 2005: 212]
14. *«Ваш звонок очень важен для ФСИН»* («Коммерсантъ», 19.10.2021) [потенциальная]
15. *«А был ли запуск?»* («Коммерсантъ», 18.10.2021) [Мокиенко 2005: 19; Серов 2005: 6]
16. *«Лишенный за пьянство летать не может»* («Коммерсантъ», 12.10.2021) [Мокиенко 2005: 430; Серов 2005: 668]
17. *«О, сколько нам визитов чудных»* («Коммерсантъ», 12.10.2021) [Серов 2005: 532]
18. *«Не Орбаном единым»* («Коммерсантъ», 18.10.2021) [Мокиенко 2005: 324; Серов 2005: 501]
19. *«Горе от дума»* («Коммерсантъ», 13.10.2021) [Мокиенко 2005: 125]
20. *«От всех болезней Трамп полезней»* («Коммерсантъ», 03.10.2020) [Серов 2005: 553]
21. *«А батька бряцает, да ест»* («Коммерсантъ», 15.09.2020) [Мокиенко 2005: 19; Серов 2005: 7]
22. *«А был ли шпион? Мария Бутина написала книгу о своём заключении в тюрьме США»* («Аргументы и факты», 26.11.2020) [Мокиенко 2005: 19; Серов 2005: 6]
23. *«Расслабление смерти подобно»* («Коммерсантъ», 03.10.2020) [Мокиенко 2005: 407; Серов 2005: 638]
24. *«А судьи чьи?»* («Огонёк», 28.09.2020) [Мокиенко 2005: 33; Серов 2005: 17]
25. *«Из реестра с чистой совестью»* («Коммерсантъ», 08.09.2020) [Серов 2005: 466]

26. *«Дожили до понедельника»* («Коммерсантъ», 02.11.2020) [Мокиенко 2005: 146; Серов 2005: 220]
27. *«И дипломаты говорят, и пушки не молчат»* («Коммерсантъ», 12.03.2022) [Мокиенко 2005: 226; Серов 2005: 353]
28. *«Кто не с нами, тот против всех»* («Коммерсантъ», 03.03.2022) [Мокиенко 2005: 241; Серов 2005: 379]
29. *«Монголом жечь сердца людей»* («Коммерсантъ», 16.12.2021) [Мокиенко 2005: 120; Серов 2005: 180]
30. *«Вы жертвою пали в борьбе лосевой»* («Коммерсантъ», 22.11.2021) [Мокиенко 2005: 109; Серов 2005: 161]
31. *«Здесь Беларусь, здесь Польшей пахнет»* («Коммерсантъ», 11.11.2021) [Мокиенко 2005: 489; Серов 2005: 742]
32. *«Не Meta единой»* («Коммерсантъ», 12.03.2022) [Мокиенко 2005: 324; Серов 2005: 501]
33. *«Есть только ДЭГ – за него и держись»* («Коммерсантъ», 12.03.2022) [Серов 2005: 242]
34. *«Байден, водка, алмаз и лосось»* («Коммерсантъ», 11.03.2022) [потенциальная]
35. *«Атакованных не судят»* («Коммерсантъ», 10.02.2022) [Мокиенко 2005: 375; Серов 2005: 593]
36. *«Все тайное станет майнинг»* («Коммерсантъ», 08.02.2022) [Серов 2005: 156]

Концепт «спорт»

1. *«Велика Россия, а отбивать некуда»* ("Коммерсантъ", 30.06.2018) [Мокиенко 2005: 68; Серов 2005: 108]
2. *«Сезон скорее мертв, чем жив»* ("Коммерсантъ", 30.03.2020) [Серов 2005: 570]

3. *«Трус не играет в хоккей. Донской бизнесмен подарил землякам ледовый каток»* ("АиФ на Дону", 04.02.2020) [Мокиенко 2005: 501; Серов 2005: 759]
4. *«Вирус не играет в хоккей»* ("Коммерсантъ", 23.03.2020) [Мокиенко 2005: 501; Серов 2005: 759]
5. *«И последние станут первыми...»* («Советский спорт» 7.12.2013) [Серов 2005: 377]
6. *«Кипр распахнул окно в Европу»* («Коммерсантъ», 14.10.2019) [Мокиенко 2005: 342; Серов 2005: 542]
7. *«Последнее каталонское»* («Коммерсантъ», 21.08.2019) [Серов 2005: 611]
8. *«А вы, друзья, как ни садитесь...» Почему 18 клубов вместо 16 – дурная идея»* («Советский спорт», 03.03.2022) [Мокиенко 2005: 21; Серов 2005: 10]
9. *«“Спасение” уезжающих: ФИФА разрешила легионерам легально покинуть РПЛ»* («Известия», 08.03.2022) [Серов 2005: 720]
10. *«Окно в Россию: кто из легионеров покинул РПЛ и кто остался»* («Известия», 04.03.2022) [Мокиенко 2005: 342; Серов 2005: 542]
11. *«Как закалялась медаль: чего добились россияне к 15-му дню Олимпиады»* («Известия», 19.03.2022) [Мокиенко 2005: 212]
12. *«Их ответ Кубертену»* («Коммерсантъ», 12.02.2022) [Серов 2005: 483]
13. *«Знаковые все лица: в каком составе хоккейная сборная едет в Пекин»* («Известия», 24.01.2022) [Мокиенко 2005: 36; Серов 2005: 42]
14. *«Содом и Коморы»* («Коммерсантъ», 19.01.2022) [Мокиенко 2005: 465; Серов 2005: 715]
15. *«Великолепная шестерка: смогут ли биатлонисты взять максимальную квоту»* («Коммерсантъ», 14.01.2022) [Мокиенко 2005: 70; Серов 2005: 114]
16. *«Грузовики, наденьте ордена»* («Коммерсантъ», 14.01.2022) [Мокиенко 2005: 523; Серов 2005: 797]

17. «Легко ли быть золотым» («Коммерсантъ», 23.12.2021) [Мокиенко 2005: 246; Серов 2005: 389]

Концепт «здоровье – болезнь»

1. «Вопрос «Труда»: А вы готовы к труду и обороне?» («Труд», 26.03.2014) [Серов 2004: 192]
2. «К труду и обороне готовы сотрудники множества организаций Красноармейского района» («Маяк», 14.09.2018) [Серов 2004: 192]
3. «Готов к труду и обороне!» («Мир предложений», 04.10.2019) [Серов 2004: 192]
4. «Готов к труду и обороне» («Рузаевские новости», 25.06.2018) [Серов 2004: 192]
5. «Готов к труду и обороне» («Вестник», 11.09.2014) [Серов 2004: 192]
6. «Лет до ста расти нам без старости?» («Аргументы Недели», 10.12.2015) [Мокиенко 2005: 248; Серов 2004: 391]
7. «Лет до ста расти нам без старости» («Экспресс газета », 23.06.2014) [Мокиенко 2005: 248; Серов 2004: 391]
8. «Лет до ста расти – без старости!» («Рязанские ведомости », 04.06.2021) [Мокиенко 2005: 248; Серов 2004: 391]
9. «До ста расти» («Российская газета», 17.07.2019) [Мокиенко 2005: 248; Серов 2004: 391]
10. «Спасение спасающих. Режим работы врачей в «красной зоне» пересмотрят» («Известия», 10.09.2020)) [Мокиенко 2005: 471; Серов 2004: 720].
11. «Штамм в имени тебе моем: в РФ обсуждают три названия коронавируса» («Известия», 14.02.2020) [Мокиенко 2005: 545; Серов 2005: 828]
12. «С корабля на шторм: военные моряки начали дезинфекцию городов» («Известия», 08.06.2020) [Серов 2005: 676]

13. *«Работа-то привитая, работа-то с людьми»* («Коммерсантъ», 17.06.2021) [потенциальная]
«Не коронавирусом единым» («Коммерсантъ», 11.12.2020) [Мокиенко 2005: 324; Серов 2005: 501]
14. *«И COVID, сын ошибок трудных. И Путин, парадоксов друг»* («Коммерсантъ», 27.05.2021) [Мокиенко 2005: 347; Серов 2005: 532]
15. *«Прививка – вторая натура»* («Коммерсантъ», 11.02.2021) [Мокиенко 2005: 400; Серов 2005: 629]
16. *«У нас «Спутников» на всех хватит»* («Коммерсантъ», 21.06.2021) [потенциальная]
17. *«От прививки станет всем светлей»* («Коммерсантъ», 29.12.2020) [потенциальная]
18. *«Ревматизм – это звучит дорого»* («Независимая газета», 13.07.2021) [Мокиенко 2005: 539; Серов 2005: 819]
19. *«Спешить нельзя подождать: насколько актуальна и полезна на самом деле повторная вакцинация от COVID-19»* («Комсомольская правда», 13.08.2021) [потенциальная]
20. *«Не все хорошо, что сладко»* («Комсомольская правда», 20.07.2021) [потенциальная]

Концепт «война – мир»

1. *«Война нервов: как Гонконг обростает новыми страхами»* («Известия», 30.08.2019) [Мокиенко 2005: 88; Серов 2005: 133]
2. *«Война нервов»* («Коммерсантъ», 30.11.2021)
3. *«Англия начинает войну нервов»* («ВПК», 15.11.2021)
4. *«Война нервов»* («Эксперт», 18.06.2018)
5. *«Бери шинель, пошли домой!»* («КП», 25.06.2015) [Мокиенко 2005: 44; Серов 2005: 55]
6. *«Наверх вы, товарищи, все по местам»* («Аргументы и факты», 02.04.2022) [Мокиенко 2005: 290; Серов 2005: 468]

7. *«Вставай, страна огромная!»* («Коммунист», 10.04.2020) [Мокиенко 2005: 105; Серов 2005: 158]
8. *«Вставай, страна огромная!»* («Факт», 01.05.2020)
9. *«Вставай, страна огромная!»* («Советская Россия», 23.06.2016)
10. *«Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!»* («Дагестанская правда», 07.07.2017)
11. *«За себя и за того парня»* («НКК», 20.09.2020) [Серов 2005: 262]
12. *«Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!»* («Новое Заволжье», 02.04.2022) [Мокиенко 2005: 105; Серов 2005: 143]
13. *«"Враг будет разбит, победа будет за нами"»* («Заполярная правда», 03.05.2018) [Мокиенко 2005: 105; Серов 2005: 143]
14. *«Победа будет за нами!»* («Известия», 09.05.2018) [Серов 2005: 143]
15. *«Если завтра война: критерии победы и поражения»* («Юридическая газета», 25.02.2022) [Мокиенко 2005: 158; Серов 2005: 236]
16. *«Если завтра война»* («Новая газета», 28.07.2016) [Мокиенко 2005: 158; Серов 2005: 236]
17. *«Мы пол-Европы прошагали, полземли»* («Крымская газета», 03.12.2015) [Мокиенко 2005: 383]
18. *«Пол-Европы прошагали, полземли»* («Северная вахта», 12.05.2015) [Мокиенко 2005: 383]
19. *«Пол-Европы прошагал он, полземли...»* («Курганские известия», 12.05.2015) [Мокиенко 2005: 383]
20. *«Псы войны»* («Огонёк», 21.03.2011) [Серов 2005: 644]
21. *«Винтовка рождает власть»* («Труд», 13.09.2019) [Серов 2005: 125]
22. *«До Багдада все спокойно»* («Коммерсантъ», 16.04.2012) [Серов 2005: 88]
23. *«Дубина народной войны»* («Парламентская газета», 05.07.2016) [Мокиенко 2005: 151; Серов 2005: 226]
24. *«Хочешь мира – готовься к войне»* («Независимая газета», 12.07.2018) [Мокиенко 2005: 528; Серов 2005: 807]

25. «Готовься к войне» («Новая газета», 31.10.2021) [Мокиенко 2005: 528; Серов 2005: 807]
26. «Маленькая непобедоносная. 40 лет войне Аргентины и Британии за Фолкленды» («Аргументы и факты», 02.04.2022) [Серов 2005: 412]
27. «Наше дело правое» («Гудок», 04.03.2022) [Мокиенко 2005: 105; Серов 2005: 143]
28. «Перекуем мечи на орала» («Коммерсантъ», 08.10.2019) [Серов 2005: 573]
29. «Перекуем мечи на орала - если получится...» («Протестант», 08.10.2019) [Серов 2005: 573]
30. «У войны не женское лицо» («Наша Газета», 08.03.2022) [Серов 2005: 768]
31. «У войны не женское лицо» («Дилетант», 17.06.2016) [Серов 2005: 768]
32. «Но поражение от победы ты сам не должен отличать» («Труд», 14.09.2022) [Серов 2005: 522].